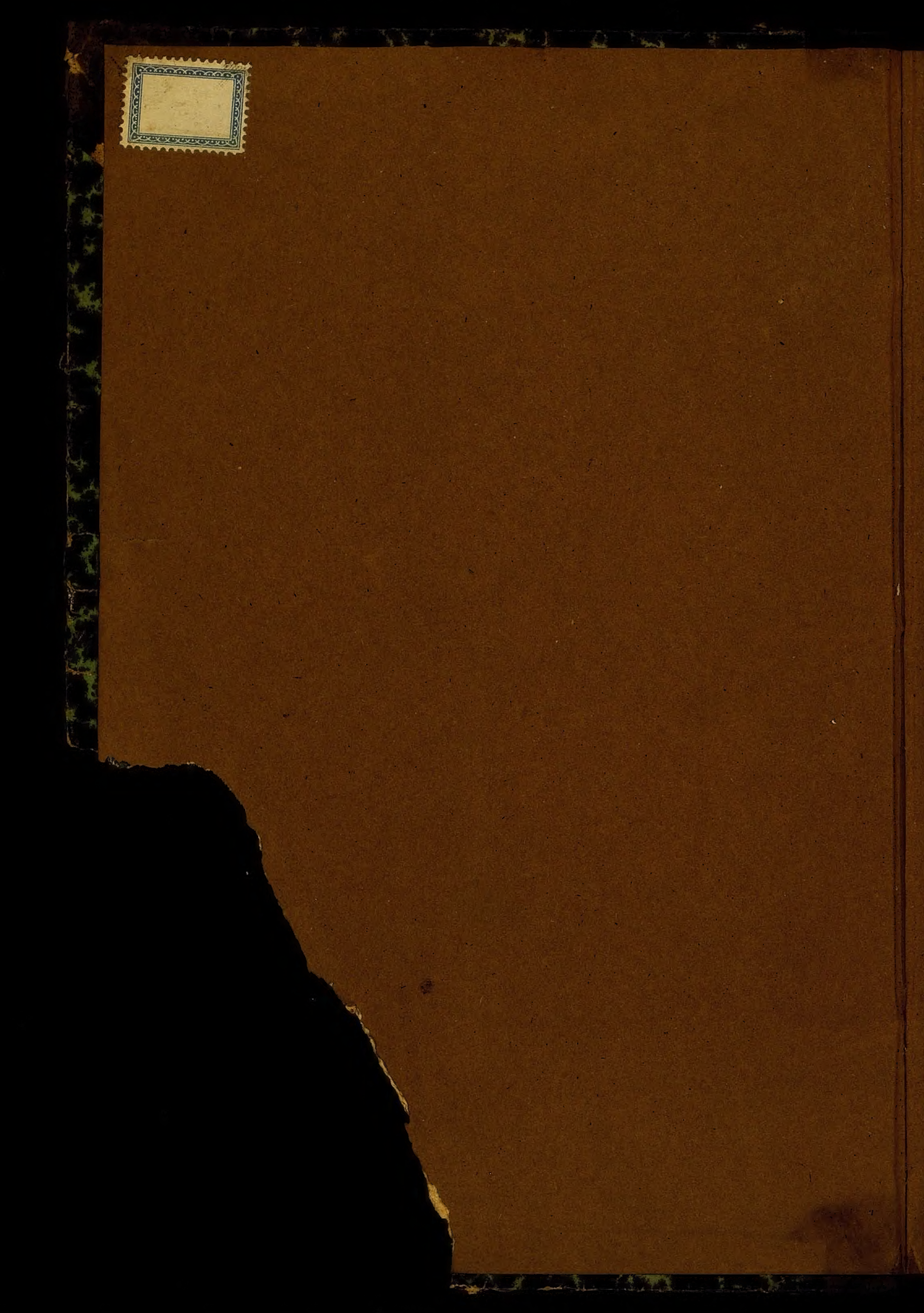
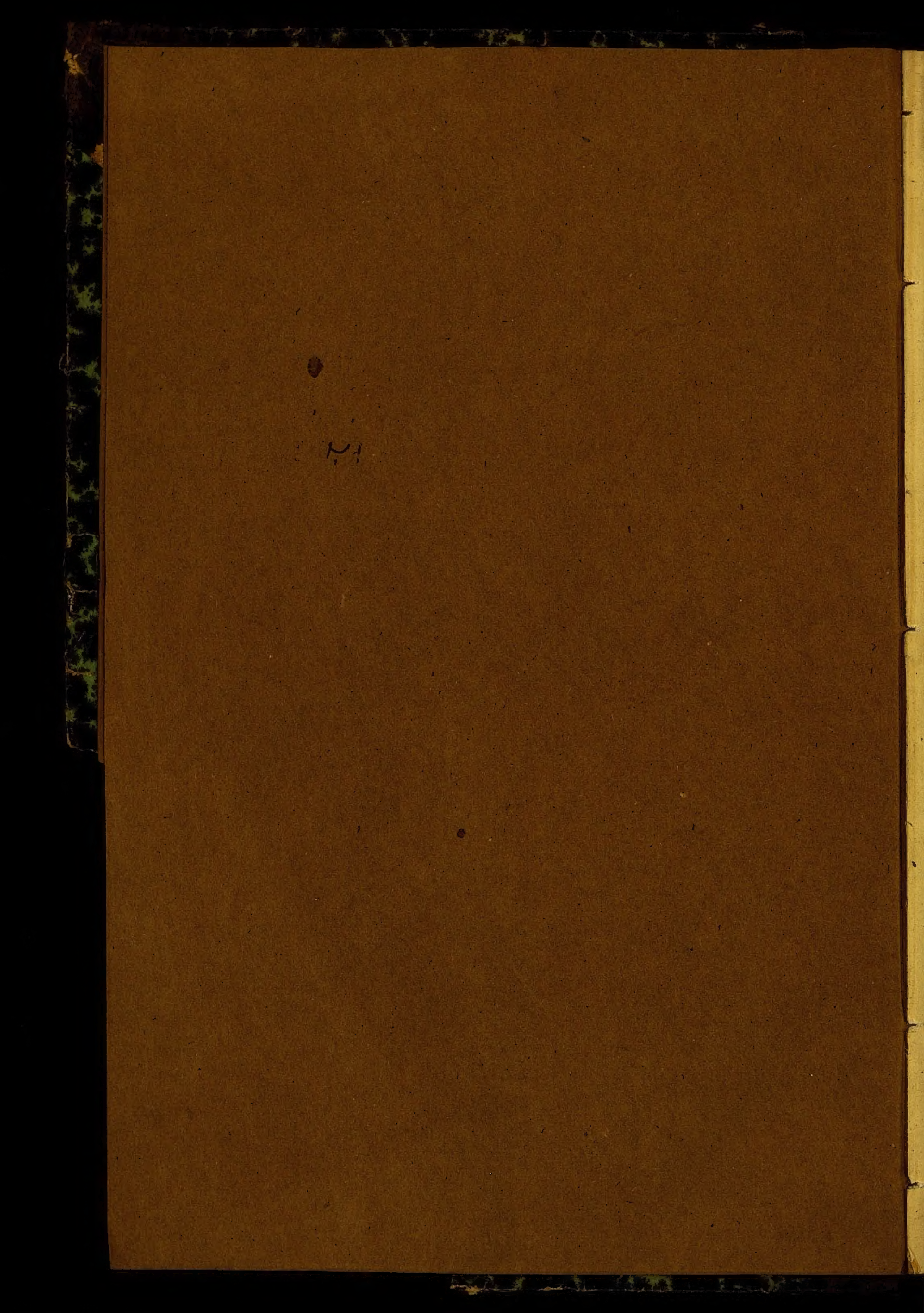
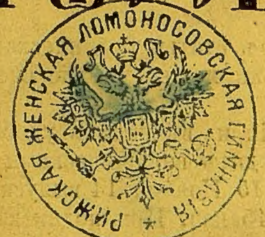

РУССКІЙ АРХИВЪ

Журнальный фонд
57459

1889

1.

Приложенъ портретъ князя А. И. Барятинскаго (въ среднихъ лѣтахъ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала Русской образованности до нашихъ дней).

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

По примѣру иностранныхъ объемистыхъ изданій и въ видахъ удобства пріобрѣтенія, «Критико-біографическій словарь» выходитъ періодическими выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 стр.). Вышло до 15 Ноября 14 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою 45 коп. При подпискѣ-же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою или доставкою.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается **разсрочка** платежа; но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяцъ, причемъ служащимъ, представляющимъ ручательство казначеевъ, высылаются разомъ всѣ вышедшіе выпуски, не представляющимъ-же таковаго ручательства—по мѣрѣ взносовъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: *С.-Петербургъ, Лиговка, 47. Семену Аѳанасьевичу Венгерову.*

БИБЛІОГРАФЪ

1889. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО. **Годъ V.**

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владимировъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. Ѳ. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ дост. и перес. въ Россіи **5** р., за границу **6** р.
отдѣльно нумеръ **50** к., съ перес. **60** к.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1889.

I.

Въ 1889 году „Русскій Архивъ“ выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

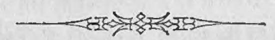
γνῶθι σεαυτόν.

1889.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1889.

Перепечатка бумагъ и статей изъ «РУССКАГО АРХИВА», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія.

ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Поволжье и Ливонія.

Болѣзнь Ивана Васильевича и боярскія пререканія.—Поѣздка въ Кирилловъ монастырь Мятежъ Казанскихъ инородцевъ и первый Казанскій архіепископъ.—Ногайская орда.—Покореніе Астрахани.—Походы на Крымцевъ.—Разногласіе царя съ совѣтниками и поворотъ во внѣшней политикѣ.—Враждебность западныхъ сосѣдей.—Внутреннее состояніе Ливоніи.—Водвореніе въ ней реформаціи.—Вопросъ о Юрьевской дани и пятнадцатилѣтнее перемиріе съ Москвою.—Междоусобіе Ордена съ Рижскимъ архіепископомъ.—Вторженіе Русскихъ и разореніе страны.—Взятіе ими Нарвы и завоеваніе Юрьевской области.—Готтардъ Кетлеръ и его договоръ съ Польскимъ королемъ.—Паденіе Феллина.—Раздѣлъ Ливоніи.—Общій выводъ.

Зимою 1553 года Іоаннъ жестоко заболѣлъ горячкою или «огневою болѣзнію», какъ называетъ ее лѣтопись. Состояніе больнаго было настолько опасно, что царскій дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый напомнилъ ему о духовномъ завѣщаніи. Немедленно написали духовную, по которой государь назначалъ себѣ преемникомъ своего сына—младенца Димитрія. Для большей крѣпости этого распоряженія, рѣшено было привести бояръ и другихъ ближнихъ людей къ присягѣ на вѣрность царевичу Димитрію. Но тутъ вдругъ возникла сильная распря: часть бояръ присягнула, а именно князья Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Владиміръ Воротынскій и Димитрій Палецкій, Иванъ Шереметевъ, Михаилъ Морозовъ, Даніилъ Романовичъ и Василій Михайловичъ Захарьины-Юрьевы, Алексѣй Адашевъ и нѣкоторые другіе; большинство же бояръ, имѣя во главѣ князей Ивана Михайловича Шуйскаго, Петра Щепятьева, Ивана Турунтая-Пронскаго и Семена Ростовскаго, отказывалось присягать на службу «пелёпичному» царевичу. Къ этой противной сторонѣ присталъ и окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ Алексѣя, который высказалъ прямо и причину отказа: Тебѣ государю и сыну твоему царевичу Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу съ братьею не служити; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пелёницахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Данилу съ братіей; *а мы ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія.*

Слѣдовательно новое малолѣтство царя, повтореніе боярщины и правленіе Захарьиныхъ—вотъ что страшило большинство самихъ же бояръ. Напрасно больной царь увѣщевалъ ослушниковъ, говоря, что они будутъ служить сыну его, а не Захарьинымъ, и укоря ихъ въ томъ, что они, вопреки присягѣ, ищутъ себѣ другаго государя. Дѣйствительно, ослушники, выражавшіе желаніе служить взрослому государю, а не младенцу, имѣли въ виду двоюроднаго царскаго брата Владимира Андреевича (о родномъ братѣ царскомъ Юріѣ не было и рѣчи по его малоумію). Самъ князь Владимиръ Андреевичъ также отказывался отъ присяги и очевидно питалъ честолюбивый замыселъ. Мало того: въ это именно время онъ и мать его Евфросинья (урожденная Хованская) собирали у себя своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Вслѣдствіе того вѣрные бояре начали беречься князя Владимира и перестали пускать его къ государю. Тутъ выступилъ впередъ извѣстный Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, издавна находившійся у князя Владимира и его матери въ особой любви и пріязни; онъ началъ упрекать бояръ за то, что они не допускаютъ князя до государя, увѣряя въ его доброхотствѣ. Цѣлые два дня во дворцѣ происходили шумные споры и перебранка между той и другой стороною. Больной царь призвалъ вѣрныхъ бояръ и черезъ силу говорилъ имъ, увѣщевая стоять крѣпко за своего сына, не дать его извести невѣрнымъ боярамъ и въ случаѣ нужды бѣжать съ нимъ въ чужую землю.

— А вы Захарьины—прибавилъ онъ обращаясь къ шурьямъ—чего испугались? Али чаете, бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете, и вы бы за сына моего, да за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали.

Услыхавъ такія «жестокія слова» государя, всѣ бояре «поустрашилися», перестали наконецъ прекословить и пошли въ переднюю избу для принесенія присяги. А прежде они не шли туда и отговаривались тѣмъ, что ихъ заставляютъ цѣловать крестъ не въ присутствіи государя.

Крестъ держалъ дьякъ Иванъ Висковатый, а у креста стоялъ князь Владимиръ Воротынскій.

— Твой отецъ, да и ты послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту, сказалъ князю Воротынскому князь Турунтай-Пронскій.

— Я измѣнникъ—отвѣчалъ Воротынскій,—а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его; ты прямой человѣкъ, а креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь,

Князь Пронскій смутился отъ этихъ словъ и поспѣшилъ присягнуть. Заставили также присягнуть и князя Владиміра Андреевича, грозя иначе не выпустить его изъ дворца.

Потрясеніе, испытанное Іоанномъ въ эти два дня, можетъ быть, дало благодѣтельный толчокъ его нервному организму. Какъ бы то ни было, онъ вскорѣ оправился и всталъ съ одра болѣзни. По всей вѣроятности радость, причиненная выздоровленіемъ, превысила скорбное чувство, возбужденное упомянутою распрею и ослушаніемъ многихъ бояръ: царь на первое время никого изъ нихъ не подвергъ опалѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что у него осталось горькое воспоминаніе объ этомъ случаѣ, и въ его впечатлительной душѣ зародилось чувство подозрительности къ окружавшимъ его. Въ сущности опасенія бояръ въ виду преемника-младенца были естественны послѣ того, что государство претерпѣло въ малолѣтство самого Іоанна; а между тѣмъ наслѣдованіе престола въ прямой линіи помимо старшаго въ родѣ еще не успѣло сдѣлаться настолько исконнымъ государственнымъ обычаемъ, чтобы о немъ не могло возникнуть и вопроса въ подобномъ исключительномъ случаѣ. Іоаннъ, можетъ быть, и самъ отчасти сознавалъ эти смягчающія обстоятельства. Тѣмъ не менѣе первая тѣнь на его отношенія къ главнымъ своимъ совѣтникамъ и любимцамъ была наброшена. Хотя Алексѣй Адашевъ самъ присягнулъ безъ спора, но отецъ его очутился въ числѣ явныхъ противниковъ присяги. Сильвестръ также ничего не говорилъ противъ присяги, но онъ слишкомъ неосторожно вступился за Владиміра Андреевича, явившагося въ эту минуту претендентомъ на престолъ. По всей вѣроятности наиболѣе вредное вліяніе этотъ случай оказалъ на расположеніе супруги царя, Анастасіи, къ его совѣтникамъ; такъ какъ означенная боярская распря направлена была противъ ея сына, ея самой и ея родни, то весьма естественно, что послѣ того между нею и царскими совѣтниками возникли холодныя отношенія, которыя въ свою очередь конечно подѣйствовали на самого государя.

Едва ли не первымъ поводомъ къ разногласію между Іоанномъ и его совѣтниками послужила поѣздка по монастырямъ, которую онъ предпринялъ вскорѣ послѣ своего выздоровленія, вслѣдствіе даннаго имъ обѣта. Въ то время нѣкоторыя дѣла государственныя, особенно мятежи въ Казанской землѣ, требовали усиленнаго вниманія и дѣятельности со стороны государя, и совѣтники его очевидно не одобряли этой поѣздки; но Іоаннъ, едва самъ оправившійся отъ болѣзни, поѣхалъ и взялъ съ собою не только супругу, но и маленькаго сына Димитрія (въ Маѣ 1553 года). Прежде всего онъ направился въ Троицкую Лавру. Здѣсь въ то время пребывалъ знаменитый старецъ

Максимъ Грекъ. Онъ претерпѣлъ долгое и тяжкое заключеніе въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ; но послѣ кончины Василія III его участь была облегчена, и его перевели на покой въ Троицкую Лавру (гдѣ онъ потомъ и скончался въ 1556 году). Іоаннъ бесѣдовалъ съ Максимомъ о своемъ обращеніи къ заступничеству св. Кирила Бѣлозерскаго во время болѣзни и о своемъ обѣтѣ ѣхать въ его монастырь, въ случаѣ выздоровленія. Старецъ, согласно съ совѣтниками царскими, говорилъ, что было бы лучше и угоднѣе Богу, если бы Государь, вмѣсто дальней поѣздки, своими попеченіями и помощью отеръ слезы матерей, вдовъ и сиротъ тѣхъ многочисленныхъ воиновъ, которые пали подъ Казанью за православную вѣру. Но Іоаннъ стоялъ на поѣздкѣ въ Кириловъ и по другимъ монастырямъ, поощряемый къ тому сребролюбивыми монахами, которые ожидали отъ него богатыхъ вкладовъ и имѣній (по свидѣтельству князя Курбскаго). Тогда, если вѣрить тому же свидѣтельству, Максимъ посредствомъ нѣкоторыхъ спутниковъ царя (духовника его Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго) предсказалъ ему, что сынъ его не воротится изъ сей поѣздки.

Изъ Троицкой Лавры Іоаннъ направился къ городу Дмитрову или собственно въ Пѣсношскій монастырь, расположенный на рѣкахъ Яхромѣ и Пѣсношѣ. Въ семъ монастырѣ проживалъ другой старецъ, Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ Коломенскій, лишенный архіерейской каѳедры во время боярщины. Онъ принадлежалъ къ Осифлянамъ, т. е. къ постриженикамъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, и былъ другаго образа мыслей съ Максимомъ Грекомъ. Тотъ же современникъ передаетъ слѣдующую тайную бесѣду царя со старцемъ Вассіаномъ.

— Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти? спросилъ Іоаннъ.

— Аще хощеши самодержцемъ быти, шопотомъ отвѣчалъ ему Вассіанъ: не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будешь въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ.

— О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми! воскликнулъ Іоаннъ, цѣлуя руку недобраго старца.

Происходила ли въ дѣйствительности таковая бесѣда, трудно сказать; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Вассіанъ говорилъ въ подобномъ родѣ и что его коварный совѣтъ палъ на воспріимчивую почву.

Отсюда Іоаннъ отправился на судахъ Яхромою и Дубною въ Волгу, посѣтилъ монастыри Калязинскій, Покровскій; потомъ Шексною поднялся въ Бѣлое озеро, и прибылъ въ Кириловъ монастырь. Оставивъ тутъ царицу, онъ еще ѣздилъ въ Ѳерапонтову обитель и по сосѣднимъ пустынямъ. На обратномъ пути изъ Кирилова онъ посѣтилъ святыни въ Ярославлѣ, Ростовѣ и Переяславлѣ. Въ Москву царская чета воротилась въ горѣ: младенецъ Димитрій дѣйствительно не выдержалъ такого долгаго пути и умеръ на дорогѣ въ столицу. Но въ слѣдующемъ году царь и царица были утѣшены рожденіемъ другаго сына, названнаго отцовскимъ именемъ Ивана.

Около этого времени изъ Казанской земли начали приходить тревожныя вѣсти. Въ составъ Казанскаго царства, какъ извѣстно, входило нѣсколько Финскихъ и Тюркскихъ народцевъ, именно: Черемисы, Чуваши, Мордва, Вотяки и Башкиры. Послѣ взятія главнаго города они большею частью присягнули на Русское подданство и обязались платить Москвѣ такой же ясакъ, какой платили прежде Казани. Но давнія связи съ Казанскими Татарами и привычка къ подчиненію послѣднимъ не могли быть порваны вдругъ; а Татары не скоро могли помириться съ прекращеніемъ своего господства и съ водвореніемъ креста въ ихъ магометанской столицѣ. Часть многочисленной Казанской знати разсѣялась по окрестнымъ народцамъ, и заодно съ ихъ князьками и старшинами стала поднимать ихъ къ бунту противъ Москвы; къ сему удобный поводъ давали сборы ясака, сопровождаемые иногда разными обидами и своеволіемъ со стороны ратныхъ людей. Изъ этихъ народцевъ особенно сильные мятежи производила Луговая Черемиса; ея примѣромъ увлеклись и Арскіе люди, т. е. Вотяки. Мятежники начали избивать Русскіе отряды, посылаемые для сбора ясака. Часть ихъ укрѣпилась въ лѣсныхъ засѣкахъ, откуда дѣлала набѣги на Русскихъ. Они поставили для себя даже укрѣпленный городъ на рѣкѣ Мешѣ (притокѣ Камы), для обороны отъ Русскихъ. Первыя дѣйствія нашихъ воеводъ противъ мятежниковъ были не всегда удачны; силы, оставленныя въ Казани и Свіяжскѣ, оказались недостаточны для укрощенія всего края. Въ Москвѣ на первое время не обратили должнаго вниманія на его трудное положеніе, и лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь во время своей поѣздки по монастырямъ поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти» (т. е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша». Изъ предводителей мятежной Луговой Черемисы особенно выдался нѣкій «сотникъ» или сотенный князь Мамичъ-Бердей.

Съ его согласія Луговая Черемиса призвала одного князя изъ Ногайской орды и поставила его у себя царемъ. Но потомъ, видя, что отъ этого царя нѣтъ никакой помощи, Мамичъ-Бердей убилъ его вмѣстѣ съ его Ногайской свитою; отрубленную его голову Черемиса воткнула на колъ, и глумилась надъ нимъ такими словами: «Ты съ людьми твоими не столько помощи намъ сотворилъ, сколько нашихъ коровъ и воловъ поѣлъ; пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колу». Пришлось посылать новые полки на помощь мѣстнымъ воеводамъ. Мамичъ-Бердей былъ захваченъ въ плѣнъ Горными Черемисами, которыхъ онъ тщетно пытался поднять къ бунту. Его отвезли въ Москву. Послѣ того усмиреніе мятежа пошло успѣшно, въ особенности благодаря энергичнымъ распоряженіямъ Казанскаго намѣстника князя Петра Шуйскаго. Воеводы Морозовъ и Салтыковъ ходили въ Арскую область и страшно ее опустошили; они брали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей, а мужчинъ избивали. Другіе отряды съ такимъ же успѣхомъ ходили на Луговую Черемису и разгромили это безпокойное племя. Наконецъ, въ 1557 году, послѣ многаго кровопролитія и большихъ опустошеній, вся Казанская земля была усмирена

Еще прежде этого окончательнаго усмиренія Іоаннъ позаботился о церковномъ устроеніи вновь покореннаго царства и распространеніи здѣсь православія. Для сего въ Казани учреждена была особая архіепископская каѳедра, и первымъ архіепископомъ сюда былъ поставленъ игуменъ Селижарова монастыря Гурій. Его отправили въ новую епархію съ архимандритами Варсонофіемъ и Германомъ, съ игумнами и священниками (1555 г.). Въ наказѣ данномъ Гурію, ему поручено привлекать Татаръ разными мѣрами, напримѣръ, избавлять провинившихся отъ наказанія, если они изъявятъ желаніе креститься, часто угощать новокрещенныхъ, поить ихъ квасомъ и медомъ, вообще дѣйствовать не страхомъ и жестокостью, а любовью и лаской. При семъ Казанскому намѣстнику кн. Петру Ивановичу Шуйскому вмѣнено въ обязанность быть въ единодушіи съ архіепископомъ и совѣтоваться съ нимъ въ дѣлахъ управленія. На содержаніе архіепископа и духовенства, кромѣ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, назначена была часть селъ и земель, бывшихъ прежде во владѣніи Казанскихъ царей и вельможъ. Къ Казанской епархіи причислены были Свіяжскъ съ нагорною стороною Волги, Васильсурскъ и вся Вятская область. Въ ряду Русскихъ іерарховъ архіепископъ Казанскій и Свіяжскій занялъ степень ниже Новгородскаго владыки и выше Ростовскаго. Для закрѣпленія новозавоеваннаго царства за Москвою построено было нѣсколько крѣпостей, заселенныхъ дѣтьми боярскими и стрѣльцами; та-

ковы въ особенности Чебоксары, на нагорной сторонѣ Волги, и Лаишевъ на правомъ берегу Камы недалеко отъ ея устья. Послѣдній долженъ былъ служить защитою отъ «прихода Ногайскихъ людей», какъ выражается лѣтопись.

Ногайскіе Татары занимали тогда своими кочевьями и становищами все огромное пространство между Волгою и морями Аральскимъ и Каспійскимъ. Это собственно такъ называемая Большая Ногайская орда; средоточіемъ ея былъ городъ Сарайчикъ, лежавшій въ низовьяхъ рѣки Яика. На югѣ, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, кочевала Малая Ногайская орда. Главная или Волжско-Яицкая орда, при своей многочисленности, могла бы сдѣлаться очень опаснымъ сосѣдомъ для Московскаго государства; но въ ней не образовалось единой власти, подобной Крымскому ханству. Ногайскіе князья (беки или біи) происходили отъ извѣстнаго мурзы Эдигея. Достоинство *улу-бія*, т. е. великаго князя переходило къ старшему въ Эдигеевомъ родѣ и служило нерѣдко предметомъ междоусобій. По образцу Золотой орды и Крымской, этотъ верховный князь былъ окруженъ Татарской аристократіей, носившей титулы мурзъ, карачіевъ и улановъ, которые стояли во главѣ своихъ родовъ; но власть его не была велика, и сила его зависѣла отъ вѣрности или преданности этихъ знатныхъ людей. Раздорами и разъединеніемъ Ногаевъ Московская политика ловко пользовалась въ своихъ видахъ. Въ данную эпоху улу-біемъ въ этой ордѣ считалъ себя Юсуфъ, отецъ Суюнбеки, дѣдъ маленькаго Утемишъ-Гирея. Онъ конечно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на плѣнъ своей дочери и внука и на паденіе Казанскаго царства; но, несмотря на возбужденія со стороны Крымцевъ и Турецкаго султана, оказалъ лишь ничтожную помощь Казани, ибо его силы и вниманіе были заняты борьбою съ собственнымъ братомъ мурзой Измаиломъ. Послѣдній не признавалъ старшинства Юсуфа и самъ стремился занять мѣсто верховнаго Ногайскаго князя; торговыя выгоды связывали его съ Москвою. Межъ тѣмъ какъ Татары Юсуфа торговали главнымъ образомъ съ Бухарой, Измаиловы Татары гоняли на продажу въ Москву огромные конскіе табуны и получали большія выгоды отъ этой торговли. Кромѣ того Московское правительство посылало Измаилу богатые подарки, а также давало ему на помощь стрѣльцовъ и вообще усердно поддерживало его соперничество съ Юсуфомъ, съ которымъ впрочемъ тоже старалось быть въ добрыхъ отношеніяхъ, и награждало его подарками. Послѣ взятія Казани, когда произошли мятежи Казанскихъ народцевъ, Юсуфъ оказывалъ имъ помощь и даже собирался съ своими мурзами идти на Москву во главѣ стотысячнаго Ногайскаго ополченія; Измаилъ же не только отказался принять уча-

стіе въ этомъ походѣ, но и отговорилъ другихъ мурзъ, и такимъ образомъ походъ не состоялся. Тотъ же Измаилъ помогъ Москвѣ завоевать царство Астраханское.

Какъ извѣстно, Астрахань сдѣлалась средоточіемъ небольшаго Татарскаго царства, которое возникло по нижней Волгѣ, на мѣстѣ бывшей Золотой орды. Этотъ городъ пріобрѣлъ важное торговое значеніе, благодаря тому, что онъ лежалъ на водномъ пути изъ Каспійскаго моря въ Азовское, т. е. изъ Азіи въ южную Европу, а также на пути отъ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ до Казани. Внутреннимъ своимъ устройствомъ Астраханское царство походило на Казанское; здѣсь также верховная власть находилась въ рукахъ царя или хана, ограниченнаго мѣстной аристократіей бековъ, мурзъ и улановъ. Господствующая религія также была магометанская. Но по своей слабости Астраханское царство не могло пріобрѣсти полной самостоятельности, и вліяніе Крымскихъ Гиреевъ здѣсь соперничало съ вліяніемъ сосѣднихъ князей Ногайскихъ и государя Московскаго, хотя и отдаленнаго отъ Астрахани, но опиравшагося на близкихъ къ ней Донскихъ козаковъ. Отсюда довольно частая перемѣна хановъ. Изгнанные противной партіей изъ отечества, Астраханскіе царевичи нерѣдко уходили въ Россію и вступали въ службу Московскаго государя. Къ такимъ царевичамъ, какъ извѣстно, принадлежалъ Авліоръ, отецъ Шигъ-Алея и Еналея. Въ 1552 году прибылъ въ Моску царевичъ Кайбула, сынъ прежняго царя Астраханскаго Аккубека. Іоаннъ женилъ его на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ кормленіе городъ Юрьевъ. А въ Звенигородѣ въ это время проживалъ изгнанный изъ Астрахани царь Дербышъ-Алей. Преемникъ Дербыша, Астраханскій царь Ямгурчей въ 1551 году присылалъ къ Іоанну посольство бить челомъ о принятіи его вмѣстѣ съ юртомъ въ свою службу. Государь отправилъ своего посла, чтобы привести Астраханскаго царя къ присягѣ на вѣрность Россіи. Но послѣ паденія Казани Ямгурчей подчинился вліянію Крымскаго хана и Ногайскаго князя Юсуфа, оскорбилъ и ограбилъ Іоаннова посла и вообще заявилъ себя непріятелемъ Россіи. Измаилъ мурза уже прежде просилъ Іоанна прислать приходившагося ему родственникомъ Дербышъ-Алея и посадить его въ Астрахани на мѣсто Ямгурчея. Теперь государь исполнилъ эту просьбу и послалъ въ Астрахань Дербыша съ 30.000 войска подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и его товарища Вешнякова, съ которыми долженъ былъ соединиться и Измаилъ мурза. Послѣдній однако не соединился, занятый въ то время своимъ междоусобіемъ съ Юсуфомъ. Но посланнаго войска оказалось слишкомъ достаточно для завоеванія Астраханскаго царства. Ямгурчей послѣ небольшаго сра-

женія бѣжалъ изъ своей столицы почти со всѣмъ ея населеніемъ; войско его разсѣялось, его семейство попало въ плѣнъ къ Русскимъ, пушки и пищали также были взяты. Дербышъ посаженъ на царство, а многіе разбѣжавшіеся жители Астрахани были пойманы, снова водворены въ городѣ и вмѣстѣ съ Астраханскими вельможами приведены къ присягѣ на вѣрность новому царю. Самъ Дербышъ обязался платить дань Московскому государю, частью деньгами, а частію рыбою, при чемъ Московскіе рыболовы получили право свободно и безпошлинно ловить рыбу отъ Казани до моря. Это происходило въ 1554 году.

Между тѣмъ война между Юсуфомъ и Измаиломъ велась съ большимъ ожесточеніемъ; въ ней съ обѣихъ сторонъ легло такое множество Ногаевъ, что, по словамъ Русской лѣтописи, «какъ стала орда Ногайская, такого падежа не бывало надъ ними». Въ этой войнѣ погибъ Юсуфъ со многими своими родичами. Послѣ того Измаилъ получилъ титулъ верховнаго Ногайскаго князя. Но сыновья Юсуфа вскорѣ собрались съ силами и возобновили войну противъ Измаила. На ихъ сторону перешелъ и Астраханскій царь Дербышъ; а вскорѣ послѣдній вступилъ въ союзъ и съ Крымскимъ ханомъ противъ Москвы. Очевидно, Татарину и мусульманину трудно было устоять въ вѣрности христіанскому государю и во враждѣ къ единовѣрному и единоплеменному хану. Теперь Измаилъ обратился къ Іоанну уже съ просьбою оборонить его отъ Дербыша и затѣмъ или поставить въ Астрахани своихъ людей, также какъ въ Казани, или посадить тамъ царевича Кайбулу. Этотъ Измаилъ, сдѣлавшись главнымъ Ногайскимъ княземъ, до того возгордился, что началъ было въ грамотахъ къ царю Московскому писать себя его отцомъ и требовать ежегодной присылки извѣстной суммы денегъ. Въ отвѣтѣ своемъ Іоаннъ высказалъ Измаилу, чтобы онъ впредъ «такихъ бездѣльныхъ словъ не писалъ». Тотъ смирился; но продолжалъ просить о разныхъ присылкахъ, напр. ловчихъ птицъ (кречета, сокола и ястреба), олова, шафрану, красокъ, бумаги и полмильона гвоздей.

Дербышъ-Алей открыто выступилъ противъ Россіи; онъ побилъ вельможъ, дружившихъ Москвѣ, и выгналъ изъ Астрахани Московскаго посла Мансурова съ его пятисотенною дружиною. Увѣдомляя о семъ царя, Измаилъ просилъ поспѣшить присылкою войска ему на помощь. Дѣйствительно весною 1556 года Іоаннъ послалъ требуемое войско, состоявшее изъ стрѣльцовъ, казаковъ и Вятчанъ. Дербышъ получилъ отъ Крымскаго хана на помощь 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 Турецкихъ янычаръ съ пищалями. Но когда стрѣлецкіе головы Черемисиновъ и Тетеринъ и начальникъ Вятчанъ Писемскій подошли къ

Астрахани, они нашли ее опять пустой, и Русскіе на сей разъ прочно въ ней укрѣпились. Дербышъ еще до прихода главнаго Русскаго войска былъ побитъ казачьимъ атаманомъ Ляпуномъ и бѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ жителями. Съ помощью Ногайцевъ и Крымцевъ, онъ еще нѣсколько времени держался въ полѣ противъ Русскихъ; но когда Юсуфовы сыновья оставили его и перешли на Московскую сторону, онъ бѣжалъ къ Азову и болѣе не возвращался. Астраханскіе жители «черные люди» воротились въ городъ и присягнули Русскимъ; а за чернью воротились князья, мурзы и шейхи. Царь на сей разъ никого не назначилъ преемникомъ Дербыша, а сталъ управлять Астраханскимъ краемъ чрезъ своихъ воеводъ, изъ которыхъ первымъ является помянутый выше стрѣлецкій голова Черемисиновъ.

Такимъ образомъ все теченіе Волги отъ устья Суры до самаго Каспійскаго моря въ теченіе какихъ-нибудь шести лѣтъ было завоевано и закрѣплено за Московскимъ государствомъ, и вся эта великая историческая рѣка вскорѣ окончательно сдѣлалась Русскою рѣкою: ибо теперь открылся по ней свободный путь не только для Русскихъ ратныхъ людей, но и для Русскихъ торговцевъ, промышленниковъ (особенно рыбныхъ) и колонистовъ-земледѣльцевъ.

Завоеваніе Казани и Астрахани повлекло за собою непосредственныя сношенія Москвы съ владѣтелями Прикавказскихъ странъ. Подобно Ногайскимъ князьямъ эти владѣтели соперничали и враждовали другъ съ другомъ; болѣе слабые изъ нихъ начали искать покровительства и помощи сильнаго Московскаго государства. Такъ еще въ 1552 году въ Москву прибыли двое Черкесскихъ князей съ просьбою, чтобы государь заступился за нихъ и взялъ ихъ въ свое подданство. Потомъ приходили другіе Черкесскіе и Кабардинскіе князья (въ томъ числѣ Темрюкъ); кто просилъ помощи противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана, кто противъ шамхала Тарковскаго, а шамхалъ присылалъ бить челомъ о помощи противъ Черкесскихъ князей. Нѣкоторые князья при семъ принимали крещеніе. Вліяніе Москвы на Ногайскія орды теперь еще болѣе усилилось. Даже ханъ отдаленныхъ отъ нея Сибирскихъ Татаръ, по имени Едигеръ, прислалъ въ Москву посольство съ предложеніемъ покорности и дани. Государь отправилъ къ нему своихъ пословъ, чтобы привести его къ присягѣ и переписать у него «черныхъ людей».

Съ другой стороны, покореніе Казани и Астрахани усилило враждебныя къ намъ отношенія разбойничьей Крымской орды. Мы видѣли, какъ во время Іоаннова похода на Казань Девлетъ-Гирей пытался внезапнымъ вторженіемъ въ Россію отвлечь его силы, но безуспѣшно. Также и во время измѣны Астраханскаго царя Дербыша-Али, чтобы

отстранить отъ него ударъ, ханъ повторилъ внезапное вторженіе въ Русскія украйны лѣтомъ 1555 года. Онъ объявилъ, что идетъ на Черкесскихъ князей, поддавшихся Москвѣ; Іоаннъ немедленно послалъ воеводу Ивана Васильевича Шереметева съ 13.000 войскомъ къ Перекопу, чтобы отвлечь хана отъ Черкесовъ. Только дорогою Шереметевъ узналъ, что Крымцы идутъ на Рязанскія и Тульскія украйны въ числѣ 60.000 всадниковъ. Онъ пошелъ за ними и послалъ извѣстіе о томъ въ Москву. Самъ царь выступилъ въ походъ къ Коломнѣ, а напередъ себя послалъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Узнавъ о походѣ самого Іоанна, ханъ повернулъ назадъ. Въ 150 верстахъ отъ Тулы, на Судьбищахъ, онъ встрѣтился съ Шереметевымъ. У послѣдняго въ это время не доставало третьей части войска, которая была отряжена на задній Крымскій полкъ, охранявшій запасныхъ Татарскихъ коней и верблюдовъ, и отбила у него огромное ихъ количество. Несмотря на чрезвычайное неравенство силъ, Шереметевъ храбро вступилъ въ битву, въ теченіе почти двухъ дней богатырски дрался съ Татарами и одерживалъ надъ ними верхъ. Но когда онъ былъ тяжело раненъ, малочисленное Русское войско пришло въ растройство и потерпѣло пораженіе; однако остатки его, съ воеводами Басмановымъ и Сидоровымъ, засѣли въ лѣсномъ оврагѣ и отбили всѣ приступы непріятеля. Опасаясь приближенія царской рати, ханъ не сталъ болѣе медлить и поспѣшилъ назадъ въ Крымъ, дѣлая по 70 верстъ въ день.

Въ слѣдующемъ 1556 году ханъ задумалъ новое вторженіе въ Россію; но царь, получившій своевременно о томъ извѣстіе, рѣшилъ не только приготовиться къ новой встрѣчѣ его на Русскихъ украйнахъ, но и произвести отвлеченіе (диверсію) съ другой стороны. Съ этою цѣлью онъ отправилъ дьяка Ржевскаго съ казаками изъ Сѣверской области къ Днѣпру, а другой отрядъ послалъ къ Дону. Ржевскій, построивъ суда на рѣкѣ Псёлѣ, выплылъ на Днѣпръ. Къ нему пристали еще три сотни Малороссійскихъ казаковъ. Этотъ отрядъ сдѣлалъ удачное нападеніе на Турецкія крѣпости Исламъ-Кермень и Очаковъ; на обратномъ плаваніи Ржевскій съ помощью своихъ пищалей отбилъ нападенія Крымцевъ и благополучно вернулся назадъ. Слухъ о появленіи Русскаго войска въ низовьяхъ Днѣпра удержалъ Девлетъ-Гирея отъ вторженія въ Московское государство. Мало того, этотъ удачный поискъ возбудилъ соревнованіе атамана Днѣпровскихъ казаковъ, старосты Каневскаго, удалаго князя Дмитрія Вишневецкаго. Онъ укрѣпился со своими казаками на Хортицкомъ островѣ и билъ челомъ Московскому государю о принятіи его въ свою службу. Просьба его была исполнена. Вишневецкій напалъ на Исламъ-Кермень, взялъ

его, вывезъ изъ него пушки къ себѣ на Хортицу и отбилъ нападеніе самаго хана на этотъ островъ (1557). Въ тоже время поддавшіеся Москвѣ князья Пятигорскихъ Черкесовъ напали на Тамань и взяли тамъ два Татарскихъ городка. Когда же Вишневецкій, осажденный Турками, Волохами и Татарами, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, покинулъ Хортицу и снова занялъ свои прежніе города на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы, Іоаннъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву, а города эти возвратить Польскому королю, съ которымъ находился въ мирѣ. Въ Москвѣ Вишневецкій получилъ отъ Іоанна городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами.

Зима 1557 года отличалась лютыми морозами, отъ которыхъ погибло множество людей и скота въ Ногайскихъ улусахъ, такъ что Ногайскія орды, прежде весьма многочисленныя, сильно ослабѣли; а слѣдующее лѣто сопровождалось чрезвычайною засухою, отъ которой выгорѣла въ южныхъ степяхъ трава; скотъ въ Крымской ордѣ падалъ отъ безкормицы, а на людей напала моровая язва. Говорятъ, число воиновъ тамъ до того уменьшилось, что ханъ едва могъ собрать 10,000 исправныхъ наѣздниковъ. Умные совѣтники Іоанна убѣждали его воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для совершеннаго разоренія этого разбойничьяго гнѣзда. Но царь продолжалъ ограничиваться легкими поисками: въ 1558 году онъ посылалъ Вишневецкаго съ 5,000 человѣкъ на Днѣпръ и къ Перекопу; въ 1559 году тогоже Вишневецкаго отправилъ на Крымъ Дономъ, а окольничаго Даніила Адашева съ 8000 послалъ туда же Днѣпромъ. Поискъ Адашева оказался чрезвычайно удачнымъ. Онъ выплылъ Днѣпромъ въ Черное море, взялъ два Турецкихъ корабля, высадился на западныхъ берегахъ Крыма, опустошилъ Татарскіе улусы и освободилъ много плѣнниковъ изъ Московской и Литовской Руси. Прежде нежели ханъ успѣлъ собраться съ силами, Адашевъ, обремененный добычей и плѣнными, ушелъ назадъ и благополучно вернулся. Девлетъ-Гирей прислалъ въ Москву смиренно просить о мирѣ. Тщетно царскіе совѣтники уговаривали Іоанна ковать желѣзо пока горячо и доконать Крымскую орду: или самому идти, или послать воеводъ съ большимъ войскомъ и завоевать ее также какъ царство Казанское и Астраханское. Царь находилъ это предпріятіе слишкомъ труднымъ; притомъ онъ уже былъ занятъ тогда начавшеюся войною Ливонскою.

Хорошо-ли сдѣлалъ Іоаннъ, отказавшись отъ наступательной и рѣшительной войны съ Крымскою ордою? Объ этомъ историки неодинаковаго мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ склоняются къ его оправданію, указывая главнымъ образомъ на обширныя степи, отдѣлявшія тогда Московское государство отъ Крымскихъ Татаръ и затруднявшія

продовольствіе большаго войска, и на вассальную зависимость Крымскаго хана отъ могущественнаго Турецкаго султана, съ которымъ по всей вѣроятности пришлось бы вступить въ упорную борьбу. Указываютъ также на позднѣйшіе походы (князя Голицына и Миниха), не приведшіе къ покоренію Крыма. Все это справедливо; но мы думаемъ, что и совѣтники Іоанна также были люди умные и понимавшіе дѣло, а главное хорошо цѣнившіе современныя имъ обстоятельства. Во первыхъ, много значило овладѣвшее тогда Русскими людьми одушевленіе въ борьбѣ съ мусульманскими сосѣдями; а затѣмъ хотя походъ степной былъ труденъ, однако возможенъ, какъ доказали тѣ же названные сейчасъ послѣдующіе походы. Кромѣ главной Московской рати къ услугамъ Іоанна были тогда не только казаки Донскіе и Днѣпровскіе, но отчасти и Ногайскіе Татары, а также князья Черкесскіе. Между послѣдними именно въ это время проявилось значительное движеніе къ православію и къ войнѣ съ Крымцами, такъ что Іоаннъ по ихъ просьбѣ послалъ имъ князя Вишневецкаго, какъ общаго предводителя, и многихъ священниковъ для крещенія народа. Не надобно забывать, что разъ благопріятныя обстоятельства были упущены и Крымская орда надолго оставлена нами въ покоѣ, эта орда вновь оправилась, окрѣпла и явилась потомъ еще болѣе сильнымъ хищникомъ, постоянно истощавшимъ Русскія области огромными полонами и мѣшавшимъ движенію Русской колонизаціи въ сосѣднія южныя степи.

—

Начавшійся при Иванѣ III-мъ призывъ въ Москву иноземныхъ архитекторовъ, литейщиковъ, лѣкарей и всякаго рода мастеровъ, продолжался и послѣ него. Московское правительство ясно видѣло отсталость своего народа въ искусствахъ и промышленности отъ Западной Европы и потому очень желало привлечь въ свою службу знающихъ людей, въ особенности для усиленія своихъ военныхъ средствъ, т. е. для постройки не только каменныхъ храмовъ, но и прочныхъ крѣпостей, для изготовленія пушекъ, пороху и разнаго оружія, а также для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей царскаго двора. Наши западные сосѣди съ своей стороны также ясно видѣли, какая грозная сила растетъ противъ нихъ въ лицѣ Московскаго государства, объединившаго Великорусскую народность; они понимали, что пока эта народность лишена Европейскихъ знаній, она не можетъ развить вполнѣ свое могущество, а потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на поѣздки Итальянскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ въ Москву и доставку туда военныхъ снарядовъ. Польско-литовскіе государи, оба Сигизмунда, I-й и II-й, прямо старались мѣшать подобнымъ сношеніямъ и не поз-

воляли Европейскимъ купцамъ возить чрезъ свои земли въ Московскую Русь оружіе и военные припасы. Еще съ большей подозрительностію относился къ таковымъ сношеніямъ слабый Ливонскій орденъ. Свою враждебность онъ выказалъ особенно по слѣдующему поводу.

Въ 1547 году, когда царь приблизилъ къ себѣ умныхъ совѣтниковъ, онъ далъ порученіе одному находившемуся въ Москвѣ Нѣмцу Шлитте, родомъ Саксонцу, набрать въ Германіи разныхъ художниковъ и мастеровъ на царскую службу, для чего снабдилъ его своею грамотою къ императору Карлу V-му. Шлитте получилъ отъ Карла разрѣшеніе и набралъ болѣе ста человѣкъ; тутъ были архитекторы, оружейные мастера, литейщики, живописцы, ваятели, каменьщики, мельники, рудокопы, слесаря, кузнецы, каретники, типографщикъ, органистъ, медики, аптекаря и пр.; даже было нѣсколько богослововъ, отправлявшихся по желанію Римской куріи съ цѣлію католической пропаганды. Но въ Любекѣ, по наущенію Ливонскихъ Нѣмцевъ, Шлитте задержали подъ предлогомъ одного стараго долга. Спустя два года, ему однако удалось съ частью собранныхъ людей добраться моремъ до Ливоніи; тутъ орденскія власти задержали его снова и посадили въ заключеніе. На сей разъ они выхлопотали у императора декретъ, которымъ приказывалось ордену не пропускать въ Москву подобныхъ людей, не смотря ни на какіе паспорты. Впослѣдствіи Шлитте удалось освободиться и даже вновь побывать въ Москвѣ; но предпріятіе его уже разстроилось: собранные имъ люди разошлись въ разныя стороны; лишь немногіе изъ нихъ успѣли пробраться въ Москву и поступить на царскую службу. Какъ строго относились къ подобнымъ людямъ Ливонскія власти, показываетъ примѣръ одного пушечнаго мастера, котораго завербовалъ Шлитте, по имени Ганса. Его поймали на дорогѣ въ Россію и посадили въ тюрьму. Гансъ бѣжалъ изъ тюрьмы, но около Русской границы его вновь поймали и на сей разъ отрубили голову.

Въ то время, когда Ливонскій орденъ и Ганзейскій союзъ старались преграждать доступъ въ Россію западноевропейскимъ искусствамъ и ремесламъ посредствомъ Балтійскаго моря, почти внезапно открылся иной путь для сношеній Россіи съ западной Европой, путь Бѣломорскій.

Завязавшіяся торговыя сношенія Россіи съ Англіей не замедлили возбудить живѣйшія опасенія со стороны нашихъ сосѣдей, именно Польши, Ливоніи и Швеціи. Король Шведскій Густавъ-Ваза даже обращался къ Англійской королевѣ Маріи съ убѣжденіями не торговать съ Россіей, чтобы не доставлять Московскому царю средствъ къ завоеванію сосѣднихъ странъ. Марія отказалась отъ подобнаго запре-

щенія, но обѣщала принять мѣры, чтобы Англичане не доставляли въ Россію военныхъ снарядовъ. Дѣло въ томъ, что Шведскій король именно въ это время находился въ войнѣ съ Русскими (съ 1554 г. по 1557 г.). Она возникла вслѣдствіе пограничныхъ распрей; кромѣ того король питалъ неудовольствіе на царя за то, что тотъ не хотѣлъ лично сноситься съ нимъ, а по старому обыкновенію предоставлялъ эти сношенія своимъ Новгородскимъ намѣстникамъ. Разсчитывая на помощь Ливонскаго ордена и Польско-литовскаго короля, Густавъ смѣло началъ войну. Шведы осаждали городъ Орѣшекъ и имѣли успѣхъ въ незначительныхъ встрѣчахъ. Но пришло большое Русское войско подъ начальствомъ князя Щенятева, двинулось на Выборгъ и двукратно разбило Шведовъ; хотя Выборга Русскіе не взяли, за то сильно опустошили страну и набрали столько плѣнныхъ, что, по словамъ нашей лѣтописи, «мужчину продавали по гривнѣ, а дѣвку по пяти алтынъ». Не получивъ помощи ни отъ Ливонцевъ, ни отъ Литовцевъ, Густавъ вступилъ въ переговоры, и миръ былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ и старыхъ рубежахъ. Во время сихъ переговоровъ, на требованіе Шведскихъ пословъ, чтобы впредь королю непосредственно сноситься съ царемъ, а не съ Новгородскими намѣстниками, Московскіе бояре указали на знатные роды этихъ намѣстниковъ, происходившихъ отъ князей Русскихъ, или Литовскихъ, или Татарскихъ, и прибавили: «А про государя вашего въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ, того не давно ся дѣлало и всемъ вѣдомо». Тутъ конечно разумѣлись тѣ превратности и приключенія, которымъ подвергался Густавъ-Ваза послѣ своего бѣгства изъ Даніи. Вообще при заключеніи сего мира Іоаннъ относился къ Шведскому королю гордо, какъ побѣдитель къ побѣжденному. Посылая нѣсколько вещей изъ Шведской добычи въ подарокъ извѣстному Ногайскому князю Измаилу, онъ писалъ ему въ такомъ смыслѣ, что «король *Нѣмецкій* намъ *сгрубилъ*, и мы его наказали».

Всѣ эти успѣхи во внѣшнихъ войнахъ внушили молодому Московскому царю высокое понятіе о своемъ могуществѣ и еще крѣпче утвердили въ намѣреніи завоевать Ливонію.

—

Ливонія въ данную эпоху представляла замѣчательное по своей отсталости внутреннее устройство, основанное на сословномъ, церковномъ и племенномъ раздѣленіи.

Первенствующее значеніе въ странѣ принадлежало духовно-рыцарскому ордену Меченосцевъ, съ магистромъ ордена во главѣ. Послѣ того, какъ Прусско-тевтонскій орденъ принялъ реформацію и обратил-

ся въ свѣтское владѣніе, прекратились зависимыя отношенія Ливонскаго магистра къ Прусскому гросмейстеру, и знаменитый Вальтеръ фонъ Плетенбергъ занялъ положеніе почти самостоятельнаго имперскаго князя, только номинально зависимаго отъ Германскаго императора. Владѣнія орденскія были разбросаны по всѣмъ частямъ Ливоніи и занимали едва ли не большую часть ея территоріи. Мѣстопребываніемъ магистра служилъ замокъ Венденъ; но ему принадлежало еще болѣе десяти замковъ, и половина города Риги находилась подъ его верховною властію. Помощникъ его или ландмаршалъ жилъ въ замкѣ Зегевольде и владѣлъ еще нѣсколькими замками. За нимъ слѣдовали восемь орденскихъ окружныхъ начальниковъ или комтуровъ: Феллинскій, Пернавскій, Ревельскій, Маріенбургскій, Динабургскій, Гольдингенскій, Виндавскій, Добельнскій; каждый владѣлъ нѣсколькими замками. Потомъ восемь орденскихъ фогтовъ: въ Зонненбургѣ, Вейсенштейнѣ, Везенбергѣ и пр. Всѣхъ замковъ въ рукахъ орденскихъ властей находилось болѣе 50; къ каждому замку приписано было извѣстное количество земли съ сельскими жителями, которые были обложены доставкою ржи, ячменя, овса, сѣна и другихъ припасовъ для содержанія замковыхъ обитателей.

Рядомъ съ духовно-рыцарскимъ орденомъ существовали чисто-духовныя власти, въ лицѣ Рижскаго архіепископа и четырехъ епископовъ, которые считали себя духовными князьями и признавали надъ собой только авторитетъ папы, именно: Дерптскій, Ревельскій, Эзельскій и Курляндскій. Архіепископъ Рижскій сохранилъ верховную власть только надъ одной половиною Риги; но самъ онъ обыкновенно не жилъ здѣсь, а смотря по времени года проводилъ: весну въ замкѣ Лемзалѣ, лѣто въ Кокенгузенѣ, на берегу Двины, а зиму въ изобилующемъ лѣсными окрестностями Роннебургѣ. Кромѣ того во владѣніи архіепископской каѳедры и капитула было много другихъ замковъ, также и во владѣніи епископовъ.

За орденомъ, епископскими каѳедрами и ихъ капитулами слѣдовало свѣтское рыцарское сословіе, которое владѣло замками на землѣ ордена или духовенства на ленныхъ правахъ. Вся страна была покрыта такимъ образомъ болѣе чѣмъ полутораста укрѣпленными замками.—Рядомъ съ духовенствомъ и рыцарствомъ стояли граждане нѣсколькихъ значительныхъ городовъ, каковы Рига, Ревель, Дерптъ, Пернава, Вольмаръ, Нарва и нѣкоторые другіе; они пользовались самоуправленіемъ, т. е. имѣли собственные выборные чины, признанные въ тоже время верховною властью епископовъ или ордена.

Единственнымъ объединяющимъ всѣ эти четыре сословія учрежденіемъ съ XV вѣка служили общіе сеймы или ландтаги, куда собирались уполномоченные отъ ордена, духовенства, земскаго рыцарства и го-

родовъ. Сеймы эти созывались обыкновенно магистромъ и собирались по преимуществу въ городѣ Вольмарѣ, по его серединному положенію въ странѣ. Только постановленія или рецессы этихъ сеймовъ считались обязательными для всей страны и для всѣхъ сословій. Но, при недостаткѣ общей исполнительной власти, сеймовыя рѣшенія нерѣдко оставались недѣйствительными и не могли прекратить внутренніе раздоры между разными сословіями, а въ особенности борьбу между свѣтскою и духовною властію. Наконецъ, рядомъ съ этими господствующими сословіями, состоявшими изъ пришлыхъ Нѣмцевъ, жило большинство населенія, покоренное, крѣпостное и безправное, принадлежавшее къ племенамъ Чудскому и Литовскому, которое съ ненавистью сносило свое иго и при случаѣ готово было возстать противъ своихъ притѣснителей.

Распространившаяся около того времени въ Ливоніи реформація еще болѣе усилила господствовавшій тамъ политическій хаосъ. Реформація проникла сюда изъ Пруссіи. Одинъ школьный учитель и вмѣстѣ послѣдователь Лютера, по имени Кнеппенъ, спасаясь отъ преслѣдованія мѣстнаго епископа, въ 1521 г. убѣжалъ изъ Пруссіи въ Ригу, и здѣсь успѣшно началъ распространять Лютерово ученіе. Въ числѣ его послѣдователей и пособниковъ явились бургомистръ города Дуркопъ и городской секретарь Ломиллеръ. Попытки Рижскаго архіепископа Бланкенфельда строгими мѣрами подавить партію реформаціи въ Ригѣ оказались безуспѣшны при томъ самоуправленіи, которымъ пользовался этотъ богатый городъ; а изъ Риги евангелическое ученіе стало распространяться и по другимъ мѣстамъ, между прочимъ въ Ревелѣ и Дерптѣ, которые послѣ Риги были наиболѣе значительными городами. Магистръ ордена Плеттенбергъ самъ питалъ расположеніе къ реформаціи. По примѣру Тевтонскаго гросмейстера Альбрехта Бранденбургскаго, онъ могъ бы попытаться, вмѣстѣ со введеніемъ реформы, обратить Ливонію въ свѣтское герцогство; но, находясь уже въ престарѣломъ возрастѣ, онъ не разсчитывалъ на основаніе собственной династіи. Поэтому Плеттенбергъ отнесся къ дѣлу реформы сдержанно, и во время борьбы съ ней духовенства велъ себя нейтрально; но въ распрѣ Риги съ архіепископомъ явно принималъ сторону горожанъ. Чтобы подкрѣпить католическую партію, архіепископъ, при помощи Рижскаго капитула, выбралъ своимъ коадъюторомъ и вмѣстѣ преемникомъ маркграфа Бранденбургскаго Вильгельма, который былъ братомъ помянутому Альбрехту. Но маркграфъ Вильгельмъ явился далеко не ревностнымъ противникомъ реформаціи: онъ болѣе заботился о сохраненіи себѣ архіепископскихъ владѣній и доходовъ. Точно также отличались вѣротерпимостью и преемники Плеттенберга (умершаго въ

1535 г.). Въ Ливоніи отражались событія, волновавшія тогда Германію. Такъ здѣсь явились подражатели сектѣ анабаптистовъ и иконоборцевъ, производившіе разныя безчинства: они выбрасывали изъ церквей алтари и статуи, выгоняли монаховъ и монахинь изъ монастырей и даже разрушали церкви. Между прочимъ въ Дерптѣ они не пощадили и православнаго храма, сооруженнаго для Русскихъ купцевъ. Когда въ Германіи образовался Шмалькальденскій союзъ для защиты реформаціи, городъ Рига присталъ къ этому союзу. По смерти Бланкенфельда (1539) Рижане въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отказывались принести обычную присягу новому архіепископу, т. е. Вильгельму Бранденбургскому, какъ своему свѣтскому государю, и уступили только подъ условіемъ свободы вѣроисповѣданія. Эта свобода, наконецъ, была признана архіепископомъ и епископами для всей Ливоніи на Вольмарскомъ сеймѣ 1554 года. Такимъ образомъ къ дробленію населенія на отдѣльныя сословія и народности присоединилось еще церковное раздѣленіе на католиковъ и протестантовъ.

Побѣды Плеттенберга въ Русско-ливонской войнѣ начала XVI вѣка надолго обезпечили внѣшній миръ для Ливоніи. Этотъ продолжительный миръ вмѣстѣ съ усиленною торговою дѣятельностью важнѣйшихъ Ливонскихъ городовъ способствовалъ накопленію богатствъ и вообще произвелъ экономическое процвѣтаніе страны. Но за то онъ способствовалъ также водворенію роскоши и изнѣженности и особенно вредно подѣйствовалъ на рыцарскій орденъ, который отвыкъ отъ воинской дѣятельности, предался праздности и большой распущенности. Не стѣсняясь своими обѣтами безбрачія, рыцари открыто держали и мѣняли любовницъ, слѣдуя примѣру своихъ духовныхъ сановниковъ. Отъ духовенства и рыцарства эта распущенность нравовъ распространялась на горожанъ и на самое крестьянское сословіе. Эсты и Латыши, принявшіе христіанство только внѣшнимъ образомъ и плохо наставляемые своими духовными пастырями, вполнѣ сохраняли свои языческіе обычаи и вѣрованія, и почти не имѣли у себя браковъ, освященныхъ церковью, въ чемъ они подражали своимъ духовнымъ господамъ и церковнымъ пастырямъ. При такомъ упадкѣ религіи и нравственности, на первый планъ выступила любовь къ веселью и всякаго рода празднествамъ. Бароны и земскіе рыцари въ томъ только и проводили время, что ѣздили другъ къ другу въ гости, пировали, охотились. Если въ дворянскомъ домѣ праздновалась свадьба или крестины, то это событіе служило поводомъ для съѣзда и пировъ на нѣсколько недѣль. Горожане также при всякомъ празднествѣ предавались разгулу и пьянству; героями пировъ являлись такіе гуляки, которые выпивали самое большее количество вина или пива. Послѣд-

нее пилось изъ такихъ кружекъ и чашъ, въ которыхъ, по выраженію Ливонскаго лѣтописца, можно было дѣтей крестить. Празднества сопровождались также играми и плясками; особенно шумныя, непристойныя игрища происходили зимою вокругъ Рождественской елки, а весною въ ночь подъ Ивановъ день. Но при всей наклонности къ веселью и разгулу, Ливонскіе Нѣмцы не отличались мягкосердіемъ и добродушіемъ. Напротивъ, ихъ отношенія къ покореннымъ туземцамъ были самыя суровыя; послѣдніе находились въ угнетеніи и нищетѣ, ибо Нѣмецкіе господа старались выжимать изъ нихъ какъ можно болѣе доходовъ и облагали ихъ чрезмѣрными поборами. О жестокомъ, мстительномъ характерѣ Нѣмецкихъ бароновъ свидѣтельствуютъ многіе человѣческіе скелеты, находимые въ Ливонскихъ замкахъ, эти останки людей, которые были или замуравлены живыми, или прикованы цѣпью въ какомъ-нибудь подземельѣ.

Враждебность Ливонскихъ Нѣмцевъ къ Россіи, постоянно проявлявшаяся разными притѣсненіями Русскихъ купцовъ и недозволеніемъ провозить военный матеріалъ, конечно вызывала Русское правительство на возмездіе. Въ Москвѣ очевидно знали политическую несостоятельность Ливоніи. Считая ее легкою добычей, Иванъ Васильевичъ, возгордившійся покореніемъ Казанскаго царства, задумалъ воспользоваться первымъ удобнымъ поводомъ для завоеванія и этой страны. Поводъ не замедлилъ открыться.

Когда истекло пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное между Иваномъ III и Плеттенбергомъ въ 1503 году, то Ливонскіе чины отправили къ Ивану IV посольство, чтобы вести переговоры о продленіи перемирія еще на тридцать лѣтъ. Въ 1554 году прибыли въ Москву послы отъ Ливонскаго магистра, Рижскаго архіепископа и Дерптскаго епископа, и просили, чтобы государь велѣлъ своимъ Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ заключить новое перемиріе. Царь поручилъ вести переговоры съ посольствомъ окольничему Алексѣю Ѳеодоровичу Адашеву и дьяку Висковатому. Окольничій и дьякъ объявили, что государь на всю землю Ливонскую гнѣвъ свой положилъ и не велитъ своимъ намѣстникамъ давать перимирье за слѣдующія вины: 1) Юрьевскій (т. е. Дерптскій) епископъ уже много лѣтъ не платитъ дани съ своей волости, 2) гостей Русскихъ Ливонскіе Нѣмцы обижаютъ и 3) Русскіе концы въ Юрьевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ) Нѣмцы присвоили себѣ, вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ Русскими церквами, которыя разграбили и частію разрушили (протестанты). Послы выразили недоумѣніе, о какой дани имъ говорятъ: никакой дани они не знаютъ по старымъ грамотамъ. Но Адашевъ напомнилъ имъ, что Нѣмцы пришли изъ за моря

и взяли силою Русскую волость (Юрьевскую), которую великіе князья уступили имъ подъ условіемъ дани; что эту дань они давно не платили, а теперь должны заплатить и съ недоимками, а именно за 50 лѣтъ, и впередъ съ каждаго человѣка платить ежегодно по гривнѣ Нѣмецкой (маркѣ). Напрасно послы пытались оспаривать эту дань. Наконецъ, они уступили, и переговоры кончились согласіемъ продолжить перемиріе еще на 15 лѣтъ подъ слѣдующими главными условіями: уплатить означенную Юрьевскую дань съ недоимками въ три года и за ручательствомъ всей Ливоніи; очистить Русскіе концы и церкви; Русскимъ и Ливонскимъ гостямъ обоюдно предоставить свободную торговлю въ своихъ земляхъ; дать управу въ торговыхъ и порубежныхъ обидахъ, и не заключать союза съ королемъ Польскимъ. Такъ какъ условія эти вступали въ силу только послѣ подтвержденія ихъ Ливонскими чинами, то послы и согласились на нихъ, предоставляя рѣшеніе вопроса своимъ властямъ. Они привѣсили къ перемирной грамотѣ свои печати, которыя при утвержденіи договора должны были быть отрѣзаны и замѣнены печатями магистра, архіепископа и епископа. Въ Ливоніи однако вѣсть о такомъ договорѣ произвела смятеніе; архіепископъ немедля созвалъ сеймъ въ Лемзалѣ. На чемъ онъ рѣшилъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ затѣмъ въ Дерптъ прибылъ отъ Новгородскихъ намѣстниковъ посолъ келарь Терпигоревъ за подтвержденіемъ перемирнаго договора. Въ епископскомъ совѣтѣ долго разсуждали и спорили о томъ, какъ поступить. Наконецъ, канцлеръ епископа Гольцширъ предложилъ привѣсить свои печати къ договорной грамотѣ, но въ дѣйствительности дани не платить, а представить это дѣло тотчасъ на рѣшеніе императора, какъ своего верховнаго леннаго государя. «Московскій царь вѣдь мужикъ (ein Baur); онъ не пойметъ, что мы передаемъ дѣло въ имперскій камергерихтъ, который все это постановленіе отмѣнитъ» — пояснялъ канцлеръ. Мысль показалась удачною. Къ договорной грамотѣ привѣсили новыя печати, возвратили Русскому послу, и тутъ же въ его присутствіи начали писать протестацію на имя императора. «Что́ это одинъ говоритъ, а другіе записываютъ?» спросилъ Терпигоревъ. Когда ему объяснили въ чемъ дѣло, онъ замѣтилъ: «А какое дѣло моему государю до императора? Не станете ему дани платить, онъ самъ ее возьметъ». Пришедъ къ себѣ домой въ сопровожденіи епископскихъ гофъ-юнкеровъ, Терпигоревъ вынулъ изъ за пазухи договорную грамоту и приказалъ своему подъячему, завернувъ ее въ шелковый платокъ, уложить въ ящикъ обитый сукномъ, при чемъ шутя замѣтилъ: «Смотри, береги этого еленка, чтобы онъ выросъ великъ и разжирѣлъ».

Со времени перваго прибытія Ливонскихъ пословъ въ Москву протекло три года. Въ это время возникла и успѣла окончиться война Густава-Вазы съ Іоанномъ IV. Ливонія, какъ мы видѣли, не двинулась на помощь Густаву; въ ней самой произошло тогда новое междоусобіе вслѣдствіе борьбы между свѣтской и духовной властію. Въ 1546 году на Вольмарскомъ сеймѣ постановлено было, чтобы впредъ архіепископъ, епископы и магистръ не назначали себѣ въ коадъюторы или преемники лицъ изъ Германскихъ владѣтельныхъ домовъ. Самъ архіепископъ Вильгельмъ подписалъ это постановленіе; но въ 1554 году онъ вдругъ назначилъ своимъ коадъюторомъ семнадцатилѣтняго Христофа герцога Мекленбургскаго, своего родственника, призвалъ его въ Ливонію и передалъ ему нѣкоторые изъ своихъ замковъ. Орденъ рѣшительно возсталъ противъ такого незаконконнаго поступка. Магистръ фонъ-Галенъ созвалъ сеймъ въ Венденѣ, гдѣ сословія рѣшили употребить силу противъ архіепископа и его коадъютора. Для найма ратныхъ людей магистръ отправилъ въ Германію молодаго Динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, бывшаго родомъ изъ Вестфаліи. Началась междоусобная война. Ландмаршалъ фонъ-Минстеръ, раздраженный тѣмъ, что магистръ назначилъ своимъ коадъюторомъ не его, а Феллинскаго комтура Фирстенберга, принялъ сторону архіепископа. Но городъ Рига и Дерптскій епископъ держали сторону ордена. Фирстенбергъ осадилъ Кокенгузенъ и взялъ въ плѣнъ архіепископа вмѣстѣ съ его коадъюторомъ; ихъ посадили подъ стражу. Но за нихъ вступился король Польскій Сигизмундъ - Августъ, родственникъ Вильгельма, и потребовалъ имъ освобожденія, въ чемъ получилъ отказъ. Къ этому поводу присоединилось еще случайное убійство на Ливонской границѣ Польскаго гонца Ланского. Самъ король съ большимъ Польско-литовскимъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Ливоніи. Орденъ оказался не въ силахъ ему сопротивляться. Новый магистръ Фирстенбергъ (фонъ-Галенъ между тѣмъ умеръ) у Курляндскаго мѣстечка Позволя, близъ замка Бауске, заключилъ миръ съ королемъ (въ Сентябрѣ 1557 г.): архіепископъ и его коадъюторъ были вполнѣ возстановлены въ своихъ правахъ. Эти событія ясно показали упадокъ Ливонскаго ордена и его военную несостоятельность. Чтобы предотвратить опасность, грозившую со стороны Московскаго государя, магистръ вскорѣ послѣ Позвольскаго мира поспѣшилъ заключить съ Сигизмундомъ-Августомъ, какъ съ великимъ княземъ Литовскимъ, оборонительный и наступательный союзъ. Одинъ уже этотъ союзъ давалъ Московскому царю поводъ къ войнѣ, такъ какъ былъ нарушеніемъ прямой статьи пятнадцатилѣтняго перемирія.

Въ Февралѣ 1557 г. въ Москву прибыли Ливонскіе послы. Трехлѣтній срокъ для внесенія дани истекалъ, но они явились сюда не съ деньгами, а съ просьбою о сложеніи дани съ Дерптскаго епископа. Царь не пустилъ къ себѣ на глаза этого посольства, а чрезъ тѣхъ же Алексѣя Адашева и дьяка Висковатаго велѣлъ отвѣчать, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ за ея неисправленіе. Послы уѣхали. Дорогою они ясно поняли, что Москвитяне готовятся къ войнѣ: въ извѣстныхъ разстояніяхъ видны были новопостроенные ямскіе дворы съ помѣщеніями для большаго количества лошадей; къ западной границѣ тянулись санные обозы съ съѣстными и военными припасами. Вслѣдъ за послами царь отправилъ окольничаго князя Шастунова съ товарищами строить на устьѣ Наровы ниже Ивангорода «корабельное пристанище» или гавань, при чемъ запретилъ Новгородскимъ, Псковскимъ и Ивангородскимъ купцамъ ѣздить съ товарами къ Нѣмцамъ. Испуганные сими приготовленіями, Ливонцы въ Декабрѣ того же 1557-го года вновь прислали посольство съ предложеніемъ внести за прежніе годы одну опредѣленную сумму въ 45.000 ефимковъ (или 18.000 Московскихъ рублей), а впредъ съ Юрьева ежегодно брать по тысячѣ Угорскихъ золотыхъ. Царь согласился; но когда отъ пословъ потребовали денегъ ихъ не оказалось. По извѣстію Ливонскихъ лѣтописцевъ, послы понадѣялись на обѣщаніе Московскихъ купцовъ дать имъ денегъ взаймы; ибо для Русскихъ купцовъ торговля съ Ливоніей была выгодна, и они не желали войны. Но царь будто бы подъ страхомъ смертной казни запретилъ своимъ купцамъ ссудить Нѣмцевъ деньгами. Напрасно послы просили оставить ихъ самихъ заложниками, пока деньги будутъ доставлены изъ Ливоніи. Царь не соглашался ни на какія отсрочки. Очевидно онъ уже рѣшилъ войну безповоротно. Послы уѣхали; говорятъ, на прощаньѣ ихъ посадили обѣдать и подали пустыя блюда въ знакъ того, что они пріѣхали съ пустыми руками.

Въ Январѣ 1558 года Русскіе воеводы вторглись въ Ливонію. Русское войско, простиравшееся до 40.000 и заключавшее въ себѣ отряды хищныхъ Касимовскихъ и Казанскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесъ, состояло подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго Касимовскаго хана Шигъ-Алея; а товарищами его были Михаилъ Васильевичъ Глинскій, дядя царя, и Даніилъ Романовичъ, царскій шуринъ. Воеводы имѣли наказъ не заниматься осадою городовъ и замковъ, а только повоевать, т.-е. опустошить, непріятельскія волости, что̀ и было исполнено въ точности. Войска наши, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, прошли Ливонію на полтораста верстъ въ длину параллельно съ Литовскимъ рубежемъ и на сто верстъ въ ширину; деревни и посады

они сожигали, скотъ и хлѣбные запасы истребляли, стариковъ и дѣтей убивали, но молодыхъ забирали въ плѣнъ, при чемъ, по словамъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, совершали ужасныя варварства. Мѣстами Нѣмцы пытались обороняться въ открытомъ полѣ, но были вездѣ побиваемы по своей малочисленности. Дошедши недалеко до Риги и Ревеля, Русское войско повернуло назадъ и вышло въ Псковскую область, обремененное огромною добычей; ибо страна была до того времени богатая и цвѣтущая. По выходѣ изъ Ливоніи, Шигъ-Алей съ воеводами послалъ къ магистру грамату (конечно сочиненную въ Москвѣ), въ которой говорилось, что государь Московскій присылалъ свою рать покарать Ливонцевъ за ихъ неисправленіе, и что если они повинятся и пришлютъ челобитье, то воеводы готовы просить за нихъ. Ливонскіе чины съѣхались на Вольмарскомъ сеймѣ и тутъ рѣшили хлопотать о мирѣ. Магистръ прислалъ просить опасной грамата для пословъ; въ Москвѣ грамату дали, велѣли пріостановить военныя дѣйствія и заключить перемиріе. Большіе Ливонскіе города сдѣлали складчину, собрали 60.000 талеровъ и отправили ихъ въ Москву съ посольствомъ, во главѣ котораго былъ поставленъ братъ магистра Фюрстенберга. Но это посольство еще не успѣло прибыть по назначенію, какъ перемиріе было нарушено.

На возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Наровы, недалеко отъ ея устья, расположенъ значительный и въ то время хорошо укрѣпленный городъ Нарва, въ Русскихъ лѣтописяхъ извѣстный подъ именемъ Ругодива. Супротивъ него, на другомъ менѣе высокомъ берегу рѣки, Иваномъ III поставлена была Русская крѣпость или такъ наз. Ивангородъ. Было время Великаго поста. Ивангородцы строго соблюдали перемиріе и усердно посѣщали церковную службу; а жители Нарвы, большею частью лютеране, пили пиво и веселились. Съ Нарвскихъ башенъ видна почти вся внутренность Ивангорода, и пьяные Нѣмцы ради потѣхи стали осыпать картечью православныхъ людей, собиравшихся въ церкви, при чемъ нѣкоторыхъ убили. Русскіе воеводы не отвѣчали на выстрѣлы, а послали тотчасъ извѣстить о томъ царя; отъ него пришло разрѣшеніе стрѣлять, но только изъ одного Ивангорода. Воеводы принялись усердно обстрѣливать Нарву изъ пушекъ и пищалей каменными и калеными ядрами. Тогда Нарвскія городскія власти послали просить пощады, обвиняя въ нарушеніи перемирія своего фохта («князьца», какъ выражается Русская лѣтопись), и предлагали поддаться Русскому государю. Увѣдомленный о томъ особымъ посольствомъ, царь приказалъ прекратить пальбу и отправилъ Алексѣя Басманова и Даніила Адашева съ отрядомъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, чтобы принять городъ Нарву съ округомъ въ Русское владѣніе.

Въ этотъ городъ между тѣмъ пришло отъ магистра подкрѣпленіе въ тысячу человѣкъ, и городскія власти начали передъ Русскими воеводами отпираться отъ собственнаго посольства, говоря, что они не поручали ему говорить о своемъ подданствѣ царю. Но тутъ какъ бы сама судьба наказала ихъ за вѣроломство. 11-го Мая въ городѣ вспыхнулъ страшный пожаръ. Русская легенда приписываетъ его чуду: хозяинъ одного дома въ горницѣ, гдѣ останавливались прежде Русскіе купцы, нашелъ православную икону Богородицы; насмѣхаясь надъ иконой, онъ бросилъ ее въ огонь подъ котелъ, гдѣ варилось пиво; оттуда вдругъ поднялось пламя до потолка и произвело пожаръ, а внезапно налетѣвшій вихрь разнесъ его въ разныя стороны; такъ какъ дома большею частью были деревянные, то огонь разлился съ неудержимою силой. Произошло ужасное смятеніе. Ивангородцы воспользовались имъ, бросились переправляться черезъ рѣку и, сбивъ ворота, ворвались въ городъ. Гарнизонъ заперся было въ замкѣ, но не выдержалъ безпрерывной пальбы и сдалъ его, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Вслѣдъ за тѣмъ взятъ былъ замокъ Нейшлотъ (у Русскихъ Сыренскъ), стоявшій при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера. Вскорѣ завоеванъ и городокъ Везенбергъ (у Русскихъ Раковоръ), средоточіе провинціи Вирланда. Такимъ образомъ все Занаровье съ значительною частію Эстляндіи очутилось въ Русскихъ рукахъ. Царь былъ очень обрадованъ этимъ успѣхомъ. Онъ отпустилъ Ливонское посольство ни съ чѣмъ и рѣшилъ продолжать войну; завоеванные же города велѣлъ очищать отъ Латинской и Лютерской вѣры и строить тамъ православныя церкви, для чего изъ Новгорода былъ присланъ въ Нарву Юрьевскій архимандритъ. Жителямъ ея онъ далъ жалованную грамоту и всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Россіи, велѣлъ возвратить въ отечество. Іоаннъ особенно дорожилъ Нарвою, какъ первою гаванью, которую Русскіе пріобрѣли на Балтійскомъ морѣ, и онъ постарался черезъ нее немедленно открыть непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ иноземцами, помимо Ганзейскихъ городовъ, старавшихся удержать въ своихъ рукахъ монополію Балтійской торговли.

Вообще вмѣсто варварскаго опустошенія страны, совершеннаго при первомъ нашествіи Русскаго войска на Ливонію, теперь началось постепенное завоеваніе городовъ и замковъ съ очевидною цѣлью прочно въ ней утвердиться. Въ то время какъ одно войско дѣйствовало къ сѣверу отъ Чудскаго озера, т. е. въ Эстляндіи, другое войско выступило изъ Пскова подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, двинулось мимо южной части Чудскаго озера, вторглось въ собственную Ливонію, осадило пограничный замокъ Нейгаузенъ и, окруживъ его тура-

ми, громило частою пальбою изъ пушекъ и пищалей. Оборсняемый храбрымъ рыцаремъ Искулемъ-фонъ Паденормъ, Нейгаузенъ задержалъ Русскихъ почти на цѣлый мѣсяцъ; но, не получая ни откуда помощи, наконецъ сдался, при чемъ гарнизонъ выговорилъ себѣ свободный выходъ изъ крѣпости. Въ это время магистръ ордена съ 8000-мъ войскомъ стоялъ лагеремъ неподалеку, именно около Киремпе, на дорогѣ между Нейгаузеномъ и Дерптомъ. Лагерь его былъ защищенъ со стороны Русскихъ рѣкою и болотами. Онъ еще окопался, и принялъ выжидательное положеніе, не рѣшаясь напасть на осаждавшее войско; когда же Нейгаузенъ палъ и Русскіе двинулись на самого магистра, онъ поспѣшилъ снять лагерь и ушелъ къ Валку. Находившійся въ его войскѣ, Дерптскій епископъ Германъ Вейландъ съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Дерптъ, причемъ задняя часть его отряда была настигнута Русскими и побита. Мѣстное земское рыцарство собралось было въ Дерптъ по призыву епископа, какъ своего леннаго владыки; но когда приблизилось Русское войско, большая часть рыцарей покинула городъ и спаслась въ западныя области. Кромѣ того въ эту критическую минуту въ городѣ поднялась распря между католиками и протестантами. Католики громко говорили, что Русская гроза ниспослана на Ливонію за отступленіе ея отъ истинной вѣры. Когда собрался городской совѣтъ и разсуждалъ о томъ, что предпринять въ виду близкой осады, послышались разныя мнѣнія: одни совѣтовали обратиться за помощью къ Швеціи, другіе къ Даніи, третьи къ Польшѣ. На помощь Германскаго императора не было никакой надежды, такъ какъ послѣ отреченія Карла V-го братъ и преемникъ его Фердинандъ былъ слишкомъ озабоченъ собственными дѣлами и особенно враждебными отношеніями Турокъ, чтобы думать о Ливоніи. Посреди разногласія выступилъ бургомистръ Антоній Тиле и со слезами па глазахъ началъ увѣщевать собраніе, чтобы оно оставило всякіе разсчеты на помощь извнѣ, а лучше обратилось бы къ собственнымъ средствамъ обороны. Онъ предлагалъ принести все частное достояніе на защиту отечества, продать всѣ золотыя и драгоцѣнныя украшенія ихъ женъ, чтобы нанять войско, а вмѣстѣ съ нимъ и самимъ единодушно выступить противъ непріятеля. Но рѣчь этого Ливонскаго Минина была голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Прежде чѣмъ осадить Дерптъ, Русскіе взяли еще нѣсколько замковъ, каковы Костеръ и Курславль. Окрестные сельскіе жители, ненавидя своихъ Нѣмецкихъ господъ, приходили къ воеводамъ и добровольно принимали Русское подданство. Воеводы обращались съ этимъ туземнымъ населеніемъ мягче, тогда какъ съ Нѣмцами поступали жестоко.

Въ Іюнѣ Русское войско явилось подъ Дерптомъ и начало возводить вокругъ него валы и устанавливать пушки, послѣ чего принялось осыпать городъ ядрами. Главная опора осажденныхъ заключалась въ двухтысячномъ Нѣмецкомъ отрядѣ, присланномъ изъ Германіи. Около двухъ недѣль длилась осада и пальба по городу. Гарнизонъ сначала защищался храбро и дѣлалъ частыя вылазки. Но бѣдствія осады и малое число защитниковъ скоро поколебали мужество гражданъ. Шуйскій искусно завязалъ переговоры, предлагая самыя льготныя условія сдачи. Нѣсколько разъ осажденные просили сроку для размышленія, стараясь между тѣмъ извѣстить магистра о своемъ крайнемъ положеніи; но когда отъ него вмѣсто помощи получено было письмо съ обѣщаніемъ усердно молиться Богу за осажденныхъ, епископъ и граждане пришли въ уныніе и рѣшились сдаться. При семъ они выговорили себѣ слѣдующія условія: епископъ остается во владѣніи своими имѣніями и получаетъ для жительства ближайшій монастырь Фалькенау, дворяне удерживаютъ свои земли, граждане сохраняютъ свободу Аугсбургскаго исповѣданія, городовое самоуправленіе и свои торговыя и судебныя привиллегіи; кто пожелаетъ можетъ выѣхать съ имуществомъ изъ города, а военные люди и съ оружіемъ; вывода въ Россію не будетъ, и Русскіе ратные люди не будутъ имѣть постоя въ домахъ обывателей. При занятіи города Русскимъ досталось въ добычу большое количество пушекъ, пороху и другихъ военныхъ припасовъ; но Шуйскій строго наблюдалъ, чтобы ратные люди не обижали жителей, и своимъ ласковымъ обхожденіемъ вообще снискалъ благодарность и довѣріе побѣжденныхъ. Царь подтвердилъ условія сдачи только съ небольшими исключеніями, касавшимися судебныхъ привиллегій; при семъ далъ Дерптскимъ гражданамъ право безпошлинной торговли въ Новгородѣ и Псковѣ. Чтобы закрѣпить за Россіей Юрьевскую область, онъ началъ раздавать въ ней помѣстья дѣтямъ боярскимъ, а епископа и нѣкоторыхъ гражданъ переселилъ въ Москву. Дерптъ тотчасъ переименованъ былъ Русскими въ свое древнее имя Юрьева; въ немъ стали возобновлять старые Русскіе храмы, а потомъ царь учредилъ особое православное Юрьевское епископство.

Паденіе Дерпта (третьяго по важности города послѣ Риги и Ревеля) произвело такой страхъ и смущеніе въ Ливоніи, что многія укрѣпленныя мѣста послѣ того сдавались Русскимъ почти безъ сопротивленія, и тѣмъ болѣе, что черные люди, т. е. туземцы Чудь и Ливы, охотно приносили присягу на Русское подданство. Число всѣхъ завоеванныхъ въ сѣверной части Ливоніи городовъ и замковъ простиралось теперь до 20-ти. Русскіе доходили до Ревеля, и Шуйскій посылалъ склонять гражданъ къ сдачѣ, но пока не рѣшился осаждать этотъ крѣпкій городъ. За-

ложивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православныя церкви и разставивъ вездѣ гарнизоны, Русское войско къ осени по обычаю удалилось въ отечество.

Послѣ отступленія Фюрстенберга отъ Киремпе къ Валку, неспособность его сдѣлалась столь очевидною, что орденскіе чины рѣшились назначить ему коадъютора. Выборъ ихъ палъ на Динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, который въ это критическое время выдвинулся своими талантами и энергіей; онъ особенно отличился при помянутомъ отступленіи, храбро прикрывая тылъ уходившаго войска отъ Русскихъ, при чемъ не разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Въ его руки теперь перешло дальнѣйшее веденіе войны съ Москвою; а Фюрстенбергъ, оставаясь магистромъ только по имени, удалился въ крѣпкій замокъ Феллинъ. Когда князь Шуйскій съ главнымъ войскомъ ушелъ изъ Ливоніи, Кетлеръ поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы отвоевать обратно завоеванные города, главнымъ образомъ Дерптъ. Ему удалось собрать до 10.000 человѣкъ; но по пути къ Дерпту его задержала мужественная оборона замка Рингена, который занимали всего 90 человѣкъ подъ начальствомъ боярскаго сына Русина Игнатьева. Хотя Рингенъ былъ наконецъ взятъ, но князь Курлятевъ и другіе Русскіе воеводы, сидѣвшіе въ Дерптѣ, успѣли дать въ Москву вѣсть объ опасности и приняли всѣ мѣры предосторожности; между прочимъ, многихъ Юрьевскихъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Кетлеромъ, они отправили въ Псковъ, гдѣ ихъ держали до минованія опасности. Во время осады Рингена нѣкоторые Нѣмецкіе отряды ходили даже въ Псковскую землю и разорили тамъ нѣсколько волостей. Узнавъ о приближеніи большой Московской рати, Кетлеръ ничего не рѣшился предпринять противъ Юрьева, и ушелъ назадъ. Вскорѣ потомъ, въ Январѣ 1559 года, явилась въ Ливонію эта Русская рать, предводимая княземъ Микулинскимъ и Татарскимъ царевичемъ Тахтамышемъ. На сей разъ она обратила свои опустошенія на южную часть Ливоніи и разными отрядами пошла по обѣимъ сторонамъ Двины. По словамъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, это нашествіе сопровождалось такимъ же разореніемъ и жестокостями, которыми ознаменовано было и первое вторженіе Русскихъ. Они доходили до самой Риги и къ веснѣ воротились назадъ съ огромною добычею. Въ эту трудную эпоху Ливонцы снова обратились къ государямъ Швеціи, Польши и Даніи съ просьбою о помощи или о ходатайствѣ, и тѣ дѣйствительно отправили посольства въ Москву. Изъ нихъ наиболѣе посчастливилось посламъ Датскаго короля Фридриха II; снисходя на его просьбу, Іоаннъ согласился дать Ливонцамъ шестимѣсячное перемиріе. Главною причиною такой внезапной

уступчивости были, впрочемъ, военныя дѣйствія противъ Крымскихъ Татаръ, отвлекавшія тогда силы и вниманіе царя. Это шестимѣсячное перемиріе имѣло важныя послѣдствія: оно не спасло самобытнаго существованія Ливоніи, но немало помогло ей ускользнуть отъ Русскаго завоеванія.

Время перемирія Ливонскія власти употребили на то, чтобы отыскивать себѣ помощь и собирать средства для дальнѣйшей борьбы съ Московскимъ царемъ. Отправлены были новыя посольства къ Императору и къ Шведскому королю; съ Датскимъ королемъ вступилъ въ переговоры епископъ Эзельскій, къ Сигизмунду - Августу отправился самъ Кетлеръ; принужденный выбирать между сосѣдями, онъ наиболѣе склонялся на сторону Польши и Литвы. Имперскіе чины по прежнему отказались отъ всякой военной помощи; они обѣщали денежную ссуду отъ имперскихъ городовъ, но и та не состоялась. Съ Польско-литовскимъ королемъ Кетлеръ, совмѣстно съ архіепископомъ Рижскимъ, заключилъ договоръ, по которому Ливонія отдавалась подъ его покровительство съ обязательствомъ защищать ее отъ Русскихъ, за что Литовцы получили въ залогъ полосу земли съ нѣсколькими орденскими и архіепископскими замками, каковы Динабургъ, Зельбургъ, Бауске, Маріенгаузенъ, Ленневарденъ и др. Ливонія оставляла за собою только право по окончаніи войны выкупить эти земли за 700.000 гульденовъ. Получивъ земли, король однако не спѣшилъ своею помощью, ссылаясь на продолжавшееся перемиріе съ Москвою, и ограничивался пока отправленіемъ къ царю посольства съ предложеніемъ оставить въ покоѣ Ливонію. Между тѣмъ Кетлеръ, разсчитывая на Литовскую помощь и занявъ у города Ревеля 30.000 гульденовъ (подъ залогъ своего замка Кегеля), призвалъ изъ Германіи новые наемные отряды и возобновилъ войну съ Русскими. Нечаяннымъ нападеніемъ онъ разбилъ стоявшій близъ Дерпта Русскій отрядъ воеводы Плещеева и потомъ осадилъ самый Дерптъ. Отбитый отсюда, онъ попытался еще взять замокъ Лаисъ, но тутъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе и ушелъ назадъ, узнавъ о приближеніи большой Русской рати. Весною 1560 года Виленскій воевода Николай Радивилъ вступилъ въ Ливонію и занялъ Литовскими гарнизонами заложенные замки; но на помощь противъ Русскихъ Литовцы не двигались.

Въ Ливонію снова вторглись Русскіе водъ начальствомъ князей Шуйскаго, Серебрянаго, Мстиславскаго и Курбскаго. Взявъ Маріенбургъ, они распространили свои опустошенія до самаго моря. Положеніе Ливоніи сдѣлалось критическимъ. Наемные Нѣмецкіе отряды, не получая жалованья, бунтовали и нерѣдко сами сдавали крѣпости Русскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне поднимали мятежъ противъ своихъ

Нѣмецкихъ господъ, которые не умѣли защитить ихъ отъ непріятеля. Воеводы изъ Дерпта двинулись съ пушками на замокъ Феллинъ, считавшійся весьма сильною крѣпостью въ Ливоніи; тамъ пребывалъ старый магистръ Фирстенбергъ. Ландмаршалъ Филиппъ Бель думалъ остановить это движеніе и около Эрмеса неосторожно вступилъ въ битву съ превосходными Русскими силами; онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Это былъ опытный, храбрый рыцарь; въ плѣну онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и велъ такія умныя рѣчи, что бояре оказывали ему большое уваженіе; бѣдствія, постигшія орденъ, онъ прямо объяснялъ отступленіемъ отъ старой вѣры и распущенностью нравовъ. Отправивъ его въ Москву, бояре просили царя быть къ нему милостивымъ. Но, когда онъ въ глаза царю сталъ сурово выговаривать за несправедливую и кровопійственную войну, разгнѣванный Іоаннъ велѣлъ отрубить ему голову. Послѣ побѣды подъ Эрмесомъ воеводы осадили замокъ Феллинъ; болѣе трехъ недѣль они громили его изъ пушекъ, но толстыя стѣны, глубокіе рвы и обиліе всякихъ запасовъ не подавали надежды на овладѣніе замкомъ. Вдругъ Нѣмецкіе наемники заволновались и вступили въ переговоры съ Русскими воеводами. Тщетно престарѣлый магистръ умолялъ ихъ продолжать оборону и роздалъ имъ всѣ свои сокровища: наемники предварительно разграбили ихъ и, выговоривъ себѣ свободное отступленіе со всѣмъ имуществомъ, впустили Русскихъ. Но тѣ, видя, что удаляющіеся Нѣмцы обременены всякаго рода цѣнными вещами, напали на нихъ и отняли добычу. Многіе изъ этихъ наемниковъ потомъ попали въ руки Кетлера, который велѣлъ ихъ перевѣшать. Привезенный въ Москву, Фирстенбергъ былъ милостиво принятъ царемъ и получилъ себѣ въ кормленіе Ярославскій городокъ Любимъ, гдѣ спокойно доживалъ свой вѣкъ. Хотя послѣ взятія Феллина Русскіе потерпѣли неудачу подъ Вейсенштейномъ или Бѣлымъ Камнемъ (главнымъ городомъ провинціи Эрвіи), который они тщетно осаждали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; однако походъ 1560 года привелъ Ливонію въ такое разстроенное состояніе, что она уже не могла продолжать борьбу собственными средствами. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось ея распаденіе, и прекратилось самое существованіе Ливонскаго ордена.

Первымъ изъ Ливонскихъ владѣтелей покинулъ страну епископъ Эзельскій Менигхаузенъ. Онъ продалъ Датскому королю Фридриху II за 30.000 талеровъ свое епископство, т. е. Эзель съ сосѣднею частью Эстоніи и свой Пильтенскій округъ въ Курляндіи, хотя не имѣлъ никакого права уступать эти земли безъ согласія ордена и своего капитула. Онъ удалился въ родную Вестфалію, тамъ перешелъ въ протестантство и вступилъ въ бракъ; а король Фридрихъ передалъ

эти земли своему младшему брату Магнусу въ замѣнъ его правъ на герцогство Голштинское. Весною 1560 года Магнусъ высадился съ Датскими отрядами на островѣ Эзелѣ въ городѣ Аренсбургѣ. Тогда и Ревельскій епископъ Врангель, послѣ введенія въ Ревелѣ реформаціи, находившійся въ стѣсненномъ положеніи, послѣдовалъ совѣту Менигхаузена, т. е. продалъ Магнусу свои владѣтельныя права и удалился въ туже родную Вестфалію. Но городъ Ревель и большинство Эстонскаго рыцарства тянули болѣе къ сосѣдней Швеціи, чѣмъ къ Даніи: съ Шведами ихъ связывали общая теперь религія, сходство нравовъ и торговыя сношенія; отъ Швеціи они скорѣе всего могли ожидать помощи противъ Московскаго завоеванія. Поэтому они не склонились на убѣжденія Магнуса, а вскорѣ по смерти Густава-Вазы вступили въ переговоры съ его преемникомъ Эрихомъ XIV. Эти переговоры окончились тѣмъ, что Ревель, а вмѣстѣ съ нимъ провинціи Гаррія и Эрвія отложились отъ ордена и поддались Шведскому королю, въ Іюнѣ 1561 года. Тщетно Готгардъ Кетлеръ противодѣйствовалъ сему подданству и старался удержать единство Ливоніи, чтобы въ цѣлости передать ее подъ владычество Польско-литовскаго короля, съ которымъ онъ уже велъ дѣятельные переговоры. Видя распаденіе орденскихъ земель, этотъ ловкій человѣкъ болѣе всего позаботился о собственныхъ интересахъ. Въ то время какъ сѣверная часть Ливоніи тянула къ Шведамъ, южная и бо́льшая половина ея обнаруживала влеченіе примкнуть къ великому княжеству Литовскому, съ которымъ связывали ее близкое сосѣдство и выгодная торговля.

Къ Польскому королю тянулъ и его родственникъ архіеп. Рижскій Вильгельмъ Бранденбургскій. Поэтому рыцарству и архіепископу не стоило большаго труда склонить Ливонскіе чины отдаться подъ верховное владычество Сигизмунда-Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденскія власти признали дальнѣйшее существованіе ордена невозможнымъ и рѣшили сложить съ себя духовное званіе. Послѣдній Ливонскій магистръ пошелъ по стопамъ послѣдняго Прусскаго гросмейстера: съ согласія Польскаго короля, онъ обратилъ самую южную часть Ливоніи въ наслѣдственное герцогство, поставивъ себя въ вассальную зависимость отъ Польской короны. Осенью 1561 г. Готгардъ Кетлеръ принялъ титулъ герцога Курляндіи и Семигаліи, а Ливонія соединена съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Тотъ же Кетлеръ пока остался королевскимъ намѣстникомъ въ Ливоніи. Герцогъ Магнусъ отказался въ пользу Кетлера отъ Пильтенскаго округа, получивъ въ замѣнъ Эстонскіе замки Гапсаль и Леаль. Только городъ Рига не соглашался на новое подданство и пытался еще сохранить за собою значеніе вольнаго имперскаго города; но въ слѣдующемъ 1562 году Рижане

уступили настояніямъ Кетлера и поддались Сигизмунду-Августу, причемъ выговорили себѣ условія самоуправленія.

Такимъ образомъ Ливонская земля распалась на пять владѣній: 1) сѣверъ отошелъ къ Швеціи; 2) Островъ Эзель съ прилегающимъ побережьемъ (провинція Викъ) составилъ особое княжество герцога Магнуса; 3) средняя часть или собственно Ливонія присоединилась къ государству Польско-литовскому; 4) Курляндія и Семигалія обратились въ вассальное герцогство; 5) сѣверо-восточная часть или Юрьевская и Ругодивская области остались у Московскаго государя.

Раздѣлъ Ливоніи между сосѣдними государствами ясно показалъ, въ какой степени были правы совѣтники Іоанна, не одобрявшіе его слишкомъ широкихъ завоевательныхъ замысловъ съ этой стороны. Ливонскій орденъ оказался несостоятельнымъ въ борьбѣ съ могущественнымъ Московскимъ государствомъ; но было великою ошибкою считать его землю легкою добычею и стремиться къ ея полному, скорому захвату: вмѣсто одного слабаго ордена приходилось имѣть дѣло съ нѣсколькими сильными претендентами на его наслѣдство. Едва ли умные совѣтники Іоанна не предвидѣли двухъ главныхъ затрудненій, долженствовавшихъ воспрепятствовать быстрому и легкому завоеванію Ливоніи. Во первыхъ, множество крѣпкихъ городовъ и замковъ. Ливонію отнюдь нельзя было сравнивать съ Казанскимъ царствомъ, гдѣ по взятіи столицы оставалось только усмирять полудикіе туземные народцы и взимать съ нихъ ясакъ. Здѣсь каждый городъ, каждый замокъ, имѣвшій сколько-нибудь мужественнаго коменданта, приходилось добывать трудною и долгою осадою; а въ осадномъ дѣлѣ, гдѣ требовалась борьба съ артилеріей, именно Московская рать была наименѣе искусна. Поэтому послѣ трехлѣтней войны, послѣ страшныхъ опустошеній непріятельской земли, Москвитяне могли похвалиться пріобрѣтеніемъ не болѣе одной четвертой ея части. Во вторыхъ, это (сравнительно съ потраченными усиліями) небольшое пріобрѣтеніе, въ соединеніи съ дальнѣйшими притязаніями приводило насъ къ одновременному столкновенію съ Швеціей, Даніей и Польсколитовскимъ государствомъ. На первыхъ порахъ Москвѣ удалось отклонить новую войну со Шведами, которые обратились на Датчанъ, желая отнять у нихъ западную часть Эстоніи; но борьба съ главнымъ наслѣдникомъ Ливонскаго ордена, т. е. съ Польско-литовскимъ королемъ, оказалась неизбѣжною.

Съ Польшей и Литвой, со времени боярщины, у насъ не было ни войны, ни прочнаго мира, а только возобновлялись истекавшія перемирія. Всякимъ попыткамъ къ заключенію вѣчнаго мира мѣшали притязанія Литвы на возвращеніе Смоленска, къ которымъ обыкновен-

но присоединялись требованія возвратить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Иваномъ III-мъ, и даже уступить Псковъ и Новгородъ; а съ Московской стороны, въ отвѣтъ на эти странныя требованія выдвигали свои права на старыя Русскія области: Полоцкую, Витебскую, Кіевскую и Волынскую. Послѣ же 1547 года прибавился еще одинъ поводъ къ распрямъ: въ переговорныхъ грамотахъ королевская канцелярія продолжала именовать Іоанна только «великимъ княземъ» и отказывала признать за нимъ новый его титулъ царскій. Московское правительство съ своей стороны именовало Сигизмунда-Августа только великимъ княземъ Литовскимъ, отказываясь называть его въ грамотахъ королемъ. Въ связи съ пререканіями о титулахъ въ это время, не безъ участія самого Іоанна, появляется въ Москвѣ легенда о происхожденіи древняго Русскаго княжескаго рода отъ Пруса, брата Римскаго императора Октавія-Августа, чѣмъ Московскій государь думалъ умножить свою славу и величіе.

Послѣднее перемиріе заключено было въ 1556 году на шесть лѣтъ. Война Ливонская подала поводъ Польскому королю къ новымъ посольствамъ, имѣвшимъ цѣлію отвратить Московскія притязанія съ этой стороны. Но правительство наше постоянно отвѣчало, что Ливонія въ древности принадлежала прародителямъ Московскихъ государей, что Ливонскіе Нѣмцы давно обязались платить дань, и что государь воюетъ ихъ землю за ихъ неисправленіе. Іоаннъ даже въ своемъ титулѣ сталъ именовать себя *государемъ Ливонскія земли града Юрьева*. Когда же Ливонскій орденъ началъ явно склоняться на сторону Польскаго короля, намѣреваясь отдаться подъ его покровительство, т. е. въ 1560 году, Іоаннъ, въ то время овдовѣвшій, попытался уладить свои отношенія къ Польшѣ и Литвѣ помощію родственнаго союза. Посолъ его Ѳедоръ Сукинъ сдѣлалъ отъ имени царя брачное предложеніе младшей сестрѣ короля Екатеринѣ. Король показалъ видъ, что не прочь отъ этого брака, но потребовалъ предварительно прекращенія Ливонской войны и заключенія вѣчнаго мира съ уступкою Смоленска, Пскова и Новгорода. При подобныхъ требованіяхъ, понятно, переговоры о брачномъ союзѣ окончились ничѣмъ. Когда же Ливонскій орденъ прекратилъ свое существованіе, а король Польскій завладѣлъ всей южной половиною Ливоніи, тогда немедленно открылась и новая Русско-литовская война. Въ началѣ, пока она ограничивалась нерѣшительными дѣйствіями и взаимными опустошеніями, переговоры о мирѣ не прерывались. Но въ Январѣ 1563 года Іоаннъ лично выступилъ въ походъ съ большимъ войскомъ и осадилъ древній Русскій городъ Полоцкъ, по своему положенію на Двинѣ важный какъ для Литвы, такъ и для Ливоніи. Для этого похода одной *посохи*, т. е.

земской рати, конной и пѣшей, было собрано болѣе 80.000 челов.; а главное, для обстрѣливанія крѣпости привезенъ былъ большой *нарядъ*, т. е. тяжелыя осадныя пушки, называемыя «павлинами» и «огненными», т. е. бросавшія каленыя ядра. Такими ядрями выжгли 300 саженъ деревянной стѣны, такъ что 7 Февраля взяли острогъ или посадъ, расположенный за Полотою; а недѣлю спустя, Станиславъ Довойна, воевода Литовскій, сдалъ и самый городъ или кремль. Этотъ воевода и епископъ Полоцкій Арсеній Шишка, взятые въ плѣнъ, отосланы въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными воинами и гражданами; но бывшихъ въ городѣ Польскихъ ротмистровъ съ 500 товарищами царь одарилъ шубами и отпустилъ въ отечество. Съ гражданами вообще царь обошелся милостиво; только захваченные въ городѣ Жиды подверглись жестокой участи: будучи ненавистникомъ жидовства вообще, Іоаннъ, по словамъ лѣтописи, велѣлъ ихъ утопить въ Двинѣ вмѣстѣ съ семьями.

Высоко цѣня пріобрѣтеніе Полоцка, царь принялъ всѣ мѣры, чтобы удержать его и укрѣпить за собою. Онъ оставилъ въ немъ воеводою извѣстнаго князя Петра Ивановича Шуйскаго, а товарищами его двухъ братьевъ Серебряныхъ-Оболенскихъ, князей Василія и Петра Семеновичей. Воеводамъ царь далъ подробный наказъ, какъ чинить стѣны, чистить и углублять рвы и вообще беречь городъ и отъ внезапнаго приходу Литовскихъ людей, и отъ измѣны жителей. Поэтому въ городъ, т. е. въ кремль, только въ торжественные праздники дозволилъ онъ пускать въ Софійскій соборъ гражданъ изъ острога или посада, и то понемногу и усиливъ на то время вездѣ стражу. Въ городѣ онъ велѣлъ сдѣлать «свѣтлицу» (родъ гауптвахты), гдѣ ночевали бы очередные военные начальники съ своими людьми, а по городу ночью постоянно ходили дозоры съ фонарями. Для производства суда велѣно устроить въ острогѣ судебню и выбрать изъ дворянъ «добрыхъ головъ», которые бы судили людей по ихъ мѣстнымъ обычаямъ безволокитно и безъ посуловъ и поминковъ, въ присутствіи бурмистровъ и выборныхъ земскихъ людей.

Съ извѣстіемъ о взятіи Полоцка царь послалъ въ Москву къ митрополиту и семейству своему нѣсколькихъ знатныхъ людей, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ кн. Михаиломъ Темрюковичемъ Черкасскимъ. Въ грамотѣ митрополиту Макарію говорилось: исполнилось пророчество чудотворца Петра-митрополита о градѣ Москвѣ, «яко взыдутъ руки ея на плеща враговъ». Когда Иванъ Васильевичъ возвращался изъ похода, то ему оказана была самая торжественная встрѣча отъ духовенства, бояръ и всего народа. Въ Полоцкѣ учреждена архіепископская каѳедра, на которую поставленъ Трифонъ, бывшій епископъ Суздальскій. Съ Крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ уже лѣтъ семь какъ

не было мирныхъ сношеній, и Татарскіе гонцы были задержаны въ Москвѣ; ибо, подстрекаемый Сигизмундомъ, ханъ вѣроломно во время мира нападалъ на Московскія украйны. Теперь на радостяхъ Іоаннъ послалъ въ Крымъ Аѳанасія Нагого съ богатыми подарками изъ Полоцкой добычи, а именно съ Литовскими конями въ сѣдлахъ и уздахъ, отдѣланныхъ серебромъ, и съ королевскими дворянами-плѣнниками. Главною же цѣлью посольства было возобновить мирныя сношенія, чтобы по возможности обезпечить себя со стороны Крымцевъ.

Съ Сигизмундомъ также возобновились переговоры. Въ Москву въ Декабрѣ 1564 года пріѣхало большое Литовское посольство, съ Юріемъ Ходкевичемъ, Григоріемъ Воловичемъ и Михаиломъ Гарабурдою. Они просили о полугодовомъ перемирьи; но такъ какъ послы не соглашались на уступку Полоцкаго уѣзда и Ливонскихъ земель, то имъ отказали, считая эту просьбу только за желаніе выиграть зимнее время, тогда какъ Московскія рати уже были готовы начать зимній походъ. Посольство уѣхало. По царскому приказу въ Январѣ двинулись Московскіе воеводы изъ Полоцка, Вязьмы, Смоленска и Дорогобужа: они должны были сойтись подъ Оршею и отсюда подъ главнымъ начальствомъ кн. Петра Шуйскаго идти на Минскъ и другія мѣста. Но походъ сей кончился бѣдственно. Полоцкіе воеводы, очевидно не разсчитывая встрѣтить непріятеля въ полѣ, шли съ своею ратью очень оплошно; а другіе воеводы еще не успѣли съ ними соединиться. Недалеко отъ Орши на нихъ внезапно ударило Польско-литовское войско, предводимое Трокскимъ воеводою Николаемъ Радивиломъ Рыжимъ. Русскіе не успѣли надѣть свои доспѣхи, ни устроиться въ полки. Мѣстность случилась лѣсистая и тѣсная, такъ что развернуться было негдѣ; а Литва, ударивъ на передовой отрядъ, тотчасъ его разгромила и погнала назадъ на главную рать, которая тоже смѣшалась и дала тылъ. Пораженію способствовала смерть главнаго воеводы кн. Шуйскаго, который палъ вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; а воеводы Плещеевъ и Охлябининъ попали въ плѣнъ. Но такъ какъ дѣло произошло къ ночи, то большая часть войска успѣла спастись и ушла въ Полоцкъ. Такимъ образомъ, 50 лѣтъ спустя послѣ великой Оршинской битвы, около тѣхъ же мѣстъ произошло новое, хотя не столь тяжкое, пораженіе Русской рати, которое уменьшило радость о завоеваніи Полоцка (какъ тогда Смоленска). Это пораженіе послужило для насъ началомъ многихъ другихъ неудачъ. Между прочимъ вслѣдъ за нимъ князь Андрей Курбскій, одинъ изъ лучшихъ Московскихъ воеводъ, измѣнилъ Іоанну и убѣжалъ въ Литву.

Дѣло въ томъ, что уже произошла важная перемѣна въ самомъ Московскомъ правительствѣ: наступила печальная эпоха казней и опричины.

Д. Иловайскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

(писаны въ 1867 году).

Берусь за перо, и останавливаетъ меня сомнѣніе: стоитъ ли писать записки или воспоминанія, когда собственная личность не имѣетъ никакого интереса для читателя, когда нѣтъ ничего занимательнаго въ собственной жизни?

Моя жизнь была самая счастливая, слѣдовательно, самая однообразная, безъ всякаго драматизма. Обстоятельства такъ мнѣ благопріятствовали, что я не имѣла ни нужды, ни желанія, ни случая выходить изъ семейнаго круга обязанностей, а въ семействѣ все было тишь и гладь, да Божья благодать. Такъ живется хорошо, но разсказывать нечего. Я всю жизнь была только зрительницей, конечно, заглядывая иногда за кулисы, но не играя никакой роли на театрѣ общества или исторіи. Много, въ полвѣка, видѣла я и слышала, и одно развѣ можетъ быть занимательно къ моихъ запискахъ: это—*отголосокъ прошлаго*, хотя не далекаго времени, его воззрѣній, сужденій и чувствъ, которыя уже столько измѣнились или измѣняются, что, можетъ быть, стоитъ сохранить ихъ образъ, пока онъ не совсѣмъ забытъ. Одно я знаю: любовь и уваженіе къ истинѣ такъ глубоко вкоренены были въ нашемъ семействѣ, что все, что̀ отъ родителей я слышала, не подлежитъ сомнѣнію, и сама я неспособна (по крайней мѣрѣ сознательно) измѣнить ей. Не разъ въ жизни я тяжело поплатилась за истину: можетъ быть, она тѣмъ дороже и милѣе стала мнѣ. О многомъ нынче слышу *легенды* или *историческіе романы*, можетъ быть, и не намѣренно сочиненные; а слово правды отъ современницы не пригодится ли будущему лѣтописцу? Итакъ, попытаюсь передать, что̀ помню—про общее настроеніе и обычаи того времени, и что̀ помню о личностяхъ, съ которыми родители и я сама имѣли сношенія.

Какъ жизнь народовъ, такъ и жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ свое *до-историческое* время неясныхъ воспоминаній самыхъ происшествій, но вѣрныхъ впечатлѣній о дѣйствіи ихъ на умы и на чувства того времени. Можно сказать: колоритъ сохраняется, хотя черты картины становятся мутны или даже искажаются неловкою, безъискусственною маляровкой этого усерднаго художника—воображенія, воображенія личнаго или воображенія народнаго.

Съ этой до-исторической эпохи дѣтства я и начну.

I.

Баснословныя времена и золотой вѣкъ дѣтства.

Самое отдаленное воспоминаніе моего дѣтства—болѣзнь, простуженная скарлатина, превратившаяся въ водяную. Помню нестерпимую боль, когда старались надѣть мнѣ на ноги (ноги четырехъ-лѣтняго ребенка) большіе чулки взрослой женщины, моей матери,—такая ужасная была опухоль... Помню тогда же смутное, какъ будто сквозь туманъ, явленіе блестящей золотомъ и каменьями большой иконы и богатую ризу священника, сѣдые, длинные волосы его и, сквозь этотъ же туманъ или дымъ, два озабоченныя, грустныя лица—моего отца и матери. Этотъ туманъ и дымъ были ничто иное, какъ воспаленіе въ мозгу, приливъ воды къ головѣ ребенка въ эту же самую болѣзнь, когда доктора уже потеряли надежду; а икона — Божіей Матери, Всѣхъ Скорбящихъ Радости, которую подымали и принесли къ моей кроваткѣ, чтобъ я приложилась къ ней.

Чтó прежде и послѣ происходило со мною, не помню; но сказываютъ, что я съ этого дня стала выздоравливать, и я помню уже только обыкновенную, ежедневную жизнь, или даже не жизнь, а обыкновенную обстановку ея. Видится мнѣ длинная зала, въ которой я играла и бѣгала, и статуя въ нишѣ на ея концѣ—что-то въ родѣ Весталки или Музы съ факеломъ въ рукѣ для лампы; наша дѣтская и большіе дѣдовскіе Англійскіе часы съ музыкой, подъ которую мы плясали и разыгрывали пантомимы, маленькіе дѣтскіе стулья и маленькій низкій диванчикъ, на который я часто сажала любимаго моего старика Гаврилу. Вижу его такъ живо предо мною и теперь! Высокаго, очень высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами, коротко выстриженными сѣдыми волосами, съ задумчивымъ лицомъ, которое оживлялось невыразимо-доброю и веселою улыбкой, когда мы, дѣти, по своему угощали его. Его посѣщенія были изъ лучшихъ радостей моего дѣтства. Онъ былъ посланъ бабушкой въ прислугу (а по настоящему въ родѣ дядьки) къ батюшкѣ, когда она его отпустила на службу въ Петербургъ. Онъ вѣрно и любовно заботился о молодомъ баринѣ своемъ, и хотя состоялъ слугою, однако, былъ такъ уважаемъ имъ, что насъ, дѣтей, пріучили вставать передъ Гаврилой, когда онъ приходилъ къ намъ въ дѣтскую, а бабушка писала къ нему: «Гаврила Никитичъ», по имени и отчеству. И что за почтенный, добрый былъ онъ старикъ! Когда батюшка жилъ холостымъ въ Петербургѣ,

онъ получалъ очень скудное содержаніе (а натура его была Русская, тароватая), и въ два первые мѣсяца у него выходила почти вся треть. Онъ берегъ ровно столько денегъ (по рублю на вечеръ), чтобъ всякій день ходить въ театръ, который онъ страстно любилъ; вмѣсто же обѣда, завтрака и ужина, онъ съ своими любимыми друзьями, Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, довольствовался мороженымъ съ бисквитами у кондитера Лареды, гдѣ у него былъ открытый кредитъ. (Эту кондитерскую я еще помню, въ концѣ Невскаго проспекта, гдѣ-то за Полицейскимъ мостомъ). Но 19-ти-лѣтній аппетитъ не могъ насытиться мороженымъ. «И частехонько бывало», разсказывалъ Гаврила, «они, мои голубчики, приходятъ домой, когда я варю себѣ обѣдъ; проходятъ мимо и говорятъ: Ахъ, Гаврило, какъ славно пахнетъ! Должно быть, хорошіе щи. А я уже знаю; у меня и щей довольно, и приварокъ есть на всѣхъ; и они, бывало, такъ-то убираютъ! Видно, что голодные!»

Тутъ же, въ нашей дѣтской, подлѣ Гаврилы, разсказывающаго про Пугачевщину и всѣ ужасы того времени, видится мнѣ моя кормилица (а потомъ няня) Шведка, которая оставалась у насъ всю жизнь свою и умерла у насъ въ домѣ, не имѣя другаго имени и прозванія какъ только «Дада»: этимъ именемъ я называла ее въ дѣтствѣ *). Добрѣйшаго сердца, открытая ко всему и ко всѣмъ бѣднымъ и страждущимъ отъ старика нищаго или больнаго ребенка до голодной собаки, она была вспыльчива до нервныхъ приступовъ и суевѣрна до крайности. Помню,—и это второе сильное впечатлѣніе моего дѣтства, — помню, какъ однажды, уложивъ меня спать и задернувъ около кроватки занавѣсъ, помолчавъ немного и думая, что я уснула, она стала тихо разсказывать одной изъ горничныхъ разныя приключенія съ чертями. Я слушала, притаивъ дыханіе и устроивъ въ занавѣскѣ маленькую щель, сквозь которую какъ теперь вижу Даду, какъ сидитъ она на маленькомъ стульчикѣ и съ глубокимъ убѣжденіемъ разсказываетъ про дѣвушку, которая была гдѣ-то въ услуженіи, и къ ней сталъ приходить свататься молодой, красивый, съ виду добрый и зажиточный человѣкъ, о которомъ впрочемъ никто не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній. Однако она полюбила его и дала ему слово выдти за него замужъ. Не знаю, или я не поняла, почему свадьба была отложена; помню только, что у дѣвушки мало было свободнаго времени, и они видались лишь подъ вечеръ, по окончаніи работъ, на опушкѣ сосѣдней рощи. Не помню тоже, отъ чего въ ея мысли заронилось сомнѣніе о женихѣ; но она стала подмѣчать въ немъ странности; и вотъ однажды она видитъ, что у него износились сапоги, и—о ужасъ!—изъ сапога вмѣ-

*) Графиня А. Д. Блудова родилась въ Стокгольмѣ, гдѣ батюшка ея въ 1812—1814 годахъ служилъ совѣтникомъ посольства. П. Б.

сто ноги выглядываетъ копыто! У меня и теперь, какъ тогда, мурашки ходятъ по кожѣ, когда я вспоминаю страхъ, который одолѣлъ мною въ этомъ мѣстѣ разсказа, и какъ крѣпко я зажмурила глаза и закрыла лицо простыней, чтобъ не видать даже Дады на ея низенькомъ стулѣ; но я все-таки слушала. Дада продолжала разсказъ. Дѣвушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нея крѣпко билось и замирало, но она не потеряла присутствія духа; она замѣтила, что женихъ потихоньку схватилъ рукой ея передникъ, и она, продолжая разговаривать, тихонько же развязала тесемку передника, и только-только что успѣла, какъ вдругъ женихъ со всего размаху полетѣлъ на воздухъ, унося съ собою вмѣсто невѣсты одинъ только передникъ ея, и она видѣла, какъ онъ, въ смущеніи и гнѣвѣ, вихремъ промчался на двухъ черныхъ крыльяхъ и съ длиннымъ хвостомъ. Такъ присутствіе духа спасло бѣдную красавицу отъ черта.

Много такихъ разсказовъ слышала я по вечерамъ, когда няня думала, что я заснула; но помню ясно и подробно только этотъ одинъ. Швеція, какъ Данія и Шотландія, полна легендами про чертей, про видѣнія и пророческіе миражи—въ туманахъ этихъ сѣверныхъ странъ, въ отчизнѣ Фингаловъ и Гамлетовъ.

Есть, между прочимъ, въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или по крайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще знавалъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что Шотландцы называютъ second sight, *второе зрѣніе.* Я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей, Шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ своего пребыванія у другой дочери, императрицы Елисаветы Алексѣевны. Онъ уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется, жена министра иностранныхъ дѣлъ, или другая дама, замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ, вдрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ

ей, что его смутило; онъ отнѣкивался, она приставала. Отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется: во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самаго, стоящаго за нимъ,—точто живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ Шведскомъ или Баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ Русскомъ мундирѣ. «Ну, что же?» спросила графиня. «Не хорошо», отвѣчалъ задумчиво тотъ. «Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такаго? Чего вы боитесь?»—«Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?» Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окно скачущаго опрометью верховаго. «Бѣда, бѣда», кричалъ онъ, «скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился». Все засуетилось, бросилось на дворъ на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ Русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ Русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.

Но не одинъ этотъ господинъ имѣлъ видѣніе въ замкѣ Грипсгольмѣ; и другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, то есть, разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Грипсгольмѣ, тоже немного лѣтъ до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено нѣсколько постороннихъ лицъ, королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути королевѣ показалось что-то сыро; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гулающіе шли тихо, не возвращался. «Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ», сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери блѣдный, смущенный; королева шутя погрозила ему пальцемъ, говоря: «Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль». Но пажъ стоялъ какъ вкопанный. «Хотѣлъ... нельзя... не могу... не смѣю...». «Что это значитъ?» спросила королева и пошла къ двери. «Не ходите, не ходите!» вскричалъ пажъ: «я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль,

которая лежала на диванѣ; но какая-то незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другою подала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ.» Королева слегка измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голосомъ сказала пажу: «Пусти!» и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: «Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣетъ дѣло». Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку; тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но королева въ этотъ годъ и умерла.

Эти два случая батюшка слышалъ отъ свидѣтелей-очевидцевъ, и потому они достовѣрны, во сколько такія явленія могутъ быть удостовѣрены; но другой случай въ этомъ же замкѣ произошелъ гораздо прежде, такъ что онъ уже былъ переданъ не тѣми лицами, которыя тогда жили.

Королева Ульрика умерла въ замкѣ Грипсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ*, къ дверямъ замка подъѣхала, вся обитая чернымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ трауръ, и въ ней узнали графиню Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ нея и отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти королевы такъ скоро, что уже явилась въ полномъ трауръ; однако ее впустили. Она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершею, чтобъ проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученныя пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ оцѣпенѣніи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали, что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ, королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣняли другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.

Сторожилы разсказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстнаго разсказа о видѣніи какого-то сверхъестественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія и справки, и оказалось, что мнимые документы поддѣланы, и даже

какая-то неточность въ подписи короля доказываетъ невѣрность всего разсказа.

Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это уже происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15-го Марта 1792 года, братъ короля Густава III-го, герцогъ Зюдерманландскій пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войти въ комнату: замокъ у двери, должно быть, испорченъ; ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась; но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская—вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать было; но ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану; но видѣніе уже изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III-й, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ: явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра дается только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, «he who is fated», а для другихъ оно остается недосягаемо, непостижимо. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ, — и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, составляющихъ собою характеръ, то есть особенность каждаго человѣка. О самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія намъ на встрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою*, можно спорить и дѣлать разныя предположенія;

но совершенно отрицать ихъ—точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человѣка необъяснимо?

Вотъ еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ разсказывала мнѣ матушка не разъ (а она никогда не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды). Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но *далекое настоящее*, посредствамъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки, когда онъ не былъ еще принятъ какъ женихъ княгинею Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобъ узнавать о своемъ миломъ и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго; но видѣнныя въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ, по возвращеніи его. Такимъ образомъ рѣдкая способность молодой дѣвушки служила какъ-бы электрическимъ телеграфомъ для любящаго сердца подругѣ, томившейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.

Е. М. Оленина разсказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похожаго на воспріимчивость и раздражительность воображенія. Но въ 1807 году она была еще молодою дѣвушкою. У кого-то въ деревнѣ собралось много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ на войнѣ. Одинъ разъ сидѣли онѣ всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина; бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что къ нимъ, въ деревню, и вѣстей не доходитъ изъ арміи: Богъ знаетъ, кто изъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на святкахъ. Которая изъ нихъ стала насмѣхаться, которая сомнѣваться, а нѣкоторыя и пристали къ этому предложенію. «Посмотри-ка», сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—«посмотри, гдѣ мой братъ? Что̀ съ нимъ теперь?» Сѣла за зеркало хозяйская дочка; все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль и молчали или тихо, тихо, шепотомъ переговаривались, чтобъ не мѣшать вѣщуньѣ. Долго сидѣла она, не произнося тоже ни слова, — оно уже стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила: «Вотъ, вотъ, туманъ схо-

дитъ со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая, быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоихъ берегахъ. Чтò это тамъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ.... А, отчалила лодка съ того берега; въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!» Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. «Вотъ, и другой генералъ взошелъ на плотъ; онъ повернулся—Государь!» вскрикнула хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивленіемъ.

Это было 13-е Іюня 1807 года, день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ, о которомъ уже, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.

Всѣ эти чудные разсказы я, разумѣется, слышала гораздо позже, или по крайней мѣрѣ ихъ повторяли мнѣ послѣ; но съ самыхъ первыхъ лѣтъ я помню многія историческія преданія, въ которыхъ часто играло роль чудесное, а само историческое не всегда было вѣрно. Такъ, помню, я очень долго держалась (про себя) мнѣнія, будто гр. Николай Михайловичъ Каменскій былъ отравленъ происками старшаго брата и предательствомъ Закревскаго. Эта нелѣпая легенда ходила между домашними фельдмаршальши графини Каменской, и одна бывшая горничная матушки передавала эти свѣдѣнія намъ въ дѣтской, куда ходила къ моей Дадѣ. Я была такъ увѣрена въ истинѣ этого разсказа, что увидѣвъ въ первый разъ графа Сергѣя Михайловича, много лѣтъ спустя, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, я посмотрѣла на него съ ужасомъ и содроганіемъ и спѣшила уйдти изъ комнаты: такъ онъ мнѣ казался страшенъ. Уже гораздо позже, учась новѣйшей исторіи, я навела справки и, спросивъ конфиденціально о томъ у матушки, убѣдилась наконецъ, что это была клевета.

Эта бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала намъ военныхъ разсказовъ. Мужъ ея, Иванъ Сергѣевъ, былъ отставной сержантъ или унтеръ-офицеръ и служилъ при Суворовѣ, иногда и въ должности деньщика. Эту чету я помню только не молодою; потомъ состарѣлись они въ моихъ глазахъ, и Суворовскій солдатъ умеръ нѣсколько лѣтъ прежде жены. Они крѣпко любили другъ друга. Жена, окруживъ мужа нѣжностію и заботою до послѣдняго часа, тосковала по немъ всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтобъ ее похоронили, буде можно, недалеко отъ него и положили бы съ нею въ гробъ его портретъ. Гаврила, нашъ милый, нашъ добрый Гаврила, также жилъ душа въ душу съ своею

старушкой Афимьей. Вижу, какъ теперь, какъ она стоитъ, маленькая, бѣленькая, сѣденькая, въ своемъ свѣтленькомъ платьицѣ, въ своемъ чисто-выбѣленномъ съ густою оборкою чепцѣ, держитъ въ рукѣ свѣчу и тихо плачетъ, и тихо крестится, пока соборуютъ умирающаго 90-лѣтняго Гаврилу; а онъ, съ спокойствіемъ духа и кроткою твердостію Русскаго простолюдина, безъ страха и волненія, смотритъ въ глаза приближающейся смерти и только безпокоится объ одномъ—чтобъ я не простудилась, переходя черезъ дворъ изъ нашихъ комнатъ въ его! Послѣ окончанія обряда онъ приподнялся, поцѣловалъ меня и дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Берегитесь!» Послѣдняя забота его была о дочери любимаго барина. Онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Я такъ плакала и горевала, что меня не пустили къ тѣлу, и я уже не видала его послѣ смерти; а старушка Афимья перебралась на нашу половину, такая же бѣленькая и сѣденькая, тихая и кроткая. Она не носила ни чернаго платья, ни чернаго чепца, и слезъ не много проронила, и о старикѣ своемъ не говорила; но не прошло полгода, она сошла за нимъ въ могилу безъ особой болѣзни, безъ внѣшнихъ знаковъ особеннаго горя, тихо, кротко, покорно; какъ жила, такъ и умерла.

Однако я опять забѣгаю впередъ. Гаврила Никитичъ и Авдотья Харитоновна много расказывали мнѣ, или при мнѣ моей нянѣ, о недавнихъ событіяхъ исторіи. Дядя моего отца со всѣмъ семействомъ погибъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ батюшка часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка. Онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ. Послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему (конечно не безъ оговорокъ), что его ожидаетъ смертная казнь. «Знаю», отвѣчалъ дядя моего отца, «но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году отъ Пугачева.

Много жертвъ пало изъ нашего семейства около Казани въ это смутное время, и разсказы Гаврилы такъ дѣйствовали на меня, что

я не чувствовала никакой жалости, а скорѣе какое-то злорадостное любопытство, когда доходило до описанія желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга.—Не такъ безжалостно относилась я къ Волжскимъ разбойникамъ, въ похожденіяхъ которыхъ все-таки слышалось и увлекательное удальство, и даже какое-то дикое великодушіе: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селенія, но по крайней мѣрѣ изъ простой корысти, смѣшанной съ тѣмъ наслажденіемъ, которое находится въ чрезвычайномъ подвигѣ, даже преступномъ, въ опасности, въ борьбѣ, въ успѣхѣ, въ самой *силѣ*, будь она нравственная или физическая. Чуялось ли это смутно ребенку,—не знаю; а можетъ быть, и самъ Гаврила болѣе сочувственно относился къ нимъ въ своихъ разсказахъ, чѣмъ къ Пугачеву; но Волжскіе *недобрые молодцы* остались навсегда въ моей памяти съ почти-героическимъ оттѣнкомъ. Рано зарождается въ женщинахъ какая-то безразсудная отвага, и даже въ ребячествѣ опасность манитъ ихъ и привлекаетъ къ себѣ—не изъ за цѣли, а изъ-за тревоги и обаянія въ самомъ чувствѣ побѣжденнаго страха, изъ-за *призванія* къ самопожертвованію, къ произвольному *страданію* за другихъ, безъ разбора и почти безъ сознанія; по крайней мѣрѣ, по большей части такъ бываетъ. Жизнь и ея горькій опытъ дѣлаютъ насъ боязливыми, но по природѣ у насъ есть врожденная жажда *подвига*, которая иныхъ бросаетъ въ крайности аскетизма, другихъ въ крайности разврата, а въ болѣе счастливыхъ развиваетъ тотъ героизмъ семейнаго ежеминутнаго самозабвенія и самоотреченія, который остается тайною домашняго очага и потому не цѣнится или отрицается посторонними. Дайте правильный исходъ этому врожденному геройству, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову, Гертруду Фонъ-деръ-Бартъ, Корнелію, мать Гракховъ, или тѣхъ скромныхъ героинь-христіанокъ, которыя послѣдовали въ 1826 году за мужьями въ Сибирь, и тѣхъ сестеръ милосердія, которыя во Франціи, въ Пруссіи, въ Крыму отдавали и отдаютъ всю жизнь свою на жертву, въ помощь и облегченіе недугующихъ, страждующихъ, плѣненныхъ. Не давайте правильнаго исхода этой женской отвагѣ, — вы найдете m-lle de la Vallière, Agnès Sorel и даже Ninon de Lenclos, и нашихъ современныхъ нигилистокъ! Эти сорныя травы и эти цѣлебныя зелья — произрастенія одной и той же почвы.

Итакъ, въ разсказахъ ли Гаврилы, или въ моемъ собственномъ воображеніи, удалые молодцы, которые плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», промышляя по своему, вооруженною рукой и слагая звучныя пѣсни свои, были довольно увлекательныя лица, и мнѣ становилось жаль подъ часъ, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою въ Танкѣевкѣ (Спас-

скаго уѣзда Казанской губерніи), созоветъ всѣхъ дворовыхъ и молодыхъ крестьянъ, наберетъ такимъ образомъ отрядъ человѣкъ въ 300 или 400, раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы; канава вокругъ сада исполняетъ должность рва, и бабушка съ маленькимъ сыномъ засядетъ въ своей импровизированной крѣпости, ожидая осады непріятеля. Большею частію этимъ и кончалась бѣда. Добрые молодцы съ пѣснями проплывутъ вдоль рѣки у берега: оружіе спрятано, расшива (лодка) съ золоченою кормой и носомъ несется быстро на своихъ натянутыхъ парусахъ; сидятъ по ея бокамъ смирно и лѣниво молодые купчики,— хозяинъ въ щегольскомъ полукафтанѣ или полушубкѣ, съ шапкой на бекрень, распоряжается, будто торговцы ѣдутъ на ярмарку. Но не похожъ этотъ удалой соколиный взглядъ, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромнаго купеческаго сына: это самъ молодой атаманъ, это его шайка съ нимъ, и какъ затянутъ они пѣсню, да гаркнетъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ: «въ темномъ лѣсѣ», такъ по всему берегу и забьется сердце у мужичковъ, и пока несутся звуки, удаляясь, утихая, замирая на водахъ, стоятъ они да крестятся и откликаются и старый и малый; а парней иногда въ душѣ и тянетъ туда къ Волгѣ, къ разгулу этой заманчивой жизни, между тѣмъ какъ молодухи сожалѣютъ о дѣвкѣ-красавицѣ, что сидитъ на палубѣ, разодѣтая въ парчевомъ шушунѣ съ длинною лентой въ длинной косѣ, и на нее такъ дерзко и любовно поглядываетъ удалой атаманъ. Признаться, мнѣ совсѣмъ не жаль бывало, а скорѣе завидно этой невѣстѣ (какъ я полагала) разбойника, которая дѣлила съ нимъ опасности его тревожной жизни. Однако эта преступная зависть проходила, и я возвращалась къ законному сочувствію и восторгу, когда рѣчь доходила до опасности, въ которой бабушка сама оказалась однажды. Въ приволжскихъ деревняхъ мужики позажиточнѣе большею частію откупались отъ молодцевъ, выходя на берегъ съ хлѣбомъ и солью, съ шитыми шелкомъ и золотомъ полотенцами и ручниками, на которыхъ, кромѣ хлѣба, лежали и деньги, собранныя всѣмъ міромъ и подносимыя добрымъ молодцамъ; а разбойники, имѣя своего рода *честь* *), почитали недозволеннымъ нападать на такихъ слабыхъ и сговорчивыхъ людей. Но бабушка имѣла тоже свои понятія о чести и достоинствѣ барыни-помѣщицы и не соглашалась на такія сдѣлки съ непріятелемъ. Пока живъ былъ дѣдушка, его огромная псовая охота служила обороной усадьбѣ и острасткой для разбойниковъ.

---

*) Честь въ смыслѣ *point d'honneur*. Le point d'honneur, говоритъ Грабовскій, c'est la contrefaçon de la conscience. (Щегольство честью есть поддѣлка совѣсти).

Но послѣ него экономическіе разсчеты заставили уничтожить весь этотъ штатъ и всѣхъ собакъ, оставивъ только злѣйшихъ изъ послѣднихъ для ночнаго караула, между тѣмъ какъ воинственные псари превратились въ мирныхъ ткачей вновь увеличенной и усовершенствованной полотняной фабрики. Разбойники знали все это и рѣшились наказать Катерину Ермолаевну за ея гордость и несговорчивость. Однако, изъ презрѣнія ли къ женщинѣ, или изъ рыцарства, они объявили заранѣе походъ на нее. Высадившись большою шайкой на заливныхъ лугахъ имѣнія, они кинулись къ усадьбѣ. Крикъ, плачъ и вой поднялся въ деревнѣ, которая лежитъ противъ самой усадьбы, на другомъ берегу пруда; а Катерина Ермолаевна, велѣвъ зарядить пушки и ружья и палить въ добрыхъ молодцевъ, какъ только станутъ подходить, отправила вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету съ требованіемъ помощи; но не скоро могъ пробраться посланный, и не скоро, даже, на подводахъ, пріѣхала военная команда. Во все это время Катерина Ермолаевна, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа и распорядительностію, выдержала нешуточное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ, и не будь этихъ двухъ пушченокъ, ей бы, вѣроятно, не сдобровать; однако Богъ помогъ! Команда пришла во время, и усадьба и деревня уцѣлѣли. Съ тѣхъ поръ эти двѣ пушки служили уже только украшеніемъ или трофеями въ усадьбѣ, да въ необыкновенно торжественныхъ случаяхъ изъ нихъ палили холостыми зарядами въ видѣ салютовъ. Уже послѣ кончины Катерины Ермолаевны, батюшка ѣздилъ въ свою Казанскую вотчину на освященіе вновь оконченной или перестроенной церкви надъ могилами его отца и дѣдовъ. Разумѣется, одна изъ достославныхъ этихъ пушченокъ была подвезена къ церкви, и во время благодарственнаго молебствія изъ нея дали залпъ, потомъ другой; а тамъ вдругъ трескъ, шумъ, ужасный крикъ, и батюшка выбѣжалъ изъ церкви узнать, какая бѣда случилась. Вышло, что отставной солдатъ, исправлявшій должность артилериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ, стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лицо все опалено, глаза или по крайней мѣрѣ вѣки, повреждены, а главное, вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ: кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Чтò дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за

докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: «Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ; онѣ вылѣчать, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли». Нечего было препираться о разумности или неразуміи такого лѣченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онѣ требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что́ тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ; но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась, и раненый заснулъ. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ: не было ни боли, ни жару, и послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій онъ выздоровѣлъ. Мгновенно-совершенное утоленіе боли и жару осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ событіемъ.

Тутъ же на Волгѣ, — не знаю только въ Казанской ли губерніи,—знаменитый Ванька-Каинъ держалъ свою шайку и ходилъ съ нею въ разбой. Не знаю его происхожденія и первоначальнаго образа жизни; но, по разсказамъ моего дѣтства, его натура была не обыкновенная, не дюжинная: и добрые великодушные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты отчаяннаго раскаянія дѣлають изъ него истинно-драматическое лицо. Безстрашный, предпріимчивый, лукавый, онъ умѣлъ и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и безпощадно разрушать, и великодушно миловать. Сопротивленіе отчаяннымъ его набѣгамъ наказывалось пожаромъ и грабежемъ; но бѣдному, слабому, ищущему у него самого защиты онъ никогда не отказывалъ, и часто, бывало, одаритъ, грабленнымъ добромъ конечно, но все-таки поставитъ на ноги бѣдняка, возстановитъ цѣлое семейство честное, «сотворяя себѣ друзи изъ мамоны неправды», завидуя со слезами честности и невинности ихъ. Таборъ свой держалъ онъ въ строгомъ повиновеніи, но съ теплой къ нему любовью. Лѣтомъ таборъ этотъ, большею частію, стоялъ въ непроходимомъ лѣсу, гдѣ шатры были раскинуты на свѣжей зеленой лужайкѣ, въ самой чащѣ лѣса, вблизи источника ключевой воды, въ тѣни старыхъ сосенъ и липъ; а склады разбойниковъ, т. е. оружіе и ворованныя вещи, находились въ подземельяхъ тутъ же въ лѣсу, куда никто не зналъ какъ пройти, кромѣ ихъ, и куда грабители какъ будто исчезали съ большой дороги, когда возвращались по одиночкѣ съ какого-нибудь ночнаго похожденія, или съ какого-нибудь праздника или базара, гдѣ они толкались и плясали и пили, какъ честные люди. Въ это ихъ святилище никто не отваживался заходить, и даже страхъ бралъ путника, когда издали услышитъ протяжный, пронзительный свистъ или дальніе отголоски пѣсни, пѣсни нѣжной и заунывной,

сложенной нерѣдко самимъ атаманомъ-поэтомъ. Многія изъ самыхъ гармоническихъ и поэтическихъ пѣсней, которыя и понынѣ поются, сочинены Ванькой-Каиномъ. Однажды, въ неудержимомъ порывѣ раскаянія, онъ рѣшился пойти и самъ выдать себя властямъ, что бы изъ того ни вышло; такъ, по крайней мѣрѣ, гласилъ разсказъ, дошедшій до меня. Вмѣсто казни или тюрьмы, его за чистосердечное раскаяніе приняли въ милость и, въ доказательство измѣненной нравственности и возвращенія къ добру, ему поручили помогать полиціи открывать и ловить разбойниковъ, и хоть оно, вѣроятно, ему было и не совсѣмъ ловко, однако Ванька-Каинъ пошелъ изъ воровъ въ сыщики, иногда негоцировалъ мирную сдачу разбойниковъ, а иногда накрывалъ ихъ на самомъ мѣстѣ воровства. Но наконецъ дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся онъ вести съ прежними товарищами переговоры, обратить ихъ и склонить къ повиновенію законамъ. Отправился Ванька-Каинъ, и отправился одинъ, какъ это бывало, когда дѣло шло о мирной сдачѣ. Пробрался онъ въ лѣсъ раноранехонько утромъ, а въ лѣсу такъ зеленѣло и благоухало, такъ сладко пѣли птицы, такъ тихо шептали листья, такъ вольно гулялъ вѣтерокъ! Шелъ Ванька, и каждый кустъ, и каждая травка, и стройная сосна, и широкій папортникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, всѣ какъ будто шлютъ ему привѣтъ, какъ будто говорятъ ему о прежней волѣ; и вотъ, сквозятъ и пробираются съ высоты деревъ на землю веселые лучи солнца, и выходитъ онъ изъ чащи лѣса на свѣжую лужайку у самаго ключа, гдѣ стоялъ его шатеръ. И такая взяла его тоска по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ и по прежней власти, что свиснулъ онъ своимъ молодецкимъ свистомъ и собралъ всю шайку вокругъ себя. «Вотъ, я вашъ опять, ребята!» вскричалъ атаманъ; — «надоѣла мнѣ городская ихъ жизнь, надоѣло мнѣ ѣсть даровой ихъ хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ! Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгулъ! Ужъ не атаманъ вамъ теперь я, а стану въ ваши ряды опять!» Такъ кончились переговоры о сдачѣ; походъ Ваньки-Каина въ лѣсъ, въ свой старый таборъ кончился тѣмъ, что попалъ онъ опять въ атаманы разбойниковъ и пошелъ съ ними по прежнему гулять. Наконецъ ужъ его поймали, и онъ всю остальную жизнь просидѣлъ въ тюрьмѣ. Не знаю, это преданіе совсѣмъ ли согласно съ истиной; но такъ гласитъ оно. Разсказъ обыкновенно заключался словами: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ».

Къ этимъ не весьма точнымъ преданіямъ о подвигахъ разбойниковъ присоединялись и не совсѣмъ точныя повѣствованія о военныхъ

дѣйствіяхъ Суворова, Каменскаго, Кутузова; но все-таки *общія впечатлѣнія* были довольно вѣрны. Такъ, въ моей памяти сохранился Суворовъ какъ гигантская фигура, шагающая, *едва ли не буквально*, въ два шага черезъ цѣлую цѣпь снѣжныхъ горъ, съ шуткою на устахъ, съ веселою насмѣшкой въ глазахъ. Кутузовъ исчезалъ въ громадности развалинъ, пожаровъ, разоренія и неумолимой мести народной. Страданія и борьба всеобщія какъ-будто магнетически передавались пониманію ребенка простыми моими собесѣдниками, и среди ужасныхъ сценъ гибели, голода и крови побѣда нашихъ казалась мнѣ непосредственною небесною карою, которой исполнитель былъ Александръ Павловичъ, являясь мнѣ въ образѣ Архангела Михаила, со щитомъ и пламеннымъ мечемъ въ рукахъ. Смутно, но неизгладимо осталось у меня впечатлѣніе, въ послѣдствіи столь великолѣпно переданное въ стихахъ Хомякова:

Не сила людская повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины...

О Барклаѣ, разумѣется, я тогда и не слыхала; а къ Наполеону я всю жизнь сохранила враждебное чувство, внушенное моими старыми собесѣдниками, которые относились къ нему не лучше, чѣмъ къ Пугачеву. За то молодой графъ Каменскій являлся въ ихъ разсказахъ щедро одаренный всею славою и всею привлекательностью юности, красоты, геройства и безвременной кончины. Да, вообще война съ Турками для этихъ современниковъ Екатерины, а чрезъ нихъ и для меня, казалась какимъ-то нормальнымъ состояніемъ для Россіи, какъ въ древнія времена война съ Татарами и Польшей, которая прекращалась лишь перемиріями, болѣе или менѣе продолжительными, но не кончалась вѣчнымъ миромъ, пока не была сокрушена ихъ сила.

Записывая все это, я спрашиваю себя: стоитъ ли оно труда? Можетъ быть, однако, оно останется отголоскомъ понятій и воззрѣній того времени, столь отдаленнаго и не похожаго на нынѣшнее, что даже я, на второмъ полувѣкѣ жизни, сохранила о немъ только преданія и общее впечатлѣніе. Правда, у меня Суворовскіе и Каменскаго подвиги часто сливались въ одно, и когда я слушала про взятіе Очакова или Измаила, главнокомандующій не ясно представлялся мнѣ; кровавые, но блистательные *личные* подвиги (почти невозможные при новой системѣ войны, гдѣ нужно сражаться въ полуверстѣ другъ отъ друга)

плѣняли и сильно врѣзывались въ память. Смѣшеніе христіанскаго съ мусульманскимъ населеніемъ, эти братья, которыхъ надобно было щадить и охранять въ самую минуту штурма, когда не давали пощады невѣрнымъ и отъ нихъ не принимали ея, все это придавало романическій интересъ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ (уже это Ланжеронъ разсказывалъ батюшкѣ), при взятіи Измаила, ворвавшись въ городъ, Русскіе пошли въ штыки, опрокидывая передъ собою живыя стѣны непріятельскаго войска, въ бѣшеной атакѣ встрѣчая бѣшеный же отпоръ; кровь лилась буквально ручьями, такъ что шли они по щиколку въ крови, и никогда никакая прачка не могла вымыть и выбѣлить чулки, въ которыхъ былъ Ланжеронъ въ этотъ день,—такъ напитались они кровію. Во время этого штурма, когда Русскіе солдаты неслись такимъ неодолимымъ потокомъ, духовенство у дверей православныхъ церквей, и въ защиту своихъ, и въ привѣтъ побѣдителямъ, выходило съ крестомъ и святою водою. Солдаты отнимутъ правую руку отъ ружья, перекрестятся, и опять за штыкъ, опять колоть въ ожесточеніи боя, съ опьяненіемъ чувства побѣды. «А прекрасно было смотрѣть на этихъ молодцевъ», говаривалъ Ланжеронъ; «да не дурно было посмотрѣть и на Турокъ: бѣшено, отчаянно они дрались. А наши, не щадили никого, кто попадется на встрѣчу; и женщины, и дѣти погибали, если случались на дорогѣ. Шла эта живая сокрушительная волна или тромба, не разбирая что̀ на ея дорогѣ; все уноситъ съ собою, все стираетъ съ лица земли; развѣ офицеры успѣютъ спасти ребенка и возмутъ его себѣ. О, прекрасное зрѣлище это было!» прибавлялъ Ланжеронъ *). Въ пылу такихъ восторженныхъ воспоминаній, Ланжеронъ на канунѣ штурма какой-то крѣпости приготовилъ было приказъ въ подражаніе Суворовскимъ, который и показывалъ батюшкѣ. Но Каменскій не одобрилъ его, и потому приказъ этотъ на ломанномъ Русскомъ языкѣ не былъ обнародованъ. Онъ былъ слѣдующій: «Коли, руби, граби! Знай—бери!»

Впрочемъ, кромѣ родственныхъ преданій о Каменскомъ, разсказанныхъ Авдотьей Харитоновной и Гаврилою, у насъ еще было живое олицетвореніе христіанскаго элемента Турціи, старушка-Гречанка, вдова казацкаго генерала, который женился на ней въ одномъ изъ своихъ походовъ. Дарья Егоровна была постоянная посѣтительница нашей дѣтской, и какъ теперь вижу ея блѣдное лицо, правильныя классическія черты и бѣлую кисейную фату или большую вуаль, ко-

*) Не мѣшаетъ припомнить, что Ланжеронъ былъ самъ поэтъ и стихотворецъ. При взятіи Измаила взята въ плѣнъ бабка И. С. Аксакова, въ чертахъ лица, въ характерѣ и въ дѣятельности котораго было такъ много южнаго. П. Б.

торою она покрывала голову и обвивала шею и лицо широкими граціозными складками. Маленькая ростомъ, съ сѣдыми до бѣлизны волосами, съ матовою бѣлизною грустнаго, благороднаго лица, съ нѣсколько потухшимъ и блуждающимъ взглядомъ, въ своемъ синемъ суконномъ платьѣ, въ родѣ широкой рясы, она рознилась отъ всего окружавшаго ее въ нашей дѣтской, въ которой она представляла какой-то особый міръ и занимала мѣсто между барыней и няней по генеральскому своему чину и по бѣдности (можетъ быть), но особенно, по совершенной необразованности своей: кажется, она не знала даже грамоты. Но Дарья Егоровна, хоть и была тиха и далеко не краснорѣчива, однако самымъ краснорѣчіемъ фактовъ много вносила животрепещущаго интереса въ мой дѣтскій міръ. Страданія христіанъ, борьба и подвиги ихъ, самое имя Грековъ принимали для меня такую дѣйствительность, такое близкое, *домашнее* значеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что я и теперь не могу привыкнуть къ равнодушію, непониманію или незнанію въ дѣлахъ христіанъ на Востокѣ, которыя встрѣчаю такъ часто у насъ въ Россіи. Али-Паша Янинскій и Бобелина, которая тогда занимала первое мѣсто на табакеркахъ и лубочныхъ картинкахъ, были мнѣ такъ же знакомы и близки, какъ Петръ Великій и Екатерина, и когда въ послѣдствіи мнѣ стали читать «Абидосскую Невѣсту» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», я чувствовала себя дома между этими лицами, и ихъ среда казалась мнѣ гораздо ближе и родственнѣе, чѣмъ дѣйствующія лица Англійскаго high-life въ «Almack's» и «Pelham». Такъ сильны слѣды впечатлѣній перваго дѣтства, что даже, когда изгладилась память о самихъ происшествіяхъ, и забыты всѣ подробности, все-таки общее настроеніе упрямо гнѣздится гдѣ-то въ потаенномъ уголкѣ нашего ума, и при первомъ прикосновеніи въ настоящемъ какого-либо случая, подходящаго къ прошлымъ событіямъ, повѣетъ на душу какъ бы роднымъ, свѣжимъ воздухомъ, и оживаютъ въ памяти всѣ люди, мысли и чувства, давно уснувшія!

Это восточное явленіе между нами, Дарья Егоровна, не была диковинкой въ то время. Греки и Гречанки, Болгары и Сербы переходили по одиночкѣ или переселялись цѣлыми семьями и даже деревнями на нашемъ Югѣ; а обычай привозить съ собою, послѣ походовъ, спасеннаго отъ гибели Турченка или взятыхъ въ плѣнъ Турчанокъ и *дарить* ихъ своимъ родственникамъ на воспитаніе или въ прислугу, занесъ много примѣси южной крови между нами, и въ пользу намъ, а не въ ущербъ, судя по Жуковскому, Аксаковымъ, Айвазовскому, которые по женской линіи Турецкаго происхожденія, и по Пушкину, который, какъ извѣстно, былъ по матери потомокъ Негра.

Одна плѣнная Турчанка, уже не молодая, была подарена моей матери въ служанки ея двоюроднымъ братомъ, Поликарповымъ, по возвращеніи изъ похода, и такъ страстно привязалась къ своей молодой барышнѣ, что ревновала ее безумно и мучила ее и себя упреками, слезами, отчаяніемъ, со всею необузданностію огненнаго, восточнаго нрава. Этой Турчанки я не знавала (она умерла до моего рожденія), но я много слышала о другой Турчанкѣ, прозванной Марьей, которая играла нѣкоторую роль во внутреннихъ интригахъ дома или, точнѣе, маленькаго двора у фельдмаршала Каменскаго въ Москвѣ.

Въ Москвѣ же былъ странный случай, который разсказывала мнѣ (уже долго, долго послѣ) Марья Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знавшая и лицъ, и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турокъ, привезъ съ собою Турецкаго ребенка, вѣроятно, спасеннаго имъ въ какой-нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненькій, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не понялъ бы и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовію и жаромъ учился, дѣлалъ быстрые успѣхи и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлеченіемъ говорилъ объ истинахъ вѣры, съ убѣжденіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно; но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: «Погоди, батюшка; скажу тебѣ, когда будетъ пора». Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые, безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ. «Теперь», сказалъ онъ однажды, «я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка; отецъ ты мнѣ болѣе чѣмъ родной! Теперь скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ: не откажи. Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мнѣ заказать лѣстницу какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату, и самъ не ходи». Дурновъ уже давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемному сыну; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турокъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему — читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова; только сталъ онъ блѣднѣть,

и черные глаза горѣли какимъ-то неземнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойствія. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ Дурнова приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшена была простыней; юноша сдернулъ простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой, писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддержанный двумя ангелами, и на убрусѣ ликъ Спасителя Нерукотворенный, колоссальнаго размѣра, прекраснаго письма. «Вотъ задача, которую я долженъ былъ исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову; я жажду соединиться съ Нимъ». Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить, и его воспитанникъ съ благоговѣйною радостію крестился на другой день. Когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены неземною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія и за величайшее изъ всѣхъ—за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что онъ болѣе чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную. Вечеромъ юноша нѣжно простился съ своимъ названнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ своей комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ—заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками.

Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ему судьбу его и призвалъ его въ урочный часъ къ паки-бытію купели? Кто объяснитъ это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хотя и упрекалъ себя за свое горе при такой святой блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлалась часовней или молельной, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остались только одинъ глазъ и бровь. Однако, набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадѣльня на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ

концевъ Москвы приходятъ и донынѣ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное, свѣтлое, чистое вѣетъ тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была душа юноши, освятившаго своимъ обращеніемъ и смертію это мѣсто. Богадѣльню зовутъ Барыковскою по имени основателя, а церковь—Спаса на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни—домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа-Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой невѣрной стороны, принятый и приголубленный безграничною христіанскою любовію Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: «Аще кто пріиметъ «отроча таково во имя Мое, пріемлетъ Мя; а пріемляй Мя, пріемлетъ «пославшаго Мя Отца».

Всѣ эти разсказы относятся ко времени, предшествовавшему моему рожденію; но моральная атмосфера ихъ окружала мои первые годы, и память о моей дѣтской неразрывно связана съ ними. Изъ ежедневныхъ посѣтителей и друзей моихъ, самый милый, добрый и любезный былъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ для меня былъ такое же предвѣчное существо, какъ отецъ и мать, какъ Дада и Гаврила, которые для меня не имѣли начала, которые, казалось, всегда существовали и никогда не были дѣтьми, ни даже очень молодыми людьми, а всегда *большими*, что-то въ родѣ перваго человѣка, сотвореннаго совершеннолѣтнимъ. По нѣмецки мнѣ бы хотѣлось сказать о Жуковскомъ: ein Urfreund. И батюшка, и матушка всегда были такіе веселые, когда приходили въ дѣтскую съ Жуковскимъ, а Жуковскій былъ такъ добръ, такъ ласковъ, шутливъ. Моя тетушка (сестра матери) Марья Андреевна Поликарпова, въ эти первые годы, помнится мнѣ красавицей, нарядною и гораздо важнѣе съ виду, нежели матушка *). Мужъ ея, еще лучше ея лицомъ, бывалъ часто, но не занимался мною, такъ что я помню, въ это время, только его красивую наружность.

Другое милое, доброе, любимое лицо моей дѣтской была Татьяна Васильевна Шлыкова, лучшій другъ матушки. Она была замѣчательная женщина, изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, бывшая танцовщица на его домашнемъ театрѣ. Ея образованіе состояло только въ

---

*) Издатель „Русскаго Архива“ съ живымъ чувствомъ сердечной признательности вспоминаетъ Марью Андреевну Поликарпову; въ ея Старицкомъ помѣстьи, селѣ Панафидинѣ, провелъ онъ вторую половину 1852 года и наслышался отъ нея многихъ разсказовъ про старину. Память ея уважена въ Тверскомъ краю. Сосредоточенность, чувство долга и собственнаго достоинства счастливо сочетались въ этой достойной женщинѣ съ дѣятельностью горячаго сердца. П. Б.

Русской грамотѣ и танцахъ; но природный умъ, врождебное достоинство и благородство души, теплота и нѣжность сердца и нашъ народный здравый смыслъ сдѣлали изъ нея неоцѣннаго, вѣрнаго и добраго друга, истинно-пріятную собесѣдницу, даже въ кругу такихъ взыскательныхъ людей, какъ батюшка, какъ Дашковъ, какъ Сѣверинъ. Жуковскій и Александръ Тургеневъ были ей короткими пріятелями, и до конца ея жизни батюшка любилъ видаться и разговаривать съ нею. Она оставалась всю жизнь въ семействѣ графа Шереметева, какъ лучшій другъ, какъ вторая мать графа, любима, почитаема тремя поколѣніями, и скончалась недавно въ ихъ домѣ, въ ихъ семействѣ, оплаканная всѣми. Въ ней видѣлся типъ того, къ чему можетъ и должна придти масса народа нашего, когда она проникнется здравымъ элементарнымъ образованіемъ и будетъ болѣе обезпечена въ средствахъ къ жизни, безъ крайности нынѣшняго изнурительнаго труда. Это, можетъ быть, мечта; но мнѣ кажется, что мечта осуществится, когда, съ умноженіемъ рукъ и машинъ, улучшится у насъ состояніе рабочаго класса, тогда какъ теперь женская работа въ нашемъ сельскомъ быту рѣшительно превышаетъ силы человѣческія и убиваетъ всѣ природныя способности ума и души.

Еще смутно помнится мнѣ женское лицо, не только оживленное, но лихорадочно-тревожное, съ быстрою мимикой жестовъ, съ пытливымъ взглядомъ, но безъ словъ. Это была нѣмая дѣвушка, тоже другъ матушки, Алена Ивановна Михельсонъ, дочь извѣстнаго генерала. Она вышла потомъ замужъ за барона Розена и умерла въ родахъ, когда мы были за границей; я помню только ея наружность. Она была одною изъ моихъ крестныхъ матерей; но другую, настоящую воспріемницу мою, графиню Каменскую, я знала только по большому портрету, который всегда висѣлъ въ моей дѣтской, и по отзывамъ родителей моихъ и всѣхъ домашнихъ, которые такъ любили и почитали ее, что она казалась мнѣ какимъ-то важно-милостивымъ, прекраснымъ и благодѣтельнымъ, но не совсѣмъ земнымъ существомъ. Такъ она и осталась для меня миѳомъ или отдаленнымъ историческимъ лицомъ; я никогда не видала ея.

Здѣсь кончаются мои легенды, здѣсь граница баснословныхъ временъ, миѳологіи, золотаго вѣка моего перваго дѣтства. Воспоминанія, болѣе вѣрныя, болѣе положительныя, хотя иногда менѣе глубокія, такъ сказать, менѣе яркія, заступаютъ мѣсто чудесныхъ видѣній и сновъ. Перехожу къ исторіи, къ сознательному отчету не въ томъ собственно, что̀ сама видѣла, но по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ неоднократно слышала отъ моихъ родителей и твердо заучила съ ранней молодости. Какъ тяжело и пусто мнѣ становится въ настоящемъ, когд бросишь взглядъ на этотъ длинный рядъ протекшихъ годовъ!

«Душа моя—элизіумъ тѣней», сказалъ нѣкогда Тютчевъ. И сколько, сколько ихъ возстаетъ около меня и роится въ моей памяти, пока пишу я эти строки въ полночный часъ, при однообразномъ стукѣ этихъ дѣдовскихъ часовъ, переживших столько поколѣній, стольких славныхъ, стольких сильныхъ, стольких доблестныхъ и прелестныхъ человѣческихъ лицъ! Тутъ и поэтическій образъ Александры Андреевны Воейковой: молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темно-русыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзненнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ временъ моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами *). И возлѣ нея, вѣрные ей до гроба и по смерти, друзья ея: Жуковскій, съ своимъ добродушнымъ и веселымъ смѣхомъ, съ своими шутками и балагурствомъ, столь не похожими на меланхолію его стиховъ, и Перовскій (Василій Алексѣевичъ), съ его красивою наружностью, густыми кудрявыми волосами и свѣтлыми смѣющимися глазами, играющій съ нами какъ будто самъ ребенокъ, и пугающій моего маленькаго брата своею шляпою моряка безъ султана, увѣряя, что онъ полицейскій и при первомъ капризѣ уведетъ его на съѣзжую. Умный и веселый, нѣжный и постоянный въ своихъ привязанностяхъ, онъ остался до конца вѣренъ всѣмъ, кого любилъ въ молодости. Но какъ измѣняется въ моихъ мысляхъ этотъ отрадный образъ изъ дней моего дѣтства, когда припоминаю послѣднее свиданіе съ нимъ въ Петергофѣ, въ 1857 году! Изнуренный, изсохшій весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящій дыханіе помощію креазота, съ выраженіемъ страданія и горя, раздирающимъ мнѣ душу: отъ прежняго Перовскаго нашего остались лишь густые вьющіеся волосы и нѣжное, неизмѣнно-вѣрное сердце!—Вотъ, на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ, слѣпой поэтъ Козловъ, на котораго смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почитаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостинную Александры Андреевны.

Тутъ и веселый кружокъ Арзамазскій. Красавецъ и баловень аристократическихъ собраній, остроумный, ловкій, веселый, съ при-

---

*) Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной,

сказалъ ей Баратинскій. Покойный графъ А. В. Адлербергъ, въ дѣтствѣ своемъ знавшій эту необыкновенную женщину († 1829), говаривалъ о ней не иначе какъ съ умиленіемъ. П. Б.

мѣсью самолюбія фата, но высоко-образованный, истинно-просвѣщенный Уваровъ; и съ сановитою южною красотою своею, съ прекрасными чертами смуглаго лица, высокаго роста и возвышенной души, любимый и цѣнимый по какому-то инстинкту даже нами, дѣтьми, Дашковъ, котораго, въ нашемъ наивномъ почитаніи и любви, мы прозвали *пальмовымъ деревомъ* (пальмою между людьми), какъ прозвали мы Сѣверина *подсолночникомъ* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру, и особенно за измѣну (какъ мы думали) Каподистріи и обратное движеніе къ восходившему солнцу министерства, Нессельроду. Вотъ и черные, какъ смоль, раскаленные, какъ угли, глаза Вигеля, котораго раздражительность и негодованіе на меня въ моемъ дѣтствѣ я узнала только по его запискамъ; помню же я его, какъ частаго посѣтителя, хорошаго пріятеля всѣхъ Арзамасцевъ и друга нашего дома, съ табакеркой въ рукахъ, которую онъ вертѣлъ, играя ею и особеннымъ манеромъ постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, *какъ будто клевалъ по ней пальцами*, какъ птица клюетъ клювомъ, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А тамъ широкое лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневнаго гостя, но мало занимавшагося дѣтьми, на котораго мы съ изумленіемъ глядѣли за обѣдомъ, когда онъ глоталъ все, что̀ находилось подъ рукою — и хлѣбъ съ солью, и бисквиты съ виномъ, и пирожки съ супомъ, и конфекты съ говядиной, и фрукты съ маіонезомъ, безъ всякаго разбора, безъ всякой послѣдовательности, какъ попадетъ, было бы съѣстное; а послѣ обѣда поставятъ предъ нимъ сухіе фрукты, пастилу и т. п., и онъ опять все ѣстъ, между прочимъ кедровые орѣхи цѣлою горстью за разъ, потомъ заснетъ на диванѣ, и спитъ, и даже храпитъ подъ шумъ разговора и веселаго смѣха друзей. Помню, какъ теперь, голубой, набивнаго бархата, диванъ и овальный столъ изъ желтаго тополя въ гостиной нашей, гдѣ сиживалъ онъ. Эта способность глотать все, что̀ ни попадетъ, и спать потомъ такъ сладко дѣлали его въ моихъ глазахъ какимъ-то boa constrictor безвредной породы или добрымъ огромъ, который однако дѣтей не ѣстъ, а не прочь даже подѣлиться съ ними конфектами. Мы его прозвали по Французски le gouffre, потому что этою пропастью или омутомъ мгновенно пожиралось все съѣстное.

А вотъ и Пушкинъ, съ своимъ веселымъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ растерзанный, измученный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души.

Вотъ умный, живой, по-русски добродушный англоманъ—Кривцовъ, съ механическою деревянною ногою, которая всегда возбуждала во мнѣ любопытство и удивленіе: такъ мало замѣтно было легкое прихрамываніе въ его походкѣ, благодаря искусному механизму этой ноги.

Вотъ красивое, нѣжное, почти женственное лицо Бутенева, съ кроткимъ и умнымъ выраженіемъ глазъ и при нѣсколько-застѣнчивомъ обращеніи; а съ нимъ его хорошенькая смуглая жена (урожденная Шевичъ), съ ея большими южными глазами, ласковыми и томными, съ непринужденностью откровеннаго и милаго обращенія, съ привѣтливою ласкою своею къ намъ, дѣтямъ.

Образъ Батюшкова неопредѣленно, туманно рисуется передо мною лишь однажды въ той же голубой гостинной; небольшаго росту, молодой, красивый человѣкъ, съ нѣжными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и съ страннымъ взглядомъ разбѣгающихся глазъ. Я проходила черезъ гостинную въ дѣтскую, и отецъ остановилъ меня у дверей, гдѣ онъ стоялъ съ Батюшковымъ, сказавъ ему: «Vous ne reconnaitrez pas la petite» *). Вѣроятно, онъ былъ долго въ отсутствіи, или насъ не было въ Петербургѣ. Въ слѣдующее лѣто, на дачѣ, помню, что стали говорить у насъ съ горестью, что онъ дѣлался такой странный, и стали бояться, не лишился бы онъ ума.

Вотъ, наконецъ, и душа всего отцовскаго круга, плѣнительный, почтенный образъ Карамзина, съ его статнымъ ростомъ, тонкими благородными чертами, плавною спокойною походкой и развѣвающимися на ходу жидкими сѣдыми волосами. Въ немъ рисуется предо мною понынѣ какая-то особенная гармонія въ выраженіи, въ голосѣ, въ движеніяхъ, во всей наружности; она поражала даже 12-лѣтнюю дѣвочку, не понимавшую въ немъ внутренней гармоніи всѣхъ мыслей и чувствъ его нравственной природы.

А тамъ, въ аллеяхъ Эмса, поэтическая тѣнь Каподистріи, съ глубокимъ проницающимъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ грустною рѣшимостью на высокомъ лбу, выраженіе котораго казалось еще рѣшительнѣе и грустнѣе отъ противоположности черныхъ густыхъ бровей съ сѣдиною волосъ.

Въ аллеяхъ Царскосельскаго сада вспоминаю другое историческое лицо — князя Кочубея, во всей привлекательности стариннаго тона, съ мягкимъ достоинствомъ или даже важностію высшаго круга Французскаго, съ привѣтливостью улыбки и пріема, съ его аристократическою красой, устоявшею противъ разрушительной силы

*) Вы не узнаете малютку.

времени лѣтъ. Такого же свойства была красота и князя Михаила Семеновича Воронцова; но въ немъ выражалось больше тонкости и меньше прямодушія, больше ума и меньше привлекательности. Въ Кочубеѣ сквозь Французскій лоскъ проглядывало Русское добродушіе *); Воронцовъ смотрѣлъ истымъ лордомъ, безъ всякой примѣси родной безпечности и laisser-aller.—Тутъ же вспоминается и сутуловатый, черноволосый, всегда раскраснѣвшійся, всегда кипѣвшій и горячившійся, но всегда честный и добрый Дибичъ — *генералъ-самоваръ*, какъ прозвали его солдаты. И тутъ же его счастливый соперникъ, товарищъ молодости батюшки, Паскевичъ, въ юности баловень природы и двора, въ зрѣлыхъ лѣтахъ баловень фортуны; красавецъ собой, талантливый предводитель, человѣкъ въ сущности добрый, горячо любившій отечество и славу, но испорченный блистательностью своихъ успѣховъ, жаловавшійся отцу моему на Дунаѣ въ 1811 году на свою злую судьбу, на несправедливость людей и рока, потому что въ 30 лѣтъ онъ не былъ еще главнокомандующимъ, и опять упрекавшій судьбу и свое злосчастіе, въ предсмертной своей болѣзни, восклицая: «Вы думаете, скиръ меня съѣдаетъ? Нѣтъ, заѣла меня Силистрія; она тутъ сидитъ, гложетъ меня!...» Въ этихъ словахъ слышатся и мученія физическія, и безсознательные упреки совѣсти человѣка-гражданина, горюющаго о Россіи и о военной славѣ ея и о своей!

И сколько, сколько еще тѣней, безвременно покинувшихъ землю, когда жизнь сулила такъ много радостей, когда такъ много обѣщали они сами внести въ нее и добраго, и славнаго, и полезнаго!

Вотъ Лермонтовъ, съ страннымъ смѣшеніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостинныхъ. Они скоро бы надоѣли ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зрѣлъ его высокій поэтическій даръ.—Вотъ Оскаръ Раденъ, веселостью и колкостью ума, основательностью образованія, настойчивостію трудолюбія, честностію и теплотою чувства, блескомъ дарованій и даже некрасивой наружностью столь похожій на своего послѣдняго начальника, отца

*) Это Русское добродушіе было въ немъ и въ самой блистательной его молодости, въ эпоху огромнаго вліянія его на дѣла, во время тріумвирата всесильныхъ друзей и совѣтниковъ Александра Павловича. Тетушка моя Марья Андреевна, еще ребенкомъ, ѣзжала съ своей матерью, княгиней Щербатовой, къ Безбородкѣ на его дачу, и ее съ другими дѣтьми качали на качеляхъ князь Кочубей, Чарторыжскій и Новосильцевъ. Кочубей въ особенности мастерски качалъ, такъ что дѣвочки радовались его появленію, когда онѣ играли въ саду.

моего, который видѣлъ въ немъ будущаго преемника и государственнаго человѣка.—Вотъ Павелъ Хрущовъ, соединявшій въ себѣ восторженность юности съ твердымъ терпѣніемъ позднихъ лѣтъ, спокойствіе зрѣлаго разума съ пылкостью души, порывающейся ко всему великому и прекрасному, даровитый, трудолюбивый, любившій Россію выше всего земнаго. Казалось, готовился въ немъ дѣятель для государства и народа; лицомъ и душою онъ напоминалъ Каподистрію и думалъ идти по одной съ нимъ дипломатической дорогѣ, но не дожилъ и до 25 лѣтъ!

Вотъ и еще благородный и умный, чистый и честный другъ будущаго царя — Іосифъ Віельгорскій, который тоже сошелъ въ могилу нетронутый нравственною заразой свѣтской среды. Она томила его молодую душу, и онъ убѣгалъ отъ нея въ тѣсный кругъ своей или самой царской семьи и въ учебную комнату, гдѣ слушалъ съ Великимъ Княземъ мирныя и правдивыя рѣчи и уроки, согрѣтые любящею душою и спокойнымъ духомъ Жуковскаго и честнымъ прямодушіемъ Мердера и Плетнева.

Вотъ и недавно исчезнувшій, благородный, честный, свѣтлый, хочется сказать, благочестивый кружокъ Московскій: Хомяковъ, съ его многостороннимъ образованіемъ, съ истиннымъ даромъ языковъ, съ изумительнымъ блескомъ и глубиной ума, съ добродушною, почти дѣтскою веселостью и свѣтлою возвышенностью души; Константинъ Аксаковъ, съ его цѣльною, непреклонною и вмѣстѣ нѣжною натурой, честностью и чистотою христіанина первыхъ вѣковъ; Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, съ задумчивымъ и пытливымъ взглядомъ, съ какою-то меланхоліей человѣка, живущаго въ отвлеченномъ созерцаніи духовнаго міра. Какъ-то свѣтла становится грусть воспоминанія о нихъ: такъ глубоко проникнуты были они христіанскими чувствами, христіанскою истиной, что и скорбь по нихъ возвышается далеко выше житейской печали, и надъ этими могилами самыя слезы безъ горечи. Останавливаешься надъ ними, какъ на мѣстѣ покоя на пути въ ту горнюю Галилею, гдѣ опередили они насъ и «варяютъ ны» съ самимъ Спасителемъ.

О, много, много ихъ, этихъ прекрасныхъ тѣней тѣснится тутъ передъ мысленными очами моими, и всѣхъ не пересчитать!...

А надъ всею этою толпой отшедшихъ высится величественное и трагическое лицо Императора, восшедшаго на престолъ среди волненій бури, и среди ломки и потрясеній бури сошедшаго въ могилу. Какъ ясно видится онъ мнѣ! Вотъ онъ во всемъ блескѣ величія и красоты, во всей силѣ молодости, со всею бодростію духа для совершенія великихъ начинаній, вѣнчанный герой моего юнаго воображенія,

покоритель невѣрныхъ, освободитель Сербовъ, возсоздатель Греціи! Потомъ... измученный, сокрушенный исполинскою войною со внѣшнею враждой и предательствомъ, съ внутреннею разоблаченною ложью, и наконецъ убитый горемъ, на смертномъ одрѣ, во всей красѣ конечнаго покоя и отдыха отъ невыносимой, разбившей сердце, сломившей всѣ силы душевныя и тѣлесныя, неровной борьбы, непредвидѣнной тогда, невполнѣ понятой и нынѣ.

Зимній дворецъ. Февраль 1867 года.

II.

О происхожденіи нашего рода выпишу то, что находится въ 1-мъ томѣ біографіи покойнаго отца моего *):

«По фамильнымъ преданіямъ Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея (во св. крещеніи Іоны) *Блудта*, бывшаго воеводою въ Кіевѣ, въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудтъ, впослѣдствіи, кровію своею омылъ преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ, Болеславомъ Храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владиміра. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудтовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Малороссіи, сражалась подъ Гедеминомъ противъ Татаръ и подъ Владиславомъ II-мъ Ягайловичемъ (королемъ Венгерскимъ и Польскимъ) противъ Турокъ, въ битвѣ подъ Варною, гдѣ Блудовы стяжали и гербъ свой, извѣстный подъ именемъ Топачь».

«Отсюда преданія переходятъ въ историческую генеалогію, основанную на документахъ. Вскорѣ по смерти Владислава, гоненіе на Русскіе дворянскіе роды, оставшіеся вѣрными православію, заставило Ѳеодора Блудта (или уже Блудова), со многими другими, покинуть Кіевъ; онъ перешелъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, съ согласія Казиміра IV-го и Александра Литовскаго, какъ упоминается въ трактатахъ великаго князя Василія Васильевича III. Блудовы основались въ своей Смоленской вотчинѣ, около Вязьмы, гдѣ и до сихъ поръ владѣютъ небольшимъ имѣніемъ. Внукъ Ѳеодора, Борисъ, былъ посломъ Іоанна Васильевича при Крымскомъ ханѣ Сайдетъ-Гиреѣ. Игнатій Блудовъ служилъ товарищемъ Андрея Курбскаго, ходилъ подъ Казань и въ Ливонію, бился съ Крымскими Татарами и съ войскомъ

*) Т. е. въ книгѣ Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время". Спб. 1866. П. Б.

Стефана Баторія подъ Смоленскомъ. Назарій Блудовъ, прозванный Беркутомъ, со своими Вязьмичами, изъ первыхъ отвѣчалъ на призывъ Троицкаго архимандрита Діонисія, выступивъ съ ополченіемъ къ лаврѣ».

«Съ тѣхъ поръ исторія не упоминаетъ о предкахъ нашихъ. Они сошли со сцены вмѣстѣ съ народными дѣятелями великой эпохи, и тихо жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣскольку лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти. Но преданія о борьбѣ, страданіяхъ и подвигахъ предковъ, для охраненія цѣлости Россіи и православной вѣры, хранились въ родѣ Блудовыхъ, переходя изъ поколѣнія къ поколѣніе».

Матушка моя была урожд. княжна Щербатова, и ея происхожденіе отъ князей Черниговскихъ съ малолѣтства пріучило насъ къ особенному почитанію святаго князя Михаила, замученнаго въ ордѣ за Христову вѣру, котораго мощи находятся въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Помню, съ какимъ особеннымъ чувствомъ относилась я къ исторіи первыхъ князей Русскихъ, какъ родственно я сочувствовала прабабкѣ своей св. Ольгѣ, Владиміру Равноапостольному, и особенно Святославу Ольговичу и Игорю Всеволодовичу и полку его; съ какимъ интересомъ я слѣдила за путаницей происшествій въ эпоху княжескихъ междоусобій, когда стала читать Русскую Исторію. Конечно, этимъ семейнымъ преданіямъ должно приписать то чутье, которое ребенку указывало на поэтическую сторону этой части исторіи Карамзина, столь мало цѣнимую вообще читателями. Сколько сладостныхъ слезъ пролила я надъ прелестнымъ эпизодомъ про подвиги и дружбу Святослава Ольговича и сына Юрія Долгорукаго, и какъ напоминалъ онъ мнѣ дружбу Давида и Іонаѳана въ Ветхомъ Завѣтѣ! Отъ матушки тоже часто слышали мы о необыкновенномъ происшествіи, случившемся съ ея дѣдомъ княземъ Николаемъ Петровичемъ Щербатовымъ и, какъ часто, стоя у кивота съ образами въ ея спальнѣ, я молилась одна или разсказывала моему другу, Катѣ Воейковой, про явленный образъ Казанской Божіей Матери, перешедшій къ намъ отъ этого прадѣда.

Въ родословной своей дѣдъ мой написалъ, между прочимъ о своемъ дѣдѣ такъ: «Князь Петръ Григорьевичъ въ 1671 году пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ стряпчіе; въ 1678 году Апрѣля 3-го числа царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ въ стольники; въ 1679 году былъ въ Кіевскомъ походѣ, для обороны города Кіева и другихъ Малороссійскихъ городовъ, въ Сѣвскѣ и Путивлѣ, въ полку боярина и воеводы князя Михаила Алексѣевича Черкасскаго съ товарищами; въ 1683, 1689 и 1690 годахъ былъ въ Троицкихъ походахъ съ государями (царями Іоанномъ и Петръ Алексѣев.) ради

бывшихъ тогда безпокойствъ въ Москвѣ... Скончался въ 1704 году». И такъ, князь Петръ Григорьевичъ Щербатовъ, стольникъ царскій, переживщій смутное время правленія царевны Софіи, скончался съ концомъ старыхъ порядковъ Россіи, и сынъ его, князь Николай Петровичъ, уже начинаетъ новую службу, по новому порядку вещей, которому онъ былъ душевно преданъ, и значится въ родословной: «По имянному Его Величества царя Петра Алексѣевича указу записанъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ, и тогожъ году (а число года пропущено), пожалованъ сержантомъ; тогожъ году пожалованъ прапорщикомъ и неотлучно, въ продолженіе всей Шведской войны, находился при Его Царскомъ Величествѣ, какъ на морѣ на галерахъ, такъ и на сухомъ пути; а въ 1711 году, за храбрые поступки, особеннымъ Его Величества указомъ, въ тотъ же Преображенскій полкъ пожалованъ поручикомъ. По кончинѣ же Петра Великаго, не желая болѣе служить въ гвардіи, выпущенъ въ преміеръ-маіоры въ драгунскій Роповъ полкъ, и того же году взялъ свою отставку».

Всей душою преданный великому человѣку, «кѣмъ наша двинулась земля», упоенный славою славнаго времени, ослѣпленный блескомъ этого новаго міра, открывавшагося передъ изумленнымъ взоромъ тогдашней молодежи, во всемъ обольстительномъ очарованіи науки, силы и гордости человѣческой, во всей распущенности нравовъ и во всемъ разгулѣ ума, прадѣдъ мой вполнѣ увлекся духомъ времени или, лучше сказать, духомъ своего полу-военнаго, полу-придворнаго кружка, и унесся, можетъ быть, далѣе другихъ въ открытую пучину вольнодумства, почти до отрицанія Всемогущаго Бога. Его портретъ остался у насъ. Лицо смуглое и черные, умные глаза, стриженные поевропейски волосы, бритая борода, небольшіе усы, костюмъ Нѣмецкій,— придаютъ ему какое-то сходство съ самимъ Петромъ I-мъ; но нѣтъ открытаго и отважнаго взгляда Петра. Тонкое, слегка насмѣшливое выраженіе веселыхъ, нѣсколько прищуренныхъ глазъ, и улыбка (далеко неидеальная) довольно грубаго рта, у человѣка, насладившагося своею молодостью безъ слишкомъ большой разборчивости и сдержанности, носятъ отпечатокъ скептицизма и страстности. А все-таки есть что-то привлекательное въ этомъ лицѣ:—это человѣкъ недюжинный, этотъ человѣкъ участвовалъ въ оргіяхъ Петра и въ пирушкахъ Ѳеофана Прокоповича; но этотъ человѣкъ находился тоже *неотлучно при Петрѣ во всю Шведскую войну, и на морѣ на галерахъ, и на сухомъ пути,* въ битвѣ подъ Полтавой; и по кончинѣ Петра *не пожелалъ болѣе служить*, оплакивая, въ страстномъ порывѣ горести, полководца и царя, которому поклонялся и котораго любилъ, какъ генія и героя. Въ какое время именно, не знаю,—въ правленіе ли Меншикова, или

Долгоруковыхъ, князь Николай Петровичъ жилъ спокойно въ отставкѣ въ своемъ семейномъ кругу (онъ былъ женатъ на Шереметевой), какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, его арестовали и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Онъ не имѣлъ ничего на совѣсти и не могъ понять, какую на него взвели клевету; ему, разумѣется, ничего не объявляли. Это впрочемъ было обыкновеніе того времени; но обыкновенными тоже вещами считались тогда пытка и казнь смертная, во всей разнообразности жестокаго воображенія и жестокихъ нравовъ тогдашнихъ. И вотъ, оторванный отъ жены и дѣтей, отъ удобствъ своего барскаго дома, князь Николай Петровичъ, безвинно обвиненный, томился въ безмолвномъ уединеніи каземата, въ безвѣстности равно о близкихъ своихъ и о недругахъ, погубившихъ его, и въ тревожномъ ожиданіи мученій и казни, но не искалъ утѣшенія въ забытой имъ, утраченой вѣрѣ, опираясь лишь на горделивое сознаніе своей юридической невинности. Долго, оставленный всѣми, безъ занятія, безъ книгъ, безъ сношеній съ людьми, упорно крѣпился онъ, какъ философъ и стоикъ, противъ случайностей жизни и противъ коварства человѣческаго, гордо вооружаясь безплоднымъ терпѣніемъ, безнадежнымъ презрѣніемъ къ ударамъ слѣпой фортуны—классической богини, вычитанной имъ въ виршахъ и прозѣ подражателей Эллинскихъ поэтовъ.

Время шло тяжело и медленно, и никакой перемѣны не приносило за собой въ положеніи мнимаго государственнаго преступника. Однажды, послѣ длиннаго, безконечнаго дня, проведеннаго въ размышленіяхъ и догадкахъ о вѣроятно роковой развязкѣ своей судьбы, князь заснулъ. Уже давно перестали являться ему, даже во снѣ, прежнія свѣтлыя картины и лица; уже давно самыя сновидѣнія его заключались въ тѣсной рамкѣ каземата; даже спящаго воображеніе уже не имѣло силы унести его изъ плѣна, возвести отъ тли. Такъ и на этотъ разъ, во снѣ князь Николай Петровичъ увидѣлъ себя къ своемъ тѣсномъ сыромъ, тюремномъ жильѣ; но мракъ темницы рѣдѣлъ, какъ рѣдѣетъ темь въ ночи, передъ разсвѣтомъ, гораздо прежде тѣмъ займется заря,—и душная атмосфера, какъ будто легкая струя воздуха, тянула сверху, и ему стало свободнѣе дышать. Смутное, тревожное предчувствіе охватило его, онъ ожидалъ чего-то или кого-то, и волненіе давно забытой надежды овладѣло имъ. Дверь отворилась безъ обычнаго скрыпа, безъ раздражающаго звука ключа и замковъ, и вмѣсто единственнаго посѣтителя его; очереднаго караульнаго, предсталъ предъ нимъ «нѣкій древній, благолѣпный мужъ». Лицо его сіяло такой чистой, жалостливой любовью; такой тихій свѣтъ и такая атмосфера покоя окружали его, что спящій не могъ себѣ дать отчета въ подробностяхъ

явленія, черты, одежда, все ускользало въ неопредѣленности, передъ свѣтозарнымъ выраженіемъ любви, кротости, жалости на этомъ лицѣ. Въ радостномъ изумленіи смотрѣлъ на него князь, и безмолвствовалъ; и вотъ послышался тихій, но сладко-внятный шепотъ: «Ты не спишь, князь Николай», сказалъ гармоническій голосъ; «ты не спишь, но очи твои держатся, и ты не видишь ни своего положенія, ни ожидающей тебя судьбы. Судьба твоя въ твоихъ рукахъ. Ты напрасно ищешь причины твоего заточенія въ злобѣ или проискахъ враговъ. Люди здѣсь слѣпое орудіе; твоя печаль не къ смерти, не къ смерти; а къ славѣ Божіей. Князь Николай, забылъ ты Бога! Обратись, прибѣгни къ молитвѣ! И Тотъ, Кто разрѣшалъ узы святыхъ Апостоловъ и отверзъ темницу ихъ, Тотъ выведетъ и тебя отсюда, и возвратитъ тебя твоей сѣтующей, молящейся семьѣ».—Князь проснулся, вскочилъ съ постели; все было темно, пусто и сыро въ казематѣ по прежнему. Не было слѣдовъ видѣнія, но что-то необычное зашевелилось въ его душѣ; смутныя воспоминанія дѣтства и сладкихъ минутъ довѣрчиваго умиленія, когда въ первое число мѣсяца служили дома всенощную, или когда освящали воду наканунѣ Крещенія Господня, или когда стоялъ онъ полусонный, но радостный подлѣ матери въ ихъ приходѣ со свѣчею и вербою въ рукѣ.... Прочь это ребячество подумалъ онъ. Неужели я такъ слабъ и опустился въ этой темнотѣ и скорби, что стану вѣрить снамъ и молиться на иконы святыхъ? А порадовалась бы этому малодушію моя бѣдная княгиня Анна Васильевна: она такъ часто уговаривала меня хоть «Отче Нашъ» прочесть съ нею, когда она усердно клала земные поклоны передъ кивотомъ своимъ, со всею набожностью своего Шереметевскаго рода.

Такъ отшучивался отъ впечатлѣній сна князь Николай Петровичъ; но эти впечатлѣнія его преслѣдовали весь день и, вспоминая неземную красоту явившагося ему старца, онъ невольно искалъ сходства съ знакомыми ликами, изображенными на иконахъ на стѣнахъ Московскихъ церквей. Однако гордость и упрямство взяли верхъ, и не прочелъ онъ ни одной молитвы, даже не сказалъ про себя со вздохомъ «Господи помилуй!»

Опять потянулись долгіе дни, и ничего не случилось, что̀ бы могло прервать однообразное томленіе тюремной жизни. Уже впечатлѣніе необыкновеннаго сна сглаживалось изъ памяти князя, вполнѣ возвратившагося къ своему безутѣшному стоицизму, какъ вдругъ опять повторился тотъ же сонъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ; только сіяющій ликъ старца какъ бы подернулся грустью, и онъ съ тихимъ упрекомъ выговорилъ князю за его невѣріе.

Князь Николай Петровичъ былъ потрясенъ. Такъ много времени прошло послѣ перваго сновидѣнія; воспоминаніе и даже впечатлѣніе этого сна такъ изгладились изъ его памяти, что явленіе нельзя было приписать его собственному воображенію. Неужели тутъ есть что-нибудь сверхъестественное? На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ озабоченъ, и мысль его была безпрестанно занята видѣніемъ; но покориться, смирить себя и свою гордость, заплакать и молиться онъ не хотѣлъ и упрямо крѣпился. Но онъ уже не зналъ душевнаго покоя, и черезъ нѣсколько ночей опять увидѣлъ чудный сонъ. Лучезарный старецъ предсталъ попрежнему предъ нимъ, но строгость лица его поразила князя. «Очи твои держатся и сердце окаменѣло, князь Николай», сказалъ онъ, «а время идетъ, срокъ близокъ: кайся и молись! Ты мнѣ не вѣришь, ты не вѣришь въ Пославшаго меня; повѣришь, можетъ быть, вещественному доказательству истины моихъ словъ. Когда поведутъ тебя на ежедневную прогулку въ равелинъ, идучи по корридору, взгляни на третью дверь отъ твоего каземата; надъ нею повѣшена икона. Попроси офицера снять ее и дать тебѣ, это образъ Казанской Божіей Матери. Возьми его, молись, проси заступленія Пречистой Дѣвы Богоматери. И опять говорю: вѣруй, проси, и просящему дастся; будешь освобожденъ и возвращенъ семейству, которое молится за тебя. Это мое послѣднее посѣщеніе; меня ты не увидишь болѣе. Въ твоихъ рукахъ твоя судьба; выбирай: позорная смерть, или свобода и долгая, мирная жизнь»!

Сновидѣніе исчезло, и съ пробужденіемъ закипѣли мысли и чувства у князя Николая Петровича. Невольно, неодолимо вливалась вѣра въ душу его; и какъ ни боролся съ самимъ собою, надежда и молитва воскресали въ его сердцѣ, хотя гордость не допускала еще словъ на его уста. День, другой, онъ шелъ по корридору, и только досчитывалъ до третьей двери, но крѣпился и не поднималъ глазъ вверхъ. Однако не утерпѣлъ, и одинъ разъ рѣшился посмотрѣть. Какой-то маленькій, темный четвероугольникъ точно чернѣлъ надъ дверью; но князь не погрѣшилъ противъ дисциплины: ничего не спросилъ у дежурнаго офицера; однако этотъ четвероугольникъ тянулъ и манилъ его къ себѣ ежедневно, а по ночамъ, догадки о томъ, точно-ли это изображеніе святое, и именно Божіей Матери, какъ было сказано ему во снѣ, мѣшали ему спать. Наконецъ онъ рѣшился попросить снять этотъ образъ и позволить ему взять его къ себѣ. Дежурный офицеръ позволилъ; и когда, оставшись одинъ въ своемъ казематѣ, онъ сталъ разбирать и чистить образокъ, вышло, что это точно изображеніе, называемое Казанской Божіей Матерью. И *это вещественное доказательство* истины словъ, слышанныхъ во снѣ, или, скажемъ лучше, святое

дѣйствіе благодати неистощимой любви Бога къ грѣшному человѣчеству, согрѣло сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Увѣровалъ онъ, какъ Ѳома, палъ ницъ, и со словами «Господь мой и Богъ мой!», полилась, изъ глубины пробужденной души его, горячая мольба и благодареніе; и миръ, и покой, и свѣтъ разлились въ упрямомъ, смущенномъ умѣ. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ приказъ возвратить его на волю; такъ же безъ всякихъ объясненій послѣдовало его освобожденіе, какъ прежде, послѣдовалъ его арестъ.

Князь Николай Петровичъ взялъ съ собою образъ, сдѣлалъ на него золотой окладъ, и передъ кивотомъ, куда поставилъ его, онъ читалъ съ своею княгиней «Отче нашъ» съ такою же вѣрою и усердіемъ какъ сама Анна Васильевна, дочь благочестиваго Шереметевскаго дома. И конечно, отецъ мой и мать съ неменьшей теплотою и чистотою вѣры молились передъ этой фамильной святыней, которою дѣдъ мой благословилъ свою любимую дочь, Анну Андреевну, мою мать.

Эта княгиня Анна Васильевна была дочь Василія Петровича Шереметева, роднаго брата фельдмаршала, перваго *графа* того имени. Князь Николай Петровичъ Щербатовъ не только былъ близокъ къ Шереметевымъ по родству, но и по образу мыслей и политическому направленію. Ни тотъ, ни другой не были приневолены Петромъ принять новые порядки: они сами, по доброй волѣ, по убѣжденію и увлеченію, совершенно принадлежали къ сторонникамъ Европейскаго просвѣщенія и всей душей предались завѣтнымъ мыслямъ Петра. Что они «смѣло сѣяли просвѣщеніе» и между женскими лицами своего семейства, доказываютъ Записки дочери фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой, писанныя такъ непринужденно, просто и хорошо, что дай Богъ и въ наши дни такимъ Русскимъ слогомъ писать. Къ этой привлекательной и достойной удивленія героини супружеской вѣрности и любви братъ ея графъ Петръ Борисовичъ относился нехорошо, можно сказать, жестоко. Когда Наталью Борисовну просватали, ему было только 17 лѣтъ; отказать всесильному временщику, который умѣлъ понравиться сестрѣ, не было никакаго повода, и даже было бы небезопасно. Но политическія страсти были въ полномъ разгарѣ, и члены Верховнаго Совѣта, равно какъ и самъ блистательный, высокомѣрный князь Долгоруковъ, были вообще ненавистны. Долгоруковы и Голицыны уже замышляли олигархію, а Шереметеву не полагали дать въ ней участія. Онъ слѣдовательно не былъ связанъ ничѣмъ, а самый планъ ихъ былъ въ высшей степени противенъ всему дворянству въ Россіи, какъ батюшка очень часто слыхалъ отъ старожиловъ въ дѣтствѣ. Смерть Петра II и паденіе Долгоруковыхъ еще умножило нерасположеніе Петра Борисовича противъ этого брака, и онъ упо-

требилъ всѣ усилія, чтобы удержать сестру и спасти ее отъ грозившаго несчастія. Но она страстно любила жениха и не хотѣла измѣнить данному слову въ минуту недоумѣнія, колебанія, когда не знали еще, какъ примется предполагаемый переворотъ. Это благородное упрямство, кажется, поссорило ее съ братомъ; она сама жалуется на своихъ родственниковъ въ своихъ Запискахъ, и я никогда о ней не слыхала въ дѣтствѣ, какъ о другихъ членахъ этого близкаго намъ семейства, и только въ послѣдствіи, когда уже выучилась читать, узнала трогательную повѣсть ея жизни и стала гордиться мыслью, что она была родственницей нашихъ предковъ. Замѣчательно, до какой степени были ненавистны большинству дворянства всякія попытки къ олигархіи, всякія аристократическія выходки въ Россіи; а между тѣмъ, онѣ-то именно и повторялись у насъ—боярами - перелѣтами, принявшими Польскія воззрѣнія во время избранія Михаила Өеодоровича, равно какъ и полуобразованными, гладко отшлифованными на Европейскій ладъ князьями верховными, мечтавшими о Шведскихъ порядкахъ при восшествіи Анны Іоанновны, и наконецъ не очень высоко образованными, но весьма благовоспитанными господами нашихъ дней, мечтающими объ Англійской Камерѣ Перовъ. Даже наши малообразованные и совсѣмъ необтесанные приверженцы молодой Россіи, поклонявшіеся Парижской коммунѣ (за двѣ недѣли до ея паденія), за ея требованіе, чтобы право голосованія оставалось въ рукахъ городовъ и лишило бы голоса этихъ грубыхъ, невѣжественныхъ крестьянъ, даже часто великіе реформаторы de l'Internationale мѣтятъ въ олигархію, *въ правленіе меньшинства*, аристократіи *интеллигенціи*, разума. Какъ хороша интеллигенція, увидѣли мы въ Парижѣ; какъ основателенъ разумъ, свидѣтельствуютъ посмертныя Записки Герцена, такъ забавно разоблачающія всю несостоятельность нашихъ эмигрантовъ. И на всѣ эти попытки большинство дворянъ отвѣчало противодѣйствіемъ; а народъ—упрямствомъ *твердаго бездѣйствія* или поучительной насмѣшкою, какъ случилось еще недавно, когда, обратясь къ работникамъ у какого-то строющагося дома въ Петербургѣ, одинъ изъ шумѣвшихъ на улицахъ студентовъ 1862 года сказалъ:—смотрите, насъ ведутъ въ крѣпость! и получилъ въ отвѣтъ: Туда вамъ и дорога!—Порою, приходилось и похуже нашей аристократіи, когда случится, народъ *опьянѣетъ*, такъ сказать, теряетъ свое отличительное Русское свойство—здравый разсудокъ. Такъ было при Стенькѣ Разинѣ, при Пугачевѣ, при Желѣзнякѣ. Вообще, масса дворянства и весь простой народъ понимали доселѣ, что всѣ эти предполаемыя нововведенія не идутъ къ нашему строю жизни, и что много государей (даже порядочныхъ) хуже одного даже дурнаго. Какъ будто столѣтія междо-

усобій и безпорядковъ и близкая гибель земли въ междуцарствіе оставили такіе глубокіе слѣды въ исторіи нашей, что безсознательно проникнутъ ими весь Русскій людъ и ставитъ единство власти также высоко, какъ единство земли. Дай Богъ, чтобы умѣли *осмыслить* въ насъ эти убѣжденія наши учители и правители, и дали Россіи терпѣливо дойти до того новаго строя политической жизни, до котораго не могутъ достигнуть чужіе народы ни кровію своею, ни своею цивилизацiей; и въ его же основу ляжетъ та вѣра, коей главное ученіе состоитъ въ божественныхъ словахъ: «Любите другъ друга!» Но для такого воспитанія Россіи нужно было-бы новое министерство, которое д'Ацеліо такъ мѣтко называетъ: Ministerio dell'esempio, «министерство хорошаго примѣра»; а возможно ли составить хоть департаментъ такой при министерствѣ просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ? Увы, тяжелый грѣхъ беремъ на себя мы, всѣ и каждый, считающіе себя честными людьми и подающіе такой бѣдственный примѣръ нашей распущенностью, лѣнью, непостоянствомъ и легкомысліемъ!

Господи! На какіе примѣры успѣла наглядѣться Россія и съ нею прадѣдъ мой, дожившій до временъ Елисаветы. Послѣ величія, часто запятнаннаго кровію и развратомъ, но все-таки истиннаго величія Петра,—пустой развратъ Екатерины I, грабежъ Меншикова, однако хоть нѣкоторые отблески прошлаго царствованія, хоть нѣкоторая послѣдовательность въ политическомъ направленіи, и исполненіе хоть однаго изъ плановъ Петра основаніемъ Академіи Наукъ. Потомъ, за кратковременнымъ царствованіемъ Петра II, придворные перевороты, убивающіе всѣ надежды благоразумныхъ послѣдователей Петра Великаго, и наконецъ, сплошная грязь и кровь Бироновщины! Ужъ это было самое тяжкое испытаніе для тѣхъ, которые предпочитали одного государя многочисленной олигархіи. Въ это тяжелое время, князь Николай Петровичъ Щербатовъ, бывшій вторично на службѣ комендантомъ Кронштадта и вышедшій опять изъ службы, оставилъ навсегда Петербургъ. Жизнь въ новомъ городѣ Петра, при основаніи котораго онъ находился, на возрастаніи котораго такія возлагалъ надежды и предавался такимъ золотымъ мечтамъ славы и добра, жизнь въ этомъ разцвѣтающемъ городѣ сдѣлалась ему невыносимою. Онъ воротился на жительство въ Москву. Фельдмаршала графа Шереметева уже давно не было въ живыхъ; сынъ его жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, въ домѣ на Дворцовой набережной (купленномъ потомъ въ удѣлъ, теперь же перестроенномъ для дворца великаго князя Михаила Николаевича). Нынѣшній домъ Шереметева, со своимъ большимъ дворомъ и садомъ, былъ тогда загороднымъ домомъ. Фонтанка и находящіеся за нею кварталы тогда были внѣ черты города и счи-

тались дачами. Въ послѣдствіи, дѣдъ мой купилъ у Апраксина домъ въ Семеновскомъ полку (нынѣ купца Масленикова), который также считался загороднымъ; тамъ жилъ Апраксинъ, когда былъ сосланъ, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, и туда всѣ его друзья и родственники съѣзжались, чтобы веселиться и пировать съ нимъ. Ссылка не всегда бывала въ Березовъ. Впрочемъ я не увѣрена, что онъ здѣсь именно жилъ и съѣзжались къ нему, или въ другомъ его домѣ за нѣсколько верстъ у «Четырехъ Рукъ». Только знаю, что дѣдъ купилъ домъ у Апраксина, а при императорѣ Павлѣ домъ этотъ уже вошелъ въ черту города.

Но возвращаюсь къ графу Петру Борисовичу Шереметеву. Графъ Петръ Борисовичъ былъ вообще добрый человѣкъ, нѣжный и родственникъ, какъ онъ доказалъ моему дѣду. Князь Н. П. Щербатовъ переѣхалъ уже на жительство въ Москву, когда ему пришло время отдать на службу сына своего, моего дѣда, князя Андрея, и отправить 16-ти лѣтняго мальчика въ Петербургъ. Это было въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы. Его отправили прямо къ двоюродному брату уже скончавшейся матери и, живя въ его домѣ, онъ скоро привязался къ нему и къ его женѣ, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, самой нѣжной привязанностію. Они его полюбили, какъ своего сына, особенно Варвара Алексѣевна. Она была очень хороша собой, если судить по ея портретамъ, была умна, распорядительна и принесла за собою огромную часть огромнаго нынѣ Шереметевскаго имѣнія. Кажется, Останкино, съ его старой красивой церковью, принесено ею же въ приданое. Она тоже принадлежала къ дому одного изъ приверженцевъ Петровскихъ реформъ и держалась нововведеній; но въ то время это направленіе не мѣшало сохранять благочестивые обычаи и православныя вѣрованія и преданія, и даже многія уродливыя привычки старины, такъ напр.: когда она съ мужемъ ѣздила въ Москву, въ одной каретѣ съ нею ѣхала дура, а съ графомъ шутъ. Эти путешествія требовали большихъ приготовленій, и дѣдъ мой записывалъ для нея всѣ распоряженія. Что-то среднее между маршрутомъ и церемоніаломъ одного путешествія долго хранилось въ бумагахъ у матушки, пока не украли у насъ шкатулки съ фамильными бумагами (воображая вѣроятно, что въ ней были деньги или драгоцѣнности). Въ то время, конечно, поѣздка въ 700 верстъ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой выходила настоящимъ путешествіемъ, и даже затруднительнымъ и тяжелымъ. За то люди богатые и знатные, какъ Шереметевы, ѣхали цѣлымъ караваномъ. Впередъ отправлялся поваръ съ цѣлой походной кухней и провизіей; съ нимъ отправлялся дворецкій съ винами, столовымъ бѣльемъ и серебромъ. Еще раньше отправлялся обойщикъ съ коврами, занавѣсками, посте-

лями и бѣльемъ. Въ городахъ доставали квартиру для ночлега или у знакомыхъ, или у зажиточныхъ купцовъ, какъ и теперь люди *съ протекціей* (дружеской или служебной) принуждены дѣлать въ глуби Россіи. Въ деревняхъ выбирали почище избу и отдѣлывали коврами и занавѣсами до приличнаго и опрятнаго вида. Потомъ уже отправлялись господа съ шутами и карлицами, съ дѣтьми и няньками, гувернерами и гувернантками, и ѣхали такъ дней 7 или 8 до Москвы. Не знаю, часто ли повторялись у Шереметева эти путешествія; но дѣдъ мой, во всякомъ случаѣ, не могъ часто сопровождать своихъ родственниковъ, потому что былъ на службѣ, а именно въ Измайловскомъ полку. У Шереметевыхъ тогда еще не было сыновей, а черезъ полтора года послѣ его переселенія къ нимъ, родилась у нихъ дочь Анна Петровна, которую князь Андрей полюбилъ съ ея рожденія, какъ дочь, какъ сестру, какъ друга, и которая была для него главнымъ предметомъ заботы сердечной, радости и любви до самой ея смерти. Былъ ли онъ влюбленъ въ нее? Такой ли любовію она ему отвѣчала? Если и было такъ, что они сами не подозрѣвали этого. 18-тью годами старше ея, онъ вѣроятно все еще видѣлъ въ ней ребенка, котораго онъ лелѣялъ и няньчилъ почти съ ея рожденія; она въ немъ видѣла и друга, и пестуна; да въ то время ихъ родство считалось слишкомъ близкимъ, чтобы помышлять о бракѣ, и также мало приходило въ голову влюбиться въ двоюродную сестру или племянницу, какъ въ сестру родную. Можно судить разно объ этомъ предразсудкѣ, но конечно имъ упрочивались и размѣрялись родственныя связи семей, и такъ какъ мы еще далеко не дожили до христіанской любви между всѣми людьми, всѣхъ странъ міра, о которой толкуютъ космополиты: то было не дурно поддержать этотъ обширный кругъ родства, равно какъ и болѣе обширный кругъ единства народнаго, которое тоже презираютъ люди, находящіе все это слишкомъ узкимъ для нихъ, хотя большею частію они любятъ и поклоняются всему человѣчеству, представляемому въ себѣ самихъ только, со всею гордостью своего колоссальнаго и благовиднаго эгоизма. Но дѣдушка и Анна Петровна любили другъ друга просто, крѣпко и неизмѣнно, какъ братъ и сестра, и ея портреты въ разныхъ возрастахъ и въ разныхъ нарядахъ остались у меня до сихъ поръ свидѣтельствомъ ихъ дружбы. Къ сожалѣнію, переписка ихъ, очень большая, потеряна тоже въ украденой шкатулкѣ. Я въ дѣтствѣ слышала объ Аннѣ Петровнѣ, какъ объ очаровательной женщинѣ; но по портретамъ нельзя судить объ этомъ: на нихъ у нея хорошіе, хотя небольшіе, черные глаза, смуглое, оживленное лице и маленькія, тонкія, красивыя руки; но черты не хороши. На гробницѣ ея, въ Лазаревской церкви Невской Лавры,

надпись гласитъ: «была фрейлиной премудрой монархини, но была не долго». Къ ней сватался богатый и знатный, отчасти можно сказать и знаменитый, графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Это была совершенно приличная партія для богатой и знатной невѣсты; родители ее благословили и помолвили. Дѣдушка, какъ старшій братъ, одобрилъ и поддержалъ выборъ. Всѣ были довольны, кромѣ одной женщины, мнѣ неизвѣстной, которую графъ Панинъ покинулъ для Анны Петровны. Это было въ то самое время, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь—оспа и когда императрица выписывала изъ-за границы вновь открытое предупреждающее средство—вакцину. Болѣзнь эта поражала ужасомъ, многихъ уложила въ гробъ, но еще больше людей изуродовала, и, разумѣется, молодыя женщины особливо опасались ея. Графъ Панинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ привоза вакцины, торопилъ, выписывалъ и уговорилъ невѣсту при первой возможности привить ее себѣ. Это составляло ежедневный разговоръ, толки, заботы; все это было извѣстно и той несчастной, которая возненавидѣла невинную, не знавшую даже о ея существованіи, Анну Петровну. Тогда была мода для молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ высшаго круга нюхать табакъ, будто потому, что было здорово для глазъ, а въ сущности вѣроятно ради прекрасныхъ и миніатюрныхъ табакерокъ (которыхъ нѣсколько осталось и у насъ, послѣ матушки). Графу Панину вздумалось подарить невѣстѣ такую драгоцѣнную игрушку съ какимъ-то особенно хорошимъ табакомъ. Не знаю, какимъ образомъ удалось ея соперницѣ исполнить злую мысль: она нашла средство достать оспенной матеріи самой злокачественной отъ одного больнаго, и впустила ее въ табакерку. Можетъ быть, въ своей ревности, она думала только изуродовать соперницу, въ надеждѣ, что съ потерей красоты она потеряетъ и любовь жениха; но бѣдная Анна Петровна, вдохнувъ этотъ ядъ, заразилась самой ужасной оспой и расплатилась жизнью. Для дѣда моего это былъ ужасный ударъ. Съ нею онъ лишился лучшихъ радостей жизни и, кромѣ горести утраты, мучила его мысль, что эта чистая, высокая, благородная душа сдѣлалась жертвою низкой зависти гнуснаго разсчета продажной красавицы и недостойной темной соперницы. Бѣдная Анна Петровна и не думала ей вредить; она и не знала, что кому-нибудь помѣшала, принявъ, по желанію родителей и по приличію свѣтскому, предложеніе Панина. Такъ ли она должна была кончить на 24-мъ году свою мирную и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательную жизнь? Есть утраты сердечныя, тяжелыя, есть утраты жгучія, жестокія, есть утраты незамѣнимыя; но въ жизни каждаго человѣка, между многими и многими утратами, есть одна, которая перемѣняетъ всего человѣка, которая отрываетъ у него часть сердца;

притупляетъ умъ, отнимаетъ всю упругость молодости, всю вѣру въ счастіе, отъ которой не справиться никогда: это есть утрата не самаго близкаго человѣка, не самаго любимаго, но человѣка самаго *нужнаго* душѣ. И отчего онъ такъ нуженъ? Отъ обстоятельствъ-ли? Отъ вліянія? Отъ сходства-ли, отъ противуположности-ль характеровъ? Трудно сказать, и себѣ самому не дашь отвѣта. Знаешь только, что будто что-то оборвалось въ сердцѣ, и на этомъ мѣстѣ всегда останется пустота; оно и свято, и больно, и становится страшно туда заглянуть, и уже никогда не найдти тамъ душевнаго клада, которымъ такъ богата была жизнь! До тѣхъ поръ часто разставался дѣдушка съ Анною Петровной: онъ былъ нѣсколько разъ посыланъ курьеромъ въ армію, и въ Парижѣ былъ при блистательномъ и распутномъ дворѣ Людовика XV, и любовался Маріей Антуанетой, Madame Élisabeth и принцессой Ламбаль, во всей прелести ихъ юной красоты, и увлекался съ ними безпечною ихъ веселостью, не предвидя ужаснаго исхода всего этого блеска и всѣхъ добрыхъ намѣреній честнаго, добродѣтельнаго и великодушнаго Людовика XVI-го. Но среди грома войны и среди блистательныхъ Версальскихъ праздниковъ, мысль его отрадно покоилась на воспоминаніи лучшихъ радостей семейныхъ, и тянуло его домой, къ этой сочувственной душѣ, которая и вблизи и вдали дѣлила радости его и горе, и боялась, и молилась, и торжествовала съ нимъ и за него. Гдѣ бы онъ ни находился, переписка частая и откровенная, хоть немного, замѣняла дорогую привычку искренняго обмѣна мыслей и чувствъ. А теперь—гдѣ найти эту ребяческую веселость и довѣріе, эту дѣтскую и дружескую вѣру и любовь, съ которыми она обращалась къ нему за совѣтомъ и участіемъ, и въ свою очередь поддерживала, и одобряла, и безсознательно наставляла его на жизненномъ пути, этимъ кроткимъ, тайнымъ, можно сказать, таинственнымъ вліяніемъ женскаго такта и любви? Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, намекая на собственную жизнь, сказалъ мнѣ однажды: «Еслибъ женщины знали, какое вліяніе къ добру или ко злу имѣетъ непремѣнно какая-нибудь женщина въ жизни каждаго мужчины, онѣ бы не жаловались на ничтожность своего положенія и были бы менѣе опрометчивы въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ».

Дѣдъ мой, кн. Андрей Николаевичъ испыталъ это вліяніе къ добру и къ возвышенію и очищенію души его, во всю жизнь своей кузины, а послѣ ея смерти еще крѣпче прежняго привязался къ ея матери, Варварѣ Алексѣевнѣ, которая уже давно замѣняла ему родную мать. Не знаю, прежде ли смерти Анны Петровны, или въ горестное время послѣ ея потери, но князь Андрей Николаевичъ сталъ играть и проигрывать значительныя суммы, разстраивая имѣніе, наслѣдован-

ное послѣ отца своего, умершаго въ 1758 году. Графъ и графиня Шереметевы хотѣли вознаградить потерю и подарить ему имѣніе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, выгодное по близости къ столицѣ; но дѣдъ мой и слышать не хотѣлъ о какомъ либо даже ничтожномъ ущербѣ ихъ сыну, и рѣшительно и неуклонно отказался, не смотря на настойчивыя предложенія Варвары Алексѣевны и на повтореніе этого предложенія впослѣдствіи ихъ сыномъ, Николаемъ Петровичемъ. Истинная сыновняя любовь князя Андрея Николаевича къ богатымъ родственникамъ доходила до всякаго самопожертвованія, но не до матеріальной выгоды. Дѣдъ мой, равно какъ матушка и отецъ мой и его мать, были очень щекотливы на счетъ денегъ, и не разъ подвергались шуткамъ, если не насмѣшкамъ, получая названіе Кузьмы и Демьяна Безсребренниковъ. Отчасти, можетъ быть, князю Андрею Николаевичу не хотѣлось воспользоваться предложеніемъ дяди и потому, чтобы не казалось, что онъ ихъ располагаетъ къ себѣ въ ущербъ своему брату, князю Павлу Николаевичу. Объ этомъ братѣ я ничего не слыхала ни отъ кого, но за то много слышала о его семействѣ.

Одна дочь князя Павла Николаевича, княжна Елисавета Павловна, красавица собой, была изъ первыхъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, когда только что было основано это училище Екатериною II. По выходѣ изъ Смольнаго, она жила у моего дѣда и особенно любила мою мать, которая тогда была еще дѣвочкой и которою она занималась, какъ маленькою сестрой. За то у насъ въ семействѣ сохранилась особенная любовь къ ней и какое-то нѣжное почтеніе. Я хорошо помню ее въ ея старости: тонкія, благородныя черты, сѣдые волосы, мягкіе и волнистые въ своей сѣдинѣ, не покрытые никакимъ чепцомъ (не знаю почему), большіе, ласковые, кроткіе глаза, каріе съ свѣтлыми, золотистыми точками или искрами въ нихъ, какъ бываетъ въ глазахъ карихъ, но не черныхъ (не умѣю хорошо выразить). На ней всегда были темный тафтяной капотъ (douillette) и большая, теплая шаль, приколотая булавкой; подлѣ нея стоялъ круглый столикъ, на немъ серебряный колокольчикъ съ черной ручкой Такъ сидѣла она всегда миловидная, граціозная, привѣтливая, но неподвижная: ея исхудалыя руки были изуродованы ревматизмами, отъ которыхъ она совсѣмъ потеряла движеніе ногъ. До этого состоянія паралича довела ее походная жизнь въ сырыхъ квартирахъ и палаткахъ, въ которыхъ ей приходилось перебиваться внутри Россіи, въ Молдавіи и на Кавказѣ, слѣдуя всюду за любимымъ мужемъ, гдѣ только по военнымъ правиламъ дозволялось женщинамъ находиться. Она была замужемъ за Александромъ Васильевичемъ Поликарповымъ, хорошимъ генераломъ, побывавшимъ во всѣхъ походахъ въ Турціи,

командовавшимъ отрядомъ на Кавказѣ, и бывшимъ потомъ губернаторомъ въ Твери, гдѣ у него было значительное имѣніе, въ которомъ они любили жить лѣтомъ и въ которомъ Елисавета Павловна отстроилась послѣ смерти мужа.

Она была изъ старушекъ высокаго круга первая, которую я узнала. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись, и мнѣ кажется, что ихъ мѣсто остается пусто. Въ наше же поколѣніе слишкомъ часто случалось видѣть, какъ старухи сидятъ въ одиночествѣ, съ трудомъ добиваясь партнера дóма, посѣщаемыя только на полчаса, много на часъ времени, черезъ день или два, своими дочерьми, внучками или невѣстками, пріѣзжающими поочереди и тяжело воздыхающими отъ такого подвига, когда возвращаются отъ этихъ скучныхъ старухъ или стариковъ. У насъ (да и вообще въ то время) не было такъ. Сынъ Елисаветы Павловны съ женою жилъ у нея, тоже незамужняя дочь; а моя мать и отецъ, считая ее старшею въ семьѣ, не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать у нея, большею частію проводили у ней вечера, въ какой-то vie de château, одни за партіей картъ, другія за работой; а отецъ моей былъ ихъ чтецомъ, и неисчислимое множество романовъ въ переводѣ на Французскій языкъ miss Radclife, miss Burney, Валтеръ-Скотта прочелъ онъ имъ. Мы, бывало, слышимъ оживленную бесѣду объ этихъ чтеніяхъ, критику или похвалу, разсказы и анекдоты; но ни одной мнѣ не помнится жалобы на скуку или *обузу* этого безсмѣннаго дежурства у старой родственницы. Иногда мы слыхали о болѣе многочисленныхъ вечеринкахъ у нея; а на святкахъ къ ней или отъ нея отправлялись матушка моя, тетушка Марья Андреевна (невѣстка Елисаветы Павловны) и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, иногда и съ батюшкой, подъ маскою, цѣлою толпой, *на огонекъ*, въ дома знакомыхъ, или по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ людей, но къ которымъ не были вьѣзжи. И такъ *интриговали* подъ маской, танцовали подъ музыку клавикордъ, забавляли другихъ и себя, и уѣзжали, не открывая своихъ лицъ, ни именъ, въ наемныхъ каретахъ, кучера которыхъ сами не знали кого возили, такъ что секретъ соблюдался. А иногда и не по одному разу пріѣзжали въ домъ въ продолженіе святокъ; и много было шутокъ, смѣху, догадокъ и строгой тайны и невинныхъ обмановъ и живой, молодой веселости въ этихъ продѣлкахъ. Говорили ѣхать *на огонекъ*, потому что въ тѣхъ домахъ хорошаго общества, въ которыхъ хотѣли принимать незнакомыхъ масокъ, ставили свѣчи въ окнахъ (какъ теперь дѣлается взамѣнъ иллюминаціи), и это служило сигналомъ или приглашеніемъ для молодежи, разъѣзжавшей цѣлыми обществами подъ маской. Разумѣется, не проходило безъ сердечныхъ приключеній: иногда молодой человѣкъ, не имѣвшій возмож-

ности быть представленнымъ въ домъ, т.-е. въ семейство дѣвушки, которую онъ любилъ, могъ пріѣхать подъ маской, видѣть ея обстановку, семейную жизнь, комнаты, гдѣ она жила, пяльцы, въ которыхъ она вышивала, клѣтку ея канарейки; все это казалось такъ мило, такъ близко къ сердцу, такъ много давало счастія влюбленному того времени, а разговоръ могъ быть гораздо свободнѣе, и многое высказывалось и угадывалось среди хохота и шутокъ маскированныхъ гостей, подъ обаяніемъ тайной тревоги, недоумѣнія, таинственности и любопытства. Все это кажется смѣшно, вяло и глуповато въ наше время, но шуточное повтореніе фразы: «C'est ici que rose respire» имѣло тогда болѣе глубокое значеніе для искренняго и чистаго сердца молодаго человѣка, нежели даже сознавалось. Я еще была ребенкомъ въ то время и не принадлежу къ этому поколѣнію; но мнѣ кажется, право, qu'ils etaient dans le vrai *), и что эта наивность есть наивность полевыхъ цвѣтовъ, фіалокъ, ландышей и васильковъ въ сравненіи съ пышной красотой и опьяняющимъ запахомъ датуры-фастуозы или Японской лиліи. У насъ меньше простоты и больше наглости, какъ кажется мнѣ; не знаю, кто въ выигрышѣ. Но возвращаюсь къ Елисаветѣ Павловнѣ Поликарповой. Она еще была въ дѣвушкахъ, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, похоронивъ молодую жену въ Швейцаріи, возвратился ко двору въ Петербургъ. Его романъ такъ извѣстенъ, что не знаю нужно ли его повторять. Въ самое время его всемогущества при Екатеринѣ II, онъ влюбился въ свою двоюродную сестру Зиновьеву. Съ своеволіемъ, характеризующемъ Орловыхъ и вообще то время, съ привычкою видѣть одно только повиновеніе и даже подобострастіе, всесильный князь Орловъ вдругъ очутился передъ препятствіемъ почти непреодолимымъ, и, можетъ быть, это именно и побудило его непремѣнно жениться на двоюродной сестрѣ, проступокъ неслыханный въ то время; а могущество его должно было исчезнуть съ признаніемъ своей новой страсти передъ Императрицей. Оскорбленная въ своемъ самолюбіи, но врядъ ли въ сердечномъ чувствѣ, Екатерина согласилась на его удаленіе, и онъ уѣхалъ съ Зиновьевой въ Швейцарію; тамъ, кажется, или на дорогѣ, они обвѣнчались. Матушка еще пѣвала пѣсню или романсъ, написанный Зиновьевой въ то время. Онъ начинался такъ:

Желанья наши совершились,
И всѣ напасти ужь прошли.
Со тобой мы въ вѣкъ соединились.
Счастливы дни теперь пришли.

*) Они были правы.

Любимъ ты мной, и я тобой!
Чего еще душа желаетъ?
Чтобъ ты всегда мнѣ вѣренъ былъ,
Чтобъ ты жену не разлюбилъ.
Мнѣ всякій край съ тобою рай! [1])

Послѣ перваго порыва страсти, пѣсня переходитъ въ страхъ за будущее, въ опасеніе, что ей измѣнитъ, что ее разлюбитъ мужъ. Предчувствіе не обмануло ея: для Орлова любовь была лишь прихотью. Скоро честолюбіе пробудилось опять, жажда власти, наслажденій гордости и самолюбія завладѣли имъ: онъ сталъ упрекать жену, удаляться отъ нея. Но для нея любовь его была всей жизнью, она не вынесла его перемѣны, зачахла и умерла, какъ Англичане говорятъ, отъ разбитаго сердца (broken hearted). Орловъ поспѣшилъ назадъ; но хотя его сердце могло спокойно совершить двойную измѣну, разумъ его не устоялъ противъ страданій гордости. Прежняго положенія онъ, разумѣется, не могъ воротить, и это-то горе было невыносимо для высокомѣрнаго временщика: онъ помѣшался, но такъ какъ его помѣшательство было безвредно, то его оставляли на свободѣ. Онъ по старому знакомству былъ съ визитомъ у дѣда моего; а у насъ ужъ такое *родовое* преданіе и обычай, что бывшему сильному человѣку, въ дни его паденія и опалы, всегда оказывать вдвое больше почету и привѣту, нежели въ дни его могущества. Это въ своемъ родѣ гордость, можетъ быть, но она ведетъ свое начало отъ благороднаго чувства. Ламенѐ гдѣ-то написалъ. «Tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent, sont mes enfants» [2]). Прекрасное выраженіе нѣжнаго христіанскаго чувства. Въ отношеніяхъ общественныхъ и политическихъ, нѣжности нечего искать и требовать; а чувство общаго человѣческаго достоинства не выражается ли такъ: счастливому государственному человѣку должный почетъ, а падшему—радушіе, почитаніе и предупредительность. Это антитезисъ древняго изреченія vae victis [3]) и подобаетъ обществу новѣйшему, которое, со всѣми своими пороками, все-таки основано на христіанствѣ, хотя, увы! забываетъ свое происхожденіе, или отъ него отрекается. Вотъ дѣдъ мой и счелъ долгомъ принять князя Орлова радушно; а Орловъ,

---

[1]) Эти рифмованные куплеты, которые нельзя назвать стихами, были однако въ модѣ въ свое время, по той же поговоркѣ, что ce qui est trop mauvais pour dire, se chante (что слишкомъ плохо для того, чтобы произносить, то поется), или потому, что они все-таки выражаютъ отдѣльную страсть, какъ пѣсенка, прославленная Мольеромъ.

[2]) Всѣ люди мнѣ братья, но плачущіе—мнѣ дѣти.

[3]) Горе побѣжденнымъ.

увидѣвъ красавицу-племянницу, сталъ посѣщать домъ Щербатовыхъ ежедневно, наконецъ нѣсколько разъ въ день, и сталъ ухаживать за Елисаветой Павловной и свататься къ ней. Но тутъ уже была граница великодушію и христіанской снисходительности. Выдать ужаснувшуюся племянницу за сумасшедшаго милліонера было не въ характерѣ и не въ преданіяхъ нашей семьи, и князь Андрей Николаевичъ былъ принужденъ отказать Орлову не только отъ брака, но послѣ и отъ дома. Елисавета Павловна всегда вспоминала съ ужасомъ о страхѣ, который наводила на нее любовь этого страстнаго, своевольнаго, неистоваго безумца-фаворита. Если судить по разсказамъ близкихъ людей, что-то въ родѣ страха чувствовала и безстрашная Екатерина во время его силы. Она даже писала къ Понятовскому, когда онъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ послѣ ея восшествія на престолъ: «ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas» *). Впрочемъ, такъ какъ она сама не желала возвращенія прежнихъ отношеній къ Понятовскому, то можетъ быть своенравіе Орлова служило лишь предлогомъ. Какъ бы ни было, княжна Елисавета Павловна Щербатова избавилась отъ своего сумасшедшаго жениха.

Но былъ другой искатель ея руки, которому она не отказала и къ которому сохранила во всю жизнь самую нѣжную, самую страстную любовь. Это былъ Александръ Васильевичъ Поликарповъ, о которомъ я уже говорила. Красавецъ собой, храбрый и любезный въ своей молодости, онъ въ послѣдствіи заслужилъ себѣ одинаково любовь и почтеніе за свою справедливость и безпристрастіе, какъ сенаторъ. Изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, утомленный походами и лагерною жизнью, которые стоили ему здоровья жены. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тверь. Ну тутъ ему не посчастливилось, вслѣдствіе такого же фамильнаго воззрѣнія на вещи, какъ и у насъ въ семьѣ. По восшествіи на престолъ Павла Петровича, друзья и временщики Екатерины, какъ извѣстно, были удалены не только отъ двора, но даже изъ столицы. Между ними была и княгиня Дашкова. Ей надобно было проѣхать черезъ Тверь. Поликарповъ рѣшилъ, что приметъ ее съ тѣмъ же почетомъ, какъ принялъ бы при Екатеринѣ. Онъ былъ отставленъ отъ мѣста, только при Александрѣ опять вызванъ на службу и назначенъ сенаторомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ жилъ въ своихъ Тверскихъ вотчинахъ, и когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то останавливался у моего дѣда. Такимъ образомъ, близкія и родственныя отношенія не прерывались

*) Не пріѣзжайте: Орловы этого не позволятъ.

между обоими семействами. Въ Сенатѣ онъ былъ извѣстенъ строгою честностію, и иногда въ полномъ собраніи ему случалось выговаривать министрамъ, Лопухину и др., когда онъ замѣчалъ лицепріятіе съ ихъ стороны въ какихъ-нибудь тяжебныхъ дѣлахъ. Что вы себя губите, говаривалъ онъ: вѣдь вы души своей не жалѣете! Какой отвѣтъ дадите Богу, что вдову (или сироту) обижаете? И въ такомъ родѣ рѣчи держалъ Поликарповъ по тогдашнему патріархальному обращенію стариковъ между собою, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. По всѣмъ разсказамъ тогдашнихъ временъ надо полагать, что между заслуженнымъ дворянствомъ хорошихъ родовъ, но не принадлежавшимъ къ тому Французскому кругу, который составлялъ собственно избранное общество Екатерины, царствовали какое-то добродушіе и домашнее обращеніе съ дѣлами, не совсѣмъ похожее на должную важность судей-спеціалистовъ, и когда они говорили другъ другу *ты*, не было нечего похожаго на гордое *ты*, которое говорили другъ другу Испанскіе гранды. Какъ бы то ни было, но Поликарпова знали бѣдные, имъ защищаемые люди, и бывало, если пріѣдетъ изъ-за тридевять земель для тяжбы мать семейства безъ знакомыхъ, безъ связей, безъ понятій о законахъ, ей говорятъ:—поди къ Александру Васильевичу, тотъ уже не выдастъ имъ твое право; онъ ихъ не боится, всякому скажетъ правду, по совѣсти разсудитъ.

Однакожъ этотъ человѣкъ, такъ рѣзко выговаривавшій любому сенатору въ полномъ присутствіи, былъ способенъ на утонченную любезность съ женщинами. Я уже говорила, какъ онъ пожертвовалъ своимъ положеніемъ и рисковалъ еще хуже, ради учтивости къ княгинѣ Дашковой. Много лѣтъ спустя, уже бывши сенаторомъ, онъ часто ѣзжалъ по домашнимъ дѣламъ въ свое Тверское имѣніе, даже осенью и зимою, а лѣто тамъ все проживалъ. Онъ тогда сблизился съ великой княгиней Екатериной Павловной, которая жила въ Твери, и какъ всѣ, которые ее знали, былъ очарованъ ея умомъ, любезностію и горячностію любви ея къ Россіи, къ ея преуспѣянію и развитію, и ко всему прекрасному и благородному, и у насъ и у другихъ. Она часто обращалась къ нему за совѣтомъ, какъ къ старинному и коренному уроженцу Тверскому. Однажды она стала ему жаловаться на высокую цѣну дровъ, и спросила, что́ дѣлать? Онъ совѣтовалъ успокоиться и обождать, потому что цѣны скоро упадутъ. Затѣмъ онъ отправился въ свое имѣніе, велѣлъ вырубить лѣсную дачу и отправить дрова на продажу въ Тверь по самымъ низкимъ цѣнамъ. Разумѣется пришлось и всѣмъ другимъ понизить цѣны,—и дрова подешевѣли. Великая Княгиня никогда ничего объ этомъ не узнала и удивлялась только дальновидности Поликарпова на счетъ рыночныхъ цѣнъ,

не подозрѣвая, какъ дорого онъ самъ поплатился. Добрую славу свою, какъ защитникъ и помощникъ бѣдныхъ и слабыхъ, Поликарповъ распространилъ дальше Петербурга и Твери; когда, по случаю голода, его послали въ разныя губерніи для продовольствія народа, своею честностію, добротою и умѣньемъ по хозяйству, онъ исполнилъ съ успѣхомъ порученіе, оставляя по себѣ память во многихъ и многихъ благодарныхъ сердцахъ. Ему дали тогда въ помощники молодаго человѣка мало извѣстнаго, но даровитаго и честнаго (что̀ бы ни говорили о немъ послѣ, когда клевета по обыкновенію стала преслѣдовать высокопоставленнаго государственнаго дѣятеля). Этотъ молодой человѣкъ былъ Канкринъ, и я съ удовольствіемъ записываю хорошую черту изъ его жизни. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Канкринъ пошелъ въ гору и получилъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, онъ пріѣхалъ ко вдовѣ А. В. Поликарпова, напомнилъ ей, что онъ при ея мужѣ началъ первую дѣятельную службу и пользовался его честнымъ примѣромъ и опытностію. Я его ученикъ, говорилъ съ любезностію Канкринъ Елисаветѣ Павловнѣ. Въ сущности, вѣроятно соображенія и несомнѣнная даровитость Канкрина въ денежныхъ делахъ много способствовали, напротивъ, успѣху его посылки; что̀ касается его щедрости, добродушія и любви къ народу, конечно можно было всякому учиться у Александра Васильевича Поликарпова. Эти качества наслѣдственны въ ихъ семействѣ. Его единственный сынъ Александръ Александровичъ былъ не менѣе щедръ и добръ; а внукъ его Евгеній Александровичъ, скончавшійся 21 Января 1871 года, былъ одинъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ свѣту подвижниковъ гражданскихъ, тѣхъ добрыхъ воиновъ безкровной борьбы добра со зломъ, тѣхъ стойкихъ героевъ *долга* во всѣхъ отношеніяхъ жизни, одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ сказано, что они знаемы

Лишь Богу, да Его Святымъ.

Ими держится наша земля, не только земля Русская, но вся наша грѣшная земля, здѣшняго міра. Безъ такихъ людей огнь Божій пожралъ бы насъ, какъ Содомъ и Гоморру; да и безъ явной кары небесной, сами люди бы погубили и истребили всѣхъ и вся, какъ намъ доказываетъ это Парижская коммуна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни — это такіе люди, и, слава Богу, немало знала я ихъ. Изъ нихъ Евгеній Александровичъ Поликарповъ самый близкій мнѣ, столько же по родству, сколько по душѣ. Но кончина его еще слишкомъ близка, слѣдъ его еще не остылъ, и рано говорить о его дѣйствіяхъ и о немъ.

У дѣда моего кн. Андрея Николаевича Щербатова была еще другая дочь Анна, и въ ней и черезъ нее соединяются лучшія родственныя воспоминанія семейства матери моей и семейства моего отца. Его мать, Екатерина Ермолаевна Блудова, имѣла рѣдкое счастіе, которое достается только избраннымъ немногимъ: *у нея былъ другъ*, не въ свѣтскомъ смыслѣ слова подруги или пріятельницы, но искренній, неизмѣнный другъ, съ которымъ она дѣлилась мыслями и чувствами, съ которымъ видѣлась ежедневно и отъ котораго не имѣла ничего скрытаго. Этотъ другъ была графиня Анна Павловна Каменская, жена фельдмаршала, мать Николая Михайловича, командовавшаго арміей въ Финляндіи и на Дунаѣ. Ихъ дома въ Москвѣ были очень близки*), и калитка изъ сада Каменскихъ открывалась въ садъ Блудовыхъ, такъ что сосѣдки ходили другъ къ другу безпрестанно, безъ того этикета и сборовъ, которые въ то время требовались при всякомъ выѣздѣ въ каретѣ для женщинъ высшаго общества. Дружба эта перешла и на второе поколѣніе, и отецъ мой, сестра его и всѣ ея дѣти, до конца жизни графини Каменской, были всегда у нея на ногѣ самыхъ близкихъ, любимыхъ родственниковъ. Потому и графъ Николай Михайловичъ, главнокомандующій, просилъ къ себѣ отца моего въ армію, и у Каменскихъ онъ познакомился съ своею женою, моею матерью, родственницей ихъ, прежде нежели поѣхалъ въ южную армію. Дружба между его матерью и матерью Каменскаго и развивавшаяся склонность къ нему моей матери (любезной кузины Николая Михайловича) конечно содѣйствовали къ назначенію его управляющимъ канцеляріею главнокомандующаго арміей въ Турціи. Это былъ постъ важный по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и блистательное начало карьеры для молодаго человѣка, 25-ти-лѣтняго, не бывшаго ни на какихъ видныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ и не принадлежавшаго къ аристократическому кругу Петербургскаго двора. Не знакомство по службѣ съ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ повело къ женитьбѣ отца моего (какъ написалъ князь Петръ Долгоруковъ), а дружба фамильная и взаимная любовь между нимъ и родственницей Каменскихъ дали случай Николаю Михайловичу оцѣнить способности моего отца и повели къ назначенію его по службѣ.

Графиня Анна Павловна Каменская была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ. Объ ней всѣ знавшіе ея помнятъ, какъ объ ангелѣ во плоти. Въ замужествѣ она не была счастлива, и крутой,

*) Домъ или скорѣе дворецъ графовъ Каменскихъ въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ, нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы (съ домовою церковью). П. Б.

деспотическій характеръ мужа много заставилъ ее страдать. Сверхъ того у него была извѣстная всѣмъ, нагло выставленная на свѣтъ связь съ простою, злою женщиной, къ которой онъ уѣзжалъ безпрестанно въ деревню на цѣлые мѣсяцы, когда не былъ въ Петербургѣ или въ арміи, оставляя графиню Каменскую одну въ Москвѣ; но она никогда не заслужила ни малѣйшаго упрека, никогда злословіе не касалось ея. Такія двѣ женщины, какъ она и бабушка моя Катерина Ермолаевна, должны были, такъ сказать, пополнять другъ друга въ моральномъ отношеніи, и твердость характера, превосходство ума Катерины Ермолаевны давали ей большое вліяніе на графиню Каменскую. Одна дочь, тоже несчастная въ замужествѣ *), и двое сыновей составляли семейство Каменскихъ. Сергѣй, старшій, съ недостатками отца, но безъ его талантовъ, былъ однако любимъ матерью (многіе даже думали, что онъ былъ ея любимымъ сыномъ) и, страннымъ образомъ, она видѣла въ блистательной карьерѣ меньшаго сына, перегнавшаго его по службѣ, что-то въ родѣ несправедливости судьбы. Она уговорила главнокомандующаго дать старшему брату случай отличиться и показать тѣ военныя способности, которыя она воображала врожденными во всѣхъ членахъ ихъ семейства. Этотъ случай, какъ увѣряли, думалъ ему доставить братъ его при осадѣ Рущука. Извѣстно, какія бѣдственныя послѣдствія имѣло это распоряженіе. Сергѣй Михайловичъ, подобно отцу, жилъ дурно съ женой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ дѣвицами. До старости лѣтъ жилъ онъ разгульной жизнью въ Орлѣ и въ своемъ имѣніи, въ той же губерніи, и славился особенно своимъ домашнимъ театромъ и всѣмъ, что̀ обыкновенно соединялось съ этими труппами крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ. Онъ издержалъ на это удовольствіе все огромное богатство отцовское и, не жалѣя денегъ на этотъ предметъ, «*хотѣлъ купить*» славнаго актера Щепкина у его помѣщика, какъ тотъ самъ разсказываетъ; но нѣсколько почитателей его таланта сложились и выкупили Харьковскую театральную знаменитость, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи знаменитостью для всей Россіи. Послѣ смерти первой жены, урожденной Ефимовой, Сергѣй Михайловичъ женился на молодой, хорошей собой, вдовѣ Кириловой, отъ которой имѣлъ много дѣтей; теперешніе графы Каменскіе—его сыновья и внучата. Одинъ изъ сыновей, Андрей, способный, красивый собою, напоминавшій по наружности знаменитаго дядю, выбралъ было военное поприще для службы, но не долго оставался въ ней, женился, уѣхалъ въ деревню и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, въ разстройствѣ ума. Другіе, кто̀ умеръ, кто̀ остался въ живыхъ, недолго служили, и особеннаго ничего не слыхать о нихъ,

*) Гр. Марья Михайловна Каменская за Григорьемъ Павловичемъ Ржевскимъ. П. Б.

если не вѣрить молвѣ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ въ Смоленскомъ земствѣ, которое, къ несчастію, приписываютъ одному изъ нихъ. Самъ фельдмаршалъ, извѣстный въ исторіи какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ военачальника, былъ настоящимъ *большимъ бариномъ* того времени, позволявшимъ себѣ все, что́ его богатство, его санъ, его положеніе въ свѣтѣ могли доставить ему къ удовлетворенію его прихотей и къ наслажденію матеріальной жизнью. Сластолюбивый деспотъ, онъ, какъ многіе богачи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ, и наконецъ подпалъ подъ вліяніе грубой, даже некрасивой женщины и, какъ уже сказано, проводилъ съ нею въ деревнѣ все свободное отъ службы время; въ Москвѣ же, въ своемъ законномъ семействѣ, онъ являлся какимъ-то повелителемъ, грозою всѣхъ домашнихъ. Строгая чистота, спокойное достоинство Катерины Ермолаевны Блудовой были для него особенно антипатичны, а нѣжная дружба, ежедневныя свиданія съ его женой были ему такъ противны, что двѣ пріятельницы запирали калитку между своими садами, и посѣщенія ихъ дѣлались формальными визитами, какъ скоро фельдмаршалъ являлся въ свой домъ на Смоленскомъ бульварѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что первое охлажденіе между нимъ и женою произошло отъ вмѣшательства одной изъ ея родственницъ и, можетъ быть, безъ этого вмѣшательства, ея кротость и красота взяли бы верхъ надъ его наклонностями. Какъ бы то ни было однако, его любовная связь погубила его. Богатство и власть, которою надѣлялъ ее фельдмаршалъ въ своемъ имѣніи, не удовлетворяли его любовницы: ей захотѣлось положенія *честной женщины*, т. е. ей захотѣлось выйти замужъ, и предметомъ этой законной любви, или этого разсчета, она избрала полицейскаго чиновника, а средствомъ къ достиженію цѣли — убійство. Обѣщаніемъ наградъ и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодаго парня изъ дворовыхъ, не любившихъ вообще своего крутаго помѣщика, разрубить ему черепъ топоромъ въ лѣсу, черезъ который онъ ѣхалъ зимою въ саняхъ; кучеръ былъ соучастникомъ, или, по крайней мѣрѣ, не защитилъ барина, и оба приговорены были къ заслуженной казни; но сама виновница кроваваго преступленія осталась въ сторонѣ, благодаря протекціи полицейскаго, за котораго она вышла замужъ. Отъ нея былъ у фельдмаршала сынъ незаконный и потому не носившій титула графскаго, но названный однако Петромъ Михайловичемъ Каменскимъ. Онъ въ молодости показалъ замѣчательныя военныя способности и страстную любовь къ военному дѣлу. Братъ его, главнокомандующій, взялъ его къ себѣ въ адъютанты; послѣ его смерти онъ прослужилъ и отличился, сколько можно, въ ма-

лыхъ офицерскихъ чинахъ, въ кампаніяхъ отъ 1812 до 1815 года, и уже послѣ войны, за какую-то погрѣшность противъ дисциплины, былъ сосланъ въ одну изъ крѣпостей внутреннихъ губерній Россіи; тамъ онъ утонулъ, какъ говорятъ, случайно, купаясь; иные думаютъ, что онъ утопился отъ унынія и скуки.

Наконецъ, самый даровитый членъ семейства Каменскихъ, молодой главнокомандующій, тоже погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ насильственною смертью. Николай Михайловичъ Каменскій, съ блистательными способностями, такъ сказать наслѣдственными, не наслѣдовалъ отъ отца ни его крутаго нрава, ни его привычекъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ и былъ порученъ попеченію дяди, князя Щербатова. Онъ былъ хорошъ собою, талантливъ, пылокъ,благороденъ, и скоро сдѣлался самымъ искреннимъ другомъ своей молодой кузины, княжны Анны Андреевны. Она до конца жизни (а пережила его 37 лѣтъ) вспоминала о немъ съ искренней дружбой; онъ былъ ея довѣреннымъ другомъ, зналъ о любви Дмитрія Николаевича Блудова, и съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ преодолѣнію препятствій къ ихъ свадьбѣ. Онъ тѣмъ горячѣе сочувствовалъ Дмитрію Николаевичу, что самъ былъ влюбленъ въ подругу своихъ кузинъ, дочь Нѣмки ключницы или кастелянши. Елисавета Карловна жила, воспитывалась и выѣзжала въ свѣтъ съ княжной Анной Андреевной. Ея красота, добронравіе, образованность и равенство въ обхожденіи съ ней семейства Щербатовыхъ и ихъ посѣтителей, заставили молодаго графа совершенно забыть ея происхожденіе. Ежедневныя свиданія, естественное сближеніе между ними, не обращали на себя вниманія въ домѣ, гдѣ привыкли смотрѣть на Елисавету Карловну, какъ на родную; и княгиня Щербатова тогда только догадалась о любви племянника, когда узнала, что онъ сбирается увезти ее и обвѣнчаться съ ней. Тогда всѣ неодолимыя препятствія къ такой развязкѣ, при характерѣ фельдмаршала, вдругъ стали ясны въ глазахъ княгини. Предвидя бѣду, она обратилась къ самой матери Елисаветы Карловны. Выманить согласіе у фельдмаршала и даже у матери была бы пустая попытка, а обойтись безъ этого согласія было бы слишкомъ опасно: фельдмаршалъ не остановился бы ни передъ какой крайностію, разжаловалъ бы сына въ солдаты, сослалъ бы его, а что бы было съ несчастной, непризнанной женою! Мать очень хорошо поняла опасность; но, видя, что никакія мольбы и увѣщанія не дѣйствуютъ на влюбленнаго юношу, рѣшилась на принудительныя мѣры съ дочерью и выдала ее замужъ за другаго жениха, молодаго офицера, съ состояніемъ, по имени Кислинскаго. Горе, негодо-

ваніе, отчаяніе молодаго Каменскаго только усиливали его любовь къ похищенной у него женщинѣ, и тронули ее. Они были разлучены не на долгое время, сошлись опять, и уже только смерть Елисаветы Карловны положила конецъ ихъ любви. Лѣта проходили, и графиня Каменская уговаривала, упрашивала сына жениться; но онъ всю душу отдалъ этой первой и послѣдней любви, и *устроенная* по разсчетамъ, или удобству, женитьба была ему противна, даже послѣ смерти Елисаветы Карловны. Между тѣмъ, мать его въ Москвѣ выбрала ему знатную, богатую невѣсту, добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, но необыкновенно дурную собою, графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую. Она полюбила Николая Михайловича; его красивая наружность, ловкость, воинская слава, все въ немъ плѣняло ее; но въ ней было болѣзненное сознаніе своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивыхъ планахъ своихъ жениховъ; говорятъ, что незаконный сынъ ея отца, съ которымъ она была на братской ногѣ, тоже способствовалъ по своимъ разсчетамъ такому недовѣрію. Она, можетъ быть, видѣла и холодность къ себѣ Николая Михайловича, чуя, можетъ быть, въ сердцѣ, что у него всѣ нѣжныя чувства схоронены были навсегда. Какъ бы то ни было, любя его романической любовію, она однако отказала ему, когда, передъ отъѣздомъ его въ армію, мать уговорила его свататься. Отказъ былъ такъ неожиданъ, душевное расположеніе графини Орловой такъ извѣстно графинѣ Каменской, что даже образъ въ богатой ризѣ, весь въ жемчугахъ и дорогихъ каменьяхъ, былъ уже приготовленъ для благословленія сына на женитьбу. Этимъ образомъ она въ послѣдствіи благословила мать мою, когда та выходила замужъ; этою же иконой Божіей Матери *«Утоли моя печали»* батюшка благословилъ моего старшаго брата Андрея на бракъ съ дочерью графа Альтена (Ганноверца). Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ, потому что, по мѣткому замѣчанію одного Англійскаго путешественника, фамильныя иконы, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, *«отцовское благословеніе»*, занимаютъ или занимали доселѣ въ старыхъ дворянскихъ семьяхъ, равно какъ и въ зажиточныхъ дворахъ крестьянскихъ, мѣсто старой библіи въ Англійскихъ семьяхъ и фамильныхъ портретовъ западной Европы. Они и святыня родовая, и родовое приданое. Какъ бы ни было, фамильныя иконы составляютъ часть, весьма немногочисленную, древностей Русскихъ непроданныхъ и неистребленныхъ безпечностію и нерадѣніемъ нашимъ. Графиня Орлова отвергла Каменскаго, но по смерти его не могла утѣшиться и, отказавшись на всегда отъ замужества, посвятила всю жизнь свою на дѣла богоугодныя, на молитву и на украшеніе и обо-

гащеніе обителей иноческихъ и церквей, *замаливая грѣхъ* отца и утоляя горесть и любовь собственнаго сердца. Тогда однако Николай Михайловичъ не могъ угадать, какъ вѣрно и неизмѣнно онъ былъ любимъ въ то само время, когда его удаляли. Гордость его страдала, и щекотливость бладороднаго сердца оскорблена была мыслію, что на него должны смотрѣть, какъ на человѣка гоняющагося за невѣстой-милліонершей. Онъ былъ разстроенъ и не въ духѣ, когда прощался съ матерью; сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ армію, и въ это время юродивый подошелъ къ экипажу и протянулъ къ нему руку съ платкомъ, говоря: — На, возьми на счастіе! Добрый путь! Каменскій зналъ юродиваго, бывшаго часто въ ихъ домѣ, улыбнулся ему привѣтливо и взялъ платокъ. Но ему не вѣрилось въ счастіе, было тяжело на душѣ, а мысли были взволнованы самоупрекомъ за слабость, съ которою согласился онъ сдѣлать предложеніе, за самолюбіе, а не любовь, которое страдало отъ отказа. Онъ взялъ платокъ, чтобы не обидѣть бѣднаго юродиваго, но тутъ же машинально передалъ его своему адъютанту,—а этотъ адъютантъ былъ Закревскій. Домашніе Каменскихъ вздохнули, и всегда потомъ, разсказывая этотъ случай, замѣчали, какъ ихъ любимый графъ, предметъ ихъ гордости и славы, *передалъ свое счастіе Закревскому,* и уже не возвратился живымъ на родину. Когда вскрыли его тѣло, открыли слѣды отравы. Его привезли въ Россію и похоронили въ Орловскомъ имѣніи подлѣ отца; но мать просила, чтобы *сердце* было отдано ей; оно хранилось въ приходской церкви ея дома въ Москвѣ, пока она была въ живыхъ, а послѣ ея смерти, по ея просьбѣ, похоронено съ нею на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она указала себѣ могилу, возлѣ друга своего, Катерины Ермолаевны Блудовой. Графиня А. А. Орлова умерла болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ смерти графа Каменскаго; но еще въ послѣднихъ годахъ своей жизни, всецѣло посвященной добрымъ дѣламъ и молитвѣ, она въ душевныхъ изліяніяхъ съ одной вѣрной подругой своей молодости (г-жею Гераръ) вспоминала о Каменскомъ, объ этомъ умершемъ, отвергнутомъ ею женихѣ, со всею горячностью, со всѣмъ увлеченіемъ любви двадцатилѣтней дѣвушки. Ни холодъ лѣтъ, ни время, ни постъ, ни молитва, ни смерть, ничто не охладило любви сильной и гордой, которая не позволила принять его руки, при мысли, что его сердце схоронено въ могилѣ другой, любимой имъ женщины.— Графиня Анна Алексѣевна была вообще не дюжинная натура; и, несмотря на ея далеко некрасивое лице и ничѣмъ незамѣчательный разговоръ, было для меня что-то привлекательное въ ней, какая-то искренность, теплота, простота, и то, что̀ такъ непереводимо хорошо выражается по-англійски словомъ earnestness. Но все разсказанное

выше случилось въ послѣдствіи; въ концѣ же царствованія Екатерины, въ кратковременное царствованіе Павла и въ первые года Александра, домъ Каменскихъ, по разсказамъ современниковъ, былъ типомъ Московскаго барскаго дома, съ неумолимымъ деспотизмомъ хозяина, съ аристократическимъ этикетомъ Запада, и вмѣстѣ съ добродушіемъ Русскимъ, передъ которымъ исчезали и гордость и этикетъ. Няни, мамы, Турчанки, т. е. взятыя въ плѣнъ Турецкія дѣвушки, подаренныя по возвращеніи изъ арміи нашихъ военныхъ знакомымъ дамамъ, крещеныя ими въ христіанскую вѣру и кое-какъ воспитанныя, Калмычки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки, которыя въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. при свадьбахъ, пѣли Русскія обрядовыя пѣсни, какъ въ древнія времена, или какъ и нынѣ у крестьянъ, все это сливалось во многихъ знатныхъ домахъ со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости. На домашнемъ театрѣ любители, родственники и родственницы графини Каменской играли комедіи Вольтера и Мариво; когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни ежедневно во все время между помолвкою и свадьбой, до того что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста уже давно была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки *Русская*, хотя уродливая жизнь; а любовь къ отечеству и строгость нравовъ отличали графиню Каменскую столько же, сколько и бабушку мою, Катерину Ермолаевну. По всѣмъ разсказамъ, слышаннымъ мною объ этихъ двухъ женщинахъ, онѣ представляются мнѣ, среди обстановки XVIII-го вѣка, въ строгомъ и вмѣстѣ кроткомъ образѣ тѣхъ первыхъ христіанскихъ женъ Рима, въ которыхъ соединялось стоическое достоинство древнихъ матронъ съ чистотой апостольскаго типа супруги и матери. Но возвращаюсь къ моему дѣду князю Андрею Николаевичу Щербатову.

Съ другой кузиной, своей граф. Варварой Петровной Шереметевой онъ не былъ такъ близокъ какъ съ Анной Петровной; однако отношенія ихъ были добрыя, родственныя и тоже продолжались между семействомъ ея и моимъ нѣсколько поколѣній. Она вышла замужъ за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Одна дочь ея, Варвара Алексѣевна, была за княземъ Репнинымъ; другая, Екатерина Алексѣевна, за Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, съ которымъ мы поэтому считались въ родствѣ, и это отчасти сблизило его съ отцемъ моимъ въ ихъ молодости. Истинно-братское отношеніе къ графу Николаю Петровичу Шереметеву дѣдъ мой сохранилъ во всю свою жизнь; и отъ этой сердечной дружбы наши семьи остались такъ близки до нынѣ, хотя родства уже болѣе не до-

ищемся съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, развѣ какой Ирландецъ станетъ считать степени родства (an Irish cousin). Дѣдъ мой, князь Андрей Николаевичъ пріѣхалъ на службу въ Петербургъ, когда во всѣхъ сердцахъ возраждалась надежда на спокойствіе и славу. Елисавета Петровна была любима Русскими, какъ дочь Петра и какъ представительница Русскаго начала, послѣ долгаго правленія иностранцевъ: знали, что она болѣе гордилась тѣмъ, что она дочь Петра, реформатора и героя, нежели тѣмъ, что она дочь императора великой державы; знали, что она будетъ приближать къ себѣ бывшихъ сподвижниковъ отца; не смотря на страшную распущенность нравовъ ея, знали, что она *по своему* (скажемъ, по тогдашнему) благочестива и что, по тогдашнему, она, въ сравненіи съ звѣрскою жестокостію того времени, мягкосердна и милостива къ противникамъ власти. Кажется, не будетъ неумѣстно записать нѣсколько преданій объ ней, которыя родители мои слышали отъ князя А. Н. Щербатова и отъ Разумовскихъ. Она провела молодость въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ за свободу и жизнь свою, въ враждебной средѣ сторонниковъ царицы Евдокіи, при восшествіи на престолъ Петра II, потомъ Бирона, потомъ Анны Леопольдовны, и только своимъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ въ дѣла, своею посредственностію и страстью къ забавамъ и увеселеніямъ, избѣгала подозрѣнія и преслѣдованія. Маскарады, танцы, театральныя представленія, казалось, одни занимали ее. У нея точно не было геніальности и не было образованія, но природный умъ и страстная любовь къ славѣ отца заставляли ее понимать, что она бы повела Россію на путь лучшій, по крайней мѣрѣ, чѣмъ Биронъ, и что такая мысль могла прійти на умъ самому правителю-фавориту. Ей нужно было скрывать все это ради безопасности своей, и она считала себя и показывалась *умершею* ко всему въ политикѣ и въ управленіи; такъ она о себѣ говорила. Восшествіе же свое на престолъ она считала политическимъ *воскресеніемъ Лазаря*, возстаніемъ отъ мертвыхъ, и потому любила церкви освящать во имя *Воскресенія Господня*, иконы *Воскресенія* ставила и въ церквахъ и у себя, предпочитая ихъ другимъ изображеніямъ. Она въ то время дала обѣщаніе ежегодно ходить на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру за Москвой, и когда это оказалось неудобнымъ (особенно ея приближеннымъ и министрамъ), то подали мысль выстроить во имя Св. Сергія обитель по близости къ Петербургу, и исполнять свой обѣтъ, ходя пѣшкомъ въ монастырь на Петергофской дорогѣ, выстроенный ею, который нынѣ зовутъ Сергіевской пустынью. Она туда и синодики фамильные отдала. Я не знала этого, и нѣсколько лѣтъ назадъ случайно была тамъ у обѣдни въ послѣднюю Субботу мѣ-

сяца, не помню котораго. Вдругъ, среди великолѣпнаго пѣнія и службы, поминовеніе умершихъ начинается съ «*Патріарха Филарета, инокини Мароы,* продолжается рядомъ царей, великихъ князей, императоровъ, императрицъ до Елисаветы Петровны. Не могу сказать, какъ поразительно показался мнѣ, въ своей неожиданности, этотъ перечень славныхъ именъ, представляющихъ собою такую громаду историческихъ событій вѣка, столь не похожаго на нашъ, которыя однакожъ уже были зачаткомъ всего нашего современнаго строя. Это было въ самое тяжелое время Севастопольской осады; камнемъ лежало на сердцѣ у всѣхъ насъ отчаянное положеніе Крыма, а недалеко, почти на взморьѣ, гдѣ стоитъ обитель,—сновали непріятельскіе пароходы. Но одно имя Филарета Никитича отозвалось утѣшеніемъ и надеждою для насъ. То ли было съ Россіей? И Богъ помогъ, и бодро высвободилась она отъ чужаго населенія и отъ родной измѣны! Я справилась потомъ, и мнѣ сказали: въ послѣднюю Субботу каждаго мѣсяца поминаются всѣ усопшіе дома Романовыхъ. Не помню, поминается ли Софья Алексѣевна. Елисавета Петровна также начала строить церковь Воскресенія Господня, нынѣ Соборъ учебныхъ заведеній, гдѣ Смольный домъ для воспитанія дѣвицъ; но здѣсь она хотѣла основать женскій монастырь, не успѣла докончить, а Екатерина, вмѣсто того, построила женское училище, которое потому и называется *Смольнымъ монастыремъ,* хотя монахинь тамъ нѣтъ. Когда Елисавету уговаривали дозволить Жидамъ селиться въ Русскихъ городахъ, и говорили ей о выгодахъ такого населенія, она отвѣчала: «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли». (Петръ на такое предложеніе отвѣчалъ отказомъ, но иначе: На что мнѣ Жиды, сказалъ онъ; мои Русскіе не хуже умѣютъ плутовать). Хотя шла войною за Марію Терезію, Елисавета, однако, открывала широко поле Россіи православнымъ Славянамъ, уходящимъ отъ притѣсненія нашей церкви Австрійскимъ правительствомъ, и Сербы съ воеводства и приморія тысячами перешли на нашъ Югъ подъ предводительствомъ Шевича, Депрерадовича, Хорвата и другихъ, населяя край вѣрнымъ и храбрымъ народомъ, совершенно обрусѣвшимъ уже во второмъ поколѣніи, но помнившимъ свое происхожденіе и всегда готовымъ протянуть руку своимъ землякамъ. Во время Семилѣтней войны солдаты, отправляясь въ походъ, говорили: Өеодоръ Өеодоровичъ (Фридрихъ II), значитъ, обижаетъ Марью Терентьевну, такъ государыня за нее заступается; бабье дѣло, нельзя не помочь! Но помогая Австрійскому правительству по своимъ политическимъ соображеніямъ, или по совѣту министровъ, она не считала нужнымъ принимать на себя никакой солидарности съ внутренними мѣрами этого правитель-

ства, и ея врожденное чувство Русское заставляло понимать и постоянно поддерживать общность интересовъ нашихъ съ интересами единовѣрцевъ и единоплеменниковъ нашихъ всюду, не взирая на преходящія обстоятельства, которыя насъ сближали съ тѣмъ или съ другимъ правительствомъ. Значеніе единой церкви понималось ею *инстинктивно*, какъ оно понималось сознательно ея геніальнымъ отцемъ; однакоже нельзя Петра Великаго прозвать *Славянофиломъ* или *ханжей*.

Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что вождь и царь тогдашней *молодой Россіи* былъ все-таки Русскій характеромъ, обычаями и сердцемъ, между тѣмъ какъ нынѣшняя молодая Россія разныхъ оттѣнковъ (я не говорю о совершенно обезумѣвшей эмиграціи нашей) уже потеряла всякое сознаніе своего происхожденія, своего народа, своего края, и точно также, какъ нѣкоторые изъ нашихъ блистательнѣйшихъ дѣльцевъ, видитъ въ себѣ и въ насъ всѣхъ Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, даже Итальянцевъ (въ отношеніи къ отжившимъ уже свой вѣкъ въ Италіи бандитамъ, брави и карбонари). Это впрочемъ, со всѣми своими неудобствами спасительная черта нашихъ людей *прогресса* (какъ ненавижу я это слово, и какъ смыслъ его не похожъ на Русское слово *успѣхъ* или *преуспѣяніе!)* Эта черта спасительна, потому что она лишаетъ ихъ всѣхъ возможности дѣлать серьезный вредъ Россіи, хотя, конечно, ихъ недоразумѣніе и высокомѣрное презрѣніе къ вѣрованіямъ и чувствамъ своего народа много тормозятъ преуспѣяніе нашей страны.

Ацеліо (котораго патріотизмъ былъ во всякомъ случаѣ *удачнѣе* Герценова), въ своихъ письмахъ 40-хъ годовъ, не разъ возстаетъ противъ сумазбродовъ, которые хотятъ непремѣнно *передвигать пальцемъ стрѣлку часовъ, чтобы пробилъ желанный часъ*,—думая ускорить ходъ времени, которое не допускаетъ неправильности въ числахъ, такъ же неуклонно, какъ ариѳметика. Петръ оттого только и могъ исполнить задачу, завѣщанную первымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Годуновымъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, что стрѣлка уже стояла на предназначенномъ часу: онъ ея не передвигалъ, хоть и кажется для поверхностнаго наблюдателя, что все было дѣло насилія и произвола. Истинные реформаторы суть всегда олицетвореніе цѣлой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предпріятія; они проникнуты (иногда даже безсознательно) однимъ общимъ чувствомъ, однимъ общимъ стремленіемъ съ массою, на которую дѣйствуютъ. А выскочки-благодѣтели человѣчества только губятъ въ потокахъ чернилъ, если не крови, многія благія намѣренія и *относительно* пра-

вильныя мысли, которыя безъ ихъ неловкаго посредничества могли бы созрѣть и принести свою долю пользы.

Отецъ мой былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого воззрѣнія, которое часто и часто высказывалъ, и которое такъ величественно и благополучно оправдалось на нашихъ глазахъ въ царственномъ реформаторѣ 1861 года. Я помню, что въ 30-хъ годахъ, въ то время, когда много было совѣщаній, предположеній и мѣропріятій въ отношеніи къ лучшему средству дойти безбѣдно до освобожденія крестьянъ, батюшка былъ очень занятъ этою мыслью. Онъ жилъ на Аптекарскомъ острову, а мы къ нему пріѣзжали въ гости на нѣсколько часовъ, потому что домикъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія нашего семейства [1]). Однажды какъ-то его любимая большая собака, поплававши по Невѣ и порывшись около берега, вытащила что-то такое, что принесла къ батюшкѣ, и съ торжествомъ, скаля зубы, отряхиваясь и поднимая глаза на хозяина, положила къ его ногамъ, по собачьему обычаю, при мнѣ. Это не былъ камушекъ, однако что-то твердое. Когда счистили песокъ и тину и вымыли хорошенько, оказалось, что это костяная крышка, оторванная отъ малой табакерки съ рѣзьбою и девизомъ: Корабль съ натянутыми парусами на волнистой каймѣ, и вырѣзано подъ нею старинными буквами: *Жду вѣтра силы и ожидаю время*. Этотъ девизъ находится въ собраніи девизовъ временъ Петра Великаго, въ книжкѣ, затерянной мною теперь. Батюшка, вспомнивъ это, сказалъ, что можетъ быть эта крышка отбилась отъ табакерки какого-нибудь моряка Петровскаго, взялъ ее себѣ (она теперь у меня) и сталъ говорить намъ о Петрѣ и о реформахъ или революціяхъ времени его и всякаго времени, въ такомъ смыслѣ, какъ я написала выше, прилагая свои мысли и къ тому, что обработывалось въ 30-хъ годахъ. Онъ очень любилъ Петра и говаривалъ, что все въ немъ, и добро и зло, всѣ его блистательныя качества и пороки были колоссальны, и что среди всѣхъ, даже худшихъ дѣйствій его жизни, какъ напримѣръ смерть царевича Алексѣя [2]), любовь къ

[1]) Этотъ домикъ съ тѣхъ поръ перестроенъ и теперь очень помѣстителенъ. Въ то время отецъ мой былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Отецъ мой былъ убѣжденъ, что Петръ принялъ ужасное рѣшеніе противъ сына не по ненависти къ нему, и не по любви къ меньшому сыну, не вслѣдствіе интригъ Екатерины, а единственно изъ опасенія, что если самъ Алексѣй Петровичъ не захочетъ царствовать, то партія его непремѣнно возведетъ его на престолъ и непремѣнно погубитъ Россію возвращеніемъ къ оставленнымъ порядкамъ, къ расшатавшемуся строю, при которомъ она не въ силахъ будетъ дать отпоръ врагамъ. Онъ думалъ сперва, заклеймивъ его судебнымъ приговоромъ, сдѣлать его воцареніе невозможнымъ; но въ теченіи суда Петръ увидалъ, какъ много царевичъ имѣлъ приверженцевъ (въ томъ

Россіи, къ славѣ и могуществу ея, стояли выше всякаго личнаго чувства, и что это все-таки имѣло отголосокъ въ народѣ, не смотря на противодѣйствіе, на неудовольствія, на бунты. Это свидѣтельствуютъ многія пѣсни, сложившіяся въ народѣ о немъ, и многія преданія, еще жившія въ памяти простолюдиновъ, приближенныхъ къ моему дѣду и бабушкѣ. Уже въ тогдашнее время, Петръ являлся въ колоссальномъ, легендарномъ образѣ, въ разсказахъ его современниковъ. Между прочимъ было повѣріе, что Петръ *пропадалъ* и находился въ какомъ-то невѣдомомъ, заколдованномъ краѣ, откуда вынесъ несокрушимую силу и волшебныя знанія, и потому всегда побѣждалъ враговъ и успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Одна старушка даже считала время отъ этой эпохи: я вышла замужъ или такой-то родился или умеръ передъ тѣмъ или послѣ того, какъ *царь пропадалъ*. Такъ глубоко подѣйствовали на воображеніе народное путешествія Петра и всѣ перемѣны, которыя онъ сталъ вводить по своемъ возвращеніи. Надобно вспомнить тоже, что, какъ ни былъ онъ крутъ, а часто и жестокъ, однакожъ въ немъ жестокость не была кровожадностію, не была безумной прихотью; да сверхъ того, правленіе Меншикова и Бирона до того превзошли все, что было даже дурнаго при Петрѣ, что его образъ долженъ былъ выступить передъ народомъ во всемъ блескѣ золотаго вѣка. Вступленіе на престолъ дочери его было общей радостью для Россіи, по разсказамъ всѣхъ современниковъ. Воинская слава, Русскіе дѣятели, процвѣтаніе торговли, возращеніе достоинства православной церкви, всего этого ожидали отъ Елисаветы Петровны и не обманулись. Батюшка, который всегда стоялъ за свободу торговли, говаривалъ, сколько добра уже сдѣлала одна мѣра уничтоженія внутреннихъ таможенъ, и особенно обращалъ вниманіе на то, что, не смотря на Семилѣтнюю войну, на роскошь двора, на всѣ великолѣпныя постройки ея царствованія, на огромные, но разумные расходы, она умирая оставила Россію въ цвѣтущемъ положеніи, безъ долговъ и съ громадою золотой монеты въ казнѣ. Ея православіе было искренно, и наружныя проявленія ея вѣрованій были по обычаю и по сердцу

числѣ былъ даже князь Яковъ Долгоруковъ), и мало по малу зараждалась мысль о необходимости его *стереть* для огражденія государственнаго зданія, воздвигнутаго съ такимъ усиліемъ и любовію. Батюшка находилъ, что записки Гордона не должно бы отвергать такъ рѣшительно, и что Петръ дѣйствовалъ по суровому чувству долга, съ какимъ Брутъ, въ древнемъ Римѣ, приговорилъ къ смерти своихъ сыновей; что же касается до пытки, то въ прежнія времена не понимали *допроса* иначе, какъ *посредствомъ* пытки. По-французски даже и выражались: „la question“. Такъ смотрѣлъ на это дѣло отецъ мой.

ея подданныхъ. Увѣряли, что, рѣшившись на переворотъ противъ Анны Леопольдовны, она дала обѣщаніе не казнить смертною казнію никого изъ своихъ противниковъ. Это преданіе подтверждается закономъ, уничтожающимъ смертную казнь вообще. Можно возразить, конечно, что казни ужасныя совершались при ней изъ за пустяковъ, что, напримѣръ, Лопухиной былъ *вырванъ языкъ палачемъ* за то особенно, что она говорила непочтительно объ Елисаветѣ, хвастаясь, что она сама красивѣе императрицы. Съ другой стороны, развратъ ея превосходилъ всякое воображеніе. Съ искренней вѣрою, какъ могли соединяться такія дѣла и такіе нравы?

Вообще, судя о прошлыхъ временахъ и поколѣніяхъ, мы слишкомъ привыкли судить по современному не имъ, а *намъ*, нынѣшнему направленію ума, по современнымъ намъ нравамъ, забывая, какъ неизмѣримо много значитъ среда, въ которой вращается человѣкъ, какъ онъ зависимъ отъ современныхъ *ему* воззрѣній. Конечно, еслибы наша вѣра была чиста и крѣпка, какъ вѣра первыхъ христіанъ, и мы бы словомъ и дѣломъ были истинные послѣдователи Христа, мы могли бы находить такія противорѣчія непостижимыми и не довѣрять тѣмъ историческимъ лицамъ, которыхъ вѣрованія не выказывались во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Но вспомнимъ, что Елисавета Петровна родилась и жила среди двора и семьи Петра и Екатерины I-й, жила во времена Регента Орлеана и Людовика XV; вспомнимъ, какіе были нравы при всѣхъ дворахъ Европы, съ которой мы брали примѣръ; вспомнимъ неминуемый законъ реакціи, который лежитъ въ основаніи человѣческой природы, и вспомнимъ, изъ какой рабской неволи и притупляющей монотонности жизни только что высвободились женщины знатныхъ и царскихъ семействъ у насъ. Вспомнимъ все это, и мы поймемъ, что на Елисавету Петровну могли смотрѣть иначе, нежели мы на нее смотрѣли бы теперь, какъ на чудовищное явленіе порока, а часто и жестокости. Мы поймемъ, что, напротивъ, ее цѣнили высоко; мы поймемъ, что она искренно вѣровала, искренно каялась и тотчасъ же начинала опять грѣшить. Да не то ли самое повторяется ежедневно, ежеминутно съ большинствомъ самыхъ искреннихъ христіанъ? Въ другомъ видѣ, съ другимъ, добропорядочнымъ образомъ жизни, со строгостью нравовъ и утонченной филантропіей нашихъ дней, неужели мы не лжемъ самимъ себѣ и Богу, когда мы такъ хлопотливо холодны въ нашихъ благотвореніяхъ, такъ жестки въ нашихъ сужденіяхъ, такъ горды своимъ просвѣщеніемъ, такъ своевольны въ своихъ мнѣніяхъ и мѣримъ такою разною мѣрою въ отношеніи къ нашимъ друзьямъ или противникамъ? Развѣ все это христіанское дѣло? А все-

таки и мы, дѣлающіе эти *приличныя* беззаконія, вѣруемъ искренно, каемся и опять впадаемъ въ тѣже грѣхи!

И такъ ее точно любили, и любили за ея *православіе*, за ея *милосердіе*, за *сравнительную* мягкость, за *сравнительную* свободу дѣйствій, которую получили при ней; и все-таки она первая во всемъ христіанскомъ мірѣ, со временъ Владимира, *отмѣнила смертную казнь*. Какъ ни ужасны были наказанія при ней и послѣ нея, и хотя въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ изъятія, и смертная казнь бываетъ у насъ: все-таки самое *начало* безкровнаго суда говорило сердцу и воображенію и, въ самомъ дѣлѣ, было великое основаніе для закона новаго, до котораго только въ наши дни додумались Европейскіе филантропы-юристы, да и то не всѣ.

Отецъ мой вообще былъ такого мягкаго и человѣколюбиваго нрава, что съ трудомъ могъ рѣшиться смѣнить пьянаго лакея; однако онъ думалъ, что смертная казнь, сама по себѣ, можетъ находить мѣсто въ законодательствѣ. Онъ полагалъ, что она менѣе ужасна, чѣмъ иныя наказанія, какъ наприм. *одиночное* заключеніе, или тѣлесныя наказанія, какъ *кнутъ*, который тѣмъ былъ особенно жестокъ, что зависѣлъ совершенно отъ произвола: могъ убить человѣка, или могъ не причинить ему даже боли. Достовѣрно, что одинъ любознательный иностранецъ однажды заплатилъ большую сумму палачу, чтобы тотъ ему доказалъ на дѣлѣ, что можетъ разорвать рубашку на спинѣ человѣка и не коснуться его кожи. Увѣряютъ, что палачъ исполнилъ этотъ фокусъ на спинѣ самого иностранца. Объ этихъ отвратительныхъ вещахъ теперь, слава Богу, можно вспоминать хотя съ содраганіемъ, но безъ той глубокой тоски, которая брала меня въ то время, когда еще не была отмѣнена торговая казнь. Отецъ мой всегда съ омерзѣніемъ и негодованіемъ говорилъ объ этой казни и постоянно старался объ отмѣненіи ея. Смертная казнь, по его мнѣнію, менѣе жестока для самаго преступника, и вмѣстѣ несомнѣнно и вѣрно защищаетъ честныхъ людей (большинство общества) отъ новыхъ покушеній преступниковъ, повторяющихся періодически у насъ побѣгами ссыльныхъ и каторжниковъ. Но онъ говорилъ, что *однако* онъ всегда будетъ противъ возстановленія смертной казни *въ Россіи*, потому что отмѣна ея была изъ числа тѣхъ мѣръ, которыхъ можно не принимать, но разъ *принявши* нельзя снова отмѣнить безъ потрясенія общаго довѣрія, а безъ довѣрія самыя основы государства колеблятся. Такой *даръ*, какъ судъ безъ смертнаго приговора, разъ полученный народомъ отъ одного изъ государей, долженъ всегда сохраняться *въ основаніи* законодательства, хотя военный судъ и временныя исключенія бываютъ необходимы въ данныхъ об-

стоятельствахъ. Потому онъ настаивалъ, чтобы военное положеніе было *сперва* объявлено всякій разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ признается скорбная необходимость временнаго примѣненія смертной казни къ особенно опаснымъ преступленіямъ. Не мое дѣло судить о такихъ вещахъ; но мнѣ кажется, что когда-нибудь придетъ время, когда смертная казнь исчезнетъ всюду изъ христіанскаго общества *въ нормальномъ* состоянія края, коль скоро есть время на хладнокровное размышленіе. Разумѣется, въ болѣзненномъ состояніи общества, когда свирѣпствуютъ война и междоусобія, поневолѣ приходится силою противустоять силѣ и защищаться чѣмъ попало. Это женское воззрѣніе, конечно, не имѣетъ вѣсу; но Елисавета Петровна по женскому смотрѣла на этотъ вопросъ, и ей были благодарны.

Послѣ 16 лѣтъ придворныхъ переворотовъ и безжалостнаго деспотизма временщиковъ, вся Россія вздохнула и просіяла. Дѣдъ мой съ восхищеніемъ наслаждался спокойствіемъ и внутреннимъ миромъ этого времени, и все это *разцвѣтаніе*, эти начатки художествъ и наукъ, эти лекціи, эти театры, эти картины великихъ мастеровъ, которыя начинали привозить изъ-за границы, эти живые образцы утонченности свѣтской, которые являлись изъ Парижа, эти архитекторы, живописцы, пѣвцы, актеры, которые вносили съ собою, если не всегда чистый, то все-таки художественный элементъ въ нашу общественную жизнь (между тѣмъ, какъ блистательныя побѣды нашихъ войскъ надъ первымъ полководцемъ того времени Фридрихомъ Великимъ, взятіе Кенигсберга и Берлина, покрывали громкой славой имя Русское): все это 16-лѣтнему юношѣ открывало цѣлый міръ прекрасныхъ ощущеній, и на портретѣ его, писанномъ не много лѣтъ позднѣе, видятся спокойствіе и мирное счастіе. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1742 года, какъ я уже говорила, когда еще свѣжа была память объ ужасахъ и темномъ, тяжеломъ давленіи въ моральномъ воздухѣ передъ тѣмъ.

Одинъ изъ родственниковъ его (никакъ не могу вспомнить его имени) разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертію Анны Іоанновны. Этотъ разсказъ, часто повторяемый, однакожъ долженъ найти мѣсто въ моей коллекціи чудесныхъ случаевъ и привидѣній. Вотъ какъ разсказывалъ мой дѣдъ. Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита Московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась *во внутреннія покои*, говоря сло-

вами гофъ-фурьерскихъ записокъ. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ, какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается идти дальше залы и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что случилось. Не можетъ быть, говоритъ герцогъ: я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться.

— Взгляните сами: она въ тронной залѣ.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее.—Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ! вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Они увидѣли женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. Дерзкая! вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Молодой офицеръ, товарищъ моего дѣда, своими глазами увидѣлъ *двѣ Анны Іоанновны*, изъ которыхъ настоящую, живую, можно было отличить отъ другой только по наряду и потому, что она взошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: Кто ты? Зачѣмъ ты пришла? Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направленіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахинъ. Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину, сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшійся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на Императрицу и исчезла. Анна Іоанновна повернулась къ Бирону, сказала:—Это моя смерть! поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ,

Это одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ. Очень мнѣ досадно, что я забыла имя офицера, который былъ очень близокъ къ дѣду и самъ передавалъ ему всѣ подробности не долго послѣ этого неразгаданнаго случая. Черезъ нѣсколько дней или часовъ Анна Іоанновна скончалась, я тоже не запомню срока (для меня, вообще числа и собственныя имена всегда было трудно запомнить, между тѣмъ какъ обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крѣпко въ памяти до сихъ поръ). Много слышали отецъ мой и мать про царствованіе Елисаветы, про образъ тогдашней жизни, и батюшка говаривалъ, бывало, что не удивишься легкости нравовъ Екатерины II, когда подумаешь, въ какой моральный омутъ привезли 14-ти лѣтнюю красавицу-принцессу, и выдали ее за человѣка, еле вышедшаго изъ отрочества, не способнаго цѣнить ея умъ и блистательныя качества, и уже испорченнаго той придворной средой, въ которой онъ жилъ.

Сама Елисавета была замужемъ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; это достовѣрно, и батюшка слышалъ отъ близкихъ Разумовскому людей, что, когда Орловъ пріѣхалъ къ нему послѣ смерти Елисаветы Петровны и, съ задней мыслію воспользоваться примѣромъ, спросилъ, есть ли у него документъ о совершеніи брака, то онъ досталъ свидѣтельство и при Орловѣ сжегъ его въ каминѣ. Всѣ друзья и родственники Разумовскаго были совершенно увѣрены въ истинѣ этого благороднаго порыва, а преданіе гласитъ, будто въ память своего бракосочетанія Императрица украсила вызолоченнымъ вѣнцомъ (короною) церковь, въ которой вѣнчалась съ нимъ въ Москвѣ. Разумовскій, какъ извѣстно, былъ простой казакъ Малороссійскій и придворный пѣвчій. Онъ плѣнилъ своимъ голосомъ Елисавету, а сдѣлавшись ея мужемъ, онъ за собою привлекъ ко двору и семью, и родство, и другихъ Малороссіянъ, которые сдѣлали менѣе блистательную карьеру, но все же пошли въ чины. Одинъ изъ такихъ, бывшій пѣвчій съ глубокимъ басовымъ голосомъ, дослужился до д. ст. совѣтника, не отличившись ничѣмъ, и разъ, споря съ однимъ неважнымъ по своему положенію дворяниномъ, сказалъ:—Вѣдь я генералъ.— Какой ты генералъ, отвѣчалъ тотъ: ты развѣ генералъ-басъ.

Эти легкія карьеры, сдѣланныя безъ заслугъ, по одной протекціи фаворита, произвели дурное впечатлѣніе на столбовое дворянство, Петербургское и Московское, и дали поводъ многимъ думать, что въ Малороссіи нѣтъ древняго дворянства, тогда какъ, напротивъ, изъ этой колыбели Руси происходятъ самые древніе роды наши. Но, въ моемъ дѣтствѣ, многіе при мнѣ говорили не разъ, чуть ли не съ такимъ сомнѣніемъ, о дворянскомъ происхожденіи Малороссійскихъ фамилій, какъ о графскомъ титулѣ Поляковъ. Признавали однако до-

стоинство генеалогіи нѣкоторыхъ знатныхъ и высокозаслуженныхъ вельможъ, какъ напр. Безбородки, Кочубея, но на остальныхъ смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ ихъ кліентовъ (въ Римскомъ смыслѣ слова), и я запомнила еще съ тѣхъ поръ риѳмованную будто бы родословную выходцевъ изъ южнаго края:

Безбородко роди Кочубея,
Кочубей роди Комбурлея,
Комбурлей роди Гамалея,
Гамалей роди Кравченко,
Кравченко роди Марченко,
Марченко роди пана Толоча и пр.

Впрочемъ, Петербургское высшее общество, какъ видно, смотрѣло на свой кружокъ, какъ на единственно аристократическій, и даже какъ на единственно порядочный. Помню, не одинъ разъ слышала я такія рѣчи: Манеры и тонъ общества совсѣмъ испортились съ тѣхъ поръ, какъ вся Москва переѣхала сюда послѣ пожара. Вообще, странныя у насъ воззрѣнія на этотъ счетъ. Батюшка, бывало, говаривалъ, что мы имѣемъ дворянство *историческое* изъ самыхъ древнихъ родовъ Европы (съ 862 года), а у насъ однако образовалась аристократія *самозванная*, преоригинальная. Вы находите или *находили* во всѣхъ земляхъ аристократію политическую, привилегированную, или аристократію таланта и образованія; но у насъ не признается ни одна изъ нихъ, а есть аристократія чисто-салонная, une aristocratie de coterie. Разумѣется, мнѣнія на этотъ счетъ рознятся; но по мнѣ, это не дурно, хотя иногда смѣшно. Не дурно, что у насъ двери настежъ въ эту безвредную, самообольщающуюся салонную среду, между тѣмъ какъ каждый, даже изъ знаменитѣйшихъ родовъ нашей исторіи, долженъ самъ завоевывать политическое положеніе своею службою. И все-таки *въ основаніи* лежитъ драгоцѣнное начало, даже если оно часто становится только юридической фикціею: это правило, что образованіемъ (экзаменомъ) и трудомъ (службою) всякій можетъ дойти до высшей степени политической дѣятельности и вліянія, и что нѣтъ замкнутаго сословія у насъ. Гдѣ нѣтъ замкнутости, тамъ нѣтъ и ненависти между сословіями, хотя, конечно, ничто не исключаетъ и не искореняетъ мелкихъ страстей человѣческаго общества, и хотя у насъ, какъ вездѣ, завидуютъ и ревнуютъ къ салоннымъ и придворнымъ успѣхамъ, и бранятъ людей высокопоставленныхъ на службѣ, и завидуютъ имъ; но все же каждый порядочный человѣкъ знаетъ, что нѣтъ серьознаго, неодолимаго препятствія, которое бы мѣшало ему пробивать себѣ дорогу вверхъ. Это меня много утѣшаетъ, когда ви-

жу смѣшную сторону нѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ. Истинно же радуетъ меня всякій примѣръ твердой, терпѣливой и бодрой жизненной борьбы съ невыгодной обстановкой въ молодости человѣка, дошедшаго до высокаго политическаго положенія, будь этотъ человѣкъ столбовой дворянинъ, или простолюдинъ вчерашній. Замѣчательно, какъ много изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ людей, моего знакомства, въ молодости перебивались съ трудомъ для достиженія даже наинужнѣйшихъ средствъ къ жизни, и какъ много эта нужда, эти лишенія въ молодости способствовали къ закалу ихъ души, ихъ способностей и характера. Бѣдность, даже мимоходная, которая заставляетъ работать, если она честно и бодро выдержана, возвышаетъ человѣка на столько же, на сколько совершенная нищета и безпорядокъ, который въ ней гнѣздится, растлѣваютъ самыя лучшія натуры. Впрочемъ, всякая крайность разрушаетъ гармонію естественныхъ законовъ мірозданія; и какъ крайность нищеты, такъ и крайность богатства, матеріальнаго преизбытка, развращаетъ человѣка. Есть безстыдство богача, точно также какъ безстыдство нищаго. Одинъ думаетъ, что онъ въ правѣ *все купить*, другой, что въ правѣ *всего просить*; высокомѣріе одного и наглость другаго равно унизительны для человѣческаго достоинства и, въ сущности, тотъ и другой-жалкія творенія. Мальчикъ оборванный, таскающійся по грязи и протягивающій руку съ плаксивою просьбою о копѣйкѣ въ компаніи съ пьяными бабами и притворными калеками, можетъ быть не въ бо̀льшей степени развратится, нежели въ *своемъ родѣ* развратится малолѣтній милліонеръ, окруженный со дня рожденія льстецами и угодниками всякаго возраста и пола, утопающій въ нѣгѣ и своеволіи съ самой колыбели, незнающій противорѣчія, ни препятствія въ исполненіи своихъ прихотей. Видала я съ болью сердечной, какъ грязли и заглушались лучшіе порывы гордыхъ и чистыхъ натуръ подъ невыносимымъ гнетомъ нищеты; такъ точно, какъ знала я жалкихъ богачей, у которыхъ заглохли всѣ лучшія стремленія души отъ поклоненія собственному могуществу, чисто-матеріальному могуществу золота, и отъ подобострастія личныхъ эксплуататоровъ. Такъ было во всѣ періоды исторіи человѣчества, такъ есть и теперь, такъ было и во время Елисаветы. Это могущество богатства, соединенное со всемогуществомъ власти, не могло не вскружить головы тогдашнимъ временщикамъ.

Вся же масса дворянства, составляющая огромное большинство землевладѣльцевъ (монастыри и церкви владѣли, кажется, около десятой части населенныхъ имѣній), масса дворянства была рѣшительно и долгое время представительницей умственнаго движе-

нія въ Россіи. Въ теченіе столѣтія и больше, можно по истинѣ называть дворянство *передовымъ* сословіемъ. Это сословіе однако въ массѣ своей не отрывалось совершенно отъ народа по своимъ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаямъ, и одинъ иностранецъ, побывавши во внутреннихъ губерніяхъ лѣтъ двадцать назадъ, былъ пораженъ тѣмъ, что наше дворянское сословіе, разнящееся отъ народа во всѣхъ наружныхъ пріемахъ жизни, отъ платья и прически до языка, вдругъ, въ церкви, является совершенно такимъ же, какъ самъ необтесанный мужикъ, и кладетъ земные поклоны, прикладывается къ иконамъ или мощамъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица, оставившимъ иностранцу впечатлѣніе полной искренности. Еслибъ онъ заглянулъ поближе въ ихъ домашнюю жизнь, то увидѣлъ бы и тутъ больше сходства съ народомъ, нежели бы онъ могъ понять. Въ этой массѣ стараго (однако *непридворнаго*) дворянства, служившаго непремѣнно въ военной службѣ, не могло быть страшнаго своеволія богатыхъ сосѣдей его. Походы же въ Пруссію и Швецію пріучили къ дисциплинѣ, къ нѣкоторой выдержкѣ, и расширили умственный горизонтъ. Хорошія натуры облагораживались, а, возвращаясь еще молодыми въ свои помѣстья, не успѣвали совершенно переродиться въ иностранцевъ. Сохранялась, это правда, нѣкоторая сословная гордость; но она никакъ не мѣшала чистосердечно смотрѣть на прислугу, напримѣръ, на *домочадцевъ*, какъ на что-то въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ; давая слугѣ потасовки собственноручно, все-таки баринъ не требовалъ отъ него службы *автомата*, не считалъ, что, платя ему жалованье и кормя его по положенію контракта, можетъ смотрѣть на него, какъ на вещь, на машину, и не справляться никогда о человѣческой сторонѣ этой машины, о его чувствахъ, горестяхъ и радостяхъ душевныхъ, о его отношеніяхъ къ барину, какъ къ человѣку же, какъ это становится принято въ иныхъ домахъ хорошаго тона, или какъ прикидываются, что оно принято. Не думаю, чтобы мы въ сущности когда-либо дошли до этого верха безобразія.

Все вышесказанное далеко не ново; но я записываю, какъ живое преданіе, какъ образцы мыслей чувствъ и мнѣній, дошедшіе до родителей моихъ, непосредственно отъ современниковъ и дѣйствовавшихъ лицъ, а не какъ *возстановленіе заднимъ числомъ* духа эпохи по документамъ всякаго рода, даже по памфлетамъ и доносамъ, что̀ случается встрѣчать слишкомъ часто въ сочиненіяхъ, даже научныхъ. Карамзинъ говаривалъ отцу моему не разъ, какъ надо быть осторожнымъ въ оцѣнкѣ лицъ и событій прошлаго времени, остерегаться собственнаго увлеченія при изученіи современныхъ описаній и одностороннихъ разсказовъ, а надо принимать во вниманіе совокупность показа-

ній и глубоко укоренившійся общій взглядъ на лица и на событія, когда этотъ взглядъ *переходитъ въ сознаніе народное*. Карамзинъ говорилъ ему, напримѣръ, что хотя точныхъ доказательствъ нѣтъ противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія царевича Димитрія, однако у него полное внутреннее убѣжденіе въ его соучастіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулся мыслью, что не можетъ остаться осужденнымъ во мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, историческое лицо, оклеветанное *невинно*. Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассаціонный судъ, который разбираетъ *инстинктивно* дѣла прошедшихъ временъ (своего народа, разумѣется) и что есть великая историческая правда, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, правда Божія, возстановляющая честь и невинность тѣхъ дѣятелей, которыхъ имена пострадали только отъ страстей и злобы, или отъ предразсудковъ современниковъ, и что, по словамъ Іоанна Миллера, die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht *).

Такъ точно и въ обратномъ отношеніи, Карамзинъ почиталъ чистыми и достойными тѣ лица, которыя, какъ Димитрій Донской, какъ Скопинъ Шуйскій, какъ Пожарскій, какъ Мининъ, оставили свѣтлую и святую память по себѣ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не смотря на современныя одиночныя обвиненія, Карамзинъ (осуждать котораго теперь въ модѣ) понималъ всю увлекательность *исторической находки*, открытія новаго документа; но онъ крайне осторожно обращался съ такими открытіями, тщательно сравнивая и критически разбирая каждое изъ нихъ; потому что на задачу историка онъ смотрѣлъ, какъ на великое, святое служеніе истинѣ и отечеству, требующее безпристрастія и обдуманности судьи, ставящаго окончательно на видъ всю совокупность показаній, уликъ и моральнаго убѣжденія въ дѣлѣ, представляемомъ къ приговору этого великаго суда присяжныхъ—потомства: потомства, которое не должно подкупать, льстя его минутнымъ страстямъ, ни обольщать блескомъ и увлекательностью изложенія.

(1870).

(Съ дозволенія графини А. Д. Блудовой перепечатано вновь изъ журнала «Заря“ 1871 и 1872 годовъ).

---

*) Всемірная исторія есть всемірное судьбище.

Фото-гравюра Шерерь Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

III. *)

Положеніе наше на Кавказѣ въ 1856 году.—Реорганизація военнаго управленія.—Выборъ главныхъ начальствующихъ лицъ.—Очеркъ начавшейся, послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, военной дѣятельности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о военной дѣятельности князя Барятинскаго, въ періодъ его главнаго командованія Кавказскою арміею, считаю необходимымъ бросить взглядъ на положеніе наше на Кавказѣ въ это время. Край былъ раздѣленъ, по мысли князя Барятинскаго, на пять главныхъ отдѣловъ. Сѣверная часть Кавказа, омываемая Кубанью съ одной и берегомъ Чернаго моря съ другой стороны, составляла правое крыло Кавказской линіи; другая часть, между Терекомъ и Андійскимъ хребтомъ (значительнѣйшая вѣтвь главнаго хребта) составляла лѣвое крыло. Пространство на Востокѣ отъ послѣдняго, между рѣками Сулакомъ и Самуромъ, омываемое берегомъ Каспійскаго моря съ Сѣвера и простирающееся до главнаго Кавказскаго хребта, составляло Прикаспійскій край (Дагестанъ); а за Кавказомъ, между Нухой и верховьями Алазани и Аргуна, по южному подножью главнаго хребта, тянулась такъ называемая Лезгинская кордонная линія. На Западѣ же Закавказье, по Абхазскому берегу Чернаго моря, включая южные отроги хребта, съ Цебельдой, Сванетіей, Джигетомъ и пр., образовало управленіе Кутаискаго генералъ-губернатора.

На правомъ крылѣ мы занимали линію по всему теченію Кубани и за этой рѣкой по Лабѣ, частью по Урупу, и одинъ передовой пунктъ на Бѣлой; берегъ же Чернаго моря,

*) См. XII,ю книжку „Русскаго Архива“ 1888 года.

какъ уже разсказано выше, во время войны съ Турками и ихъ союзниками, отъ нашихъ укрѣпленій былъ очищенъ. Всѣ Черкескія племена, численностью до 400,000 душъ, оставались независимыми; для ихъ покоренія, вообще, рѣшительныхъ мѣръ предпринято еще не было, и дѣйствія 1830-хъ годовъ прочныхъ слѣдовъ не оставили. Все достигнутое нами на Западномъ Кавказѣ, до границъ Абхазіи, можно было назвать лишь стѣсненіемъ горцевъ въ пользованіи значительной полосой земли на плоскости между Кубанью и Лабой, что ограничивало въ нѣкоторой степени возможность крупныхъ набѣговъ на наши поселенія.

На Лѣвомъ крылѣ Затеречное пространство, до подножія Черныхъ горъ, между Владикавказомъ и крѣп. Воздвиженскою на Аргунѣ, было въ нашихъ рукахъ; оно прикрывалось рядомъ казачьихъ станицъ по Сунжѣ и линіею укрѣпленныхъ постовъ вдоль подошвы горъ. Враждебное населеніе этой части страны (Малая Чечня) выселилось за Сунжу въ труднодоступныя ущелья Черныхъ горъ и не переставало постоянно тревожить насъ хищническими вторженіями. На пространствѣ же отъ крѣп. Воздвиженской на Востокъ до предѣловъ Салатавіи въ Дагестанѣ (Большая Чечня), хотя и были достигнуты значительные успѣхи, особенно въ періодъ дѣйствій 1850—1853 годовъ, когда проложеніе въ разныхъ направленіяхъ широкихъ просѣкъ открыло намъ свободный доступъ въ глубь Чечни и на столько стѣснило ея населеніе въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, что оно вынуждено было начать выселенія къ намъ; но о полномъ овладѣніи этою обширною частью страны и покорности ея жителей можно было строить предположенія лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Для связи Лѣваго крыла съ сосѣднимъ Дагестаномъ, чрезъ Кумыкскую плоскость, у подножія Качкалыковскаго хребта, мы имѣли укрѣпленія: Куринское, Герзель-аулъ, Хасавъ-юртъ и Внезапную, построенную еще Ермоловымъ въ 1819 году; а на Сулакѣ—Чиръ-юртъ, входившій уже въ раіонъ Прикаспійскаго края.

Отъ Чиръ-юрта черта, разграничивавшая насъ съ главною массою непокорныхъ племенъ, проходила на укрѣпленія: Евгеніевское, Темиръ-ханъ-шуру, Ишкарты, Аймяки, Ход-

жалъ-Махи, Казикумухъ до Ахты, на верховьяхъ Самура. Линія эта, весьма слабая по условіямъ мѣстности и необезпеченная ни естественнымъ рубежемъ, ни выдвинутыми впередъ укрѣпленными пунктами, мало прикрывала Прикаспійскую плоскость отъ вторженій горцевъ, тѣмъ болѣе при сочувствіи здѣсь сплошнаго мусульманскаго населенія мюридизму, и вызывала въ продолженіи каждаго лѣта сборы особыхъ отрядовъ, для охраненія плоскости. Прежнія нѣсколькилѣтнія дѣйствія для овладѣнія непріятельскими укрѣпленными аулами (Гергебиль, Салты, Чохъ), стоившія большихъ жертвъ, не имѣли никакого результата.

Что же касается до Лезгинской линіи, цѣль которой была защищать Грузію отъ нападеній Лезгинъ, то, не взирая на всѣ старанія наши, она почти не оправдывала своего назначенія, и еще въ 1854 году (какъ разсказано въ главѣ XX-й I-го тома) вторженіе въ Кахетію Шамиля, плѣненіе княгинь Чавчавадзе и многихъ Грузинъ заставляли иногда опасаться даже за самый Тифлисъ.

Такимъ образомъ, достаточно взгляда на карту непокорной части Кавказа въ 1856 году, чтобы видѣть, какъ далеко мы были не только отъ окончательнаго покоренія враждебныхъ горцевъ, составлявшихъ около милліона душъ, но даже отъ прочнаго обезпеченія нашихъ собственныхъ предѣловъ противъ набѣговъ, разоренія и возмущенія покорнаго мусульманскаго населенія. Горцы были еще слишкомъ слабо стѣснены; они владѣли еще достаточнымъ количествомъ удобныхъ земель, чтобы существовать безъ особой нужды. Наши блокадныя линіи были мало удовлетворительны, и хотя на Кавказѣ содержалась армія въ 250 тысячъ человѣкъ (кромѣ прикомандированныхъ на время войны съ Турціею), но, при линіи передовыхъ укрѣпленій на пространствѣ болѣе 600 верстъ на одномъ восточномъ театрѣ дѣйствій, войскъ не хватало иногда для самыхъ важныхъ, неотложныхъ дѣйствій, примѣромъ чему можетъ служить разсказанный въ главѣ XVIII-й I-го тома эпизодъ, вынудившій кн. Барятинскаго даже оставить свой постъ начальника Лѣваго фланга. Впрочемъ, нельзя умолчать, что не одинъ недостатокъ войскъ и матеріальныхъ средствъ были причиною такого

положенія нашего на Кавказѣ: недостатокъ прочно выработанной системы дѣйствій, для достиженія ясно опредѣленной цѣли, колебанія, непослѣдовательность предпринимаемыхъ мѣръ, были также не меньшимъ поводомъ неудовлетворительности достигнутыхъ въ теченіи 57 лѣтней борьбы результатовъ.

Наиболѣ нужнымъ, послѣ назначенія главнокомандующимъ, князь Барятинскій считалъ — осуществленіе реорганизаціи всего военнаго управленія на Кавказѣ. Это было однимъ изъ наиважнѣйшихъ условій успѣха въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ.

Я уже упоминалъ, что, еще бывши начальникомъ Лѣваго фланга [1]), князь Барятинскій установилъ свой взглядъ на систему, которой слѣдовало бы держаться для достиженія цѣли. Еще въ 1852 году составилъ онъ обширную записку объ устройствѣ военныхъ управленій на Кавказѣ, сообразно съ мѣстными условіями, и приписывалъ этому успѣшный ходъ водворенія Русскаго владычества въ краѣ [2]). Записку эту князь, по дружественному расположенію, сообщилъ Слѣпцову, а тотъ доложилъ объ ней князю Воронцову, который и потребовалъ ее отъ князя Барятинскаго. Однако

---

[1]) Покойный генералъ-адъютантъ баронъ А. Е. Врангель разсказывалъ пишущему эти строки, что въ 1853 году, когда баронъ пріѣхалъ на Лѣвый флангъ для замѣщенія кн. Барятинскаго, послѣдній развивалъ предъ нимъ свои мысли о системѣ дѣйствій для покоренія Кавказа, и эта система буквально была примѣнена княземъ по назначеніи его главнокомандующимъ.

[2]) Тогда же онъ составилъ еще и другую записку объ упрощеніи управленія въ арміи вообще. Изъ сохранившейся собственноручной замѣтки фельдмаршала видно, что эта записка послужила гораздо позже основаніемъ той части военной реформы Д. А. Милютина, въ силу которой были упразднены корпуса и бригады. Впослѣдствіи, когда возникли нареканія за упраздненіе корпусовъ, графъ Милютинъ ссылался на то, что это была мысль князя Барятинскаго, а не его. Но дѣло въ томъ, что князь Барятинскій выразилъ свой взглядъ въ общихъ чертахъ, безъ разработки подробностей, полагая, что онъ будетъ еще обсуждаться цѣлымъ комитетомъ компетентныхъ военныхъ людей и можетъ подвергнуться измѣненіямъ,—а главное—князь, находя въ мирное время излишними корпусныхъ командировъ, не упразднялъ однако главнокомандующихъ арміею, т. е. не лишалъ ихъ правъ и значенія, этому высокому званію присущихъ, какъ это было сдѣлано при реорганизаціи арміи въ 60-хъ годахъ (Повторяю слова собственноручной замѣтки фельдмаршала).

хода ей не было дано. Въ 1855 году записку потребовалъ генералъ Муравьевъ, и князь представилъ ее съ нѣкоторыми дополненіями, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ. Но опять хода ей дано не было, оба раза, какъ оказалось послѣ, вслѣдствіе недоброжелательныхъ происковъ и зависти.

Съ восшествіемъ на престолъ, императоръ Александръ II самъ потребовалъ эту записку, обратилъ на нее особое вниманіе и передалъ для подробнаго разсмотрѣнія и доклада военному министру. Князь Долгоруковъ, опровергая основательность предположеній князя Барятинскаго, имѣлъ по этому поводу съ нимъ личное совѣщаніе, и когда ему княземъ была доказана несостоятельность его опроверженій, военный министръ долженъ былъ признаться, что руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Милютинъ. Чтобы облегчить военному министру трудъ по составленію доклада Государю, князь Барятинскій просилъ познакомить его съ генер. Милютинымъ. Послѣ первыхъ же объясненій, Д. А. Милютинъ отказался отъ *внушенной ему генераломъ Вольфомъ* точки зрѣнія, нашелъ предположенія князя непогрѣшимыми и, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ, принялъ должность начальника главнаго штаба на Кавказѣ. (Переписка князя съ Д. А. Милютинымъ по поводу назначенія помѣщена въ Приложеніи). Такимъ образомъ, осуществились наконецъ предположенія князя Барятинскаго, послужившія краеугольнымъ камнемъ послѣдующаго грандіознаго успѣха.

Существовавшее до того времени военное раздѣленіе Кавказа основывалось на потребностяхъ давно минувшей эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ, или наказаніе хищныхъ обществъ, не составлявшихъ еще ничего сплоченнаго. Съ тѣхъ поръ мелкія враждебныя племена слились въ одинъ общій союзъ на восточномъ Кавказѣ, а на западномъ образовали нѣсколько конфедерацій; непріятель вездѣ сталъ сильнѣе каждаго изъ противупоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, связанныхъ между собою только властью удаленнаго отъ театра войны главнокомандующаго. Отдѣльные и слабые раіоны подвергались дѣйствительной опасности при вторже-

ніи значительнаго непріятельскаго скопища, возмущавшаго туземное населеніе; потому-что не всегда можно было разсчитывать на своевременность сборовъ и даже на совершенную готовность въ помощи сосѣдняго военнаго начальника, предоставленнаго собственному произволу и занятаго своими мѣстными дѣлами. При наступательныхъ дѣйствіяхъ оказывались тѣже самые недостатки раздробленія власти. Нельзя было предпринять никакой значительной операціи силами одного раіона; надобно было брать войска изъ раіоновъ сосѣднихъ, парализуя совершенно эти послѣдніе на все продолженіе операціи. Мѣстные начальники, располагая недостаточными средствами, никогда не могли пользоваться обстоятельствами. Власть, предоставленная командующему войсками Кавказской линіи, на дѣлѣ оказывалась совершенно безполезною,—во первыхъ, потому, что онъ былъ удаленъ отъ главныхъ театровъ войны столько же, какъ и самъ главнокомандующій; во вторыхъ, потому, что съ того времени, какъ мюридизмъ возжегъ ожесточенную войну на восточномъ Кавказѣ и придалъ ей единство, подставляя нашимъ ударамъ одно слитое тѣло, соединеніе подъ одною мѣстною властью военныхъ дѣйствій за Терекомъ и за Кубанью утратило всякій смыслъ. Война на восточномъ и западномъ Кавказѣ приняла весьма различный характеръ; цѣли наши и образъ дѣйствій въ той и другой странѣ стали совсѣмъ иные. Въ тоже время война въ восточныхъ горахъ требовала единства дѣйствій; а между тѣмъ командующій войсками на линіи, управляя всѣми дѣйствіями на западномъ Кавказѣ, управлялъ только одною третью дѣйствій на восточномъ, потому что Прикаспійскій край и Лезгинская линія не были ему подчинены. Черноморія, вслѣдствіе дурнаго управленія, находилась въ неудовлетворительномъ положеніи; а западные противники наши, не взирая на недавно заключенный въ Парижѣ миръ, сооружали экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря для снабженія горцевъ оружіемъ и порохомъ, для водворенія среди нихъ разныхъ эмиссаровъ и авантюристовъ. Послѣдствіемъ такого положенія вышло, что на практикѣ, при увеличившемся размѣрѣ военныхъ дѣйствій, за командующимъ войсками на Кавказской линіи осталась одна хозяйственная

часть и, кромѣ рѣдкихъ вмѣшательствъ съ его стороны, управленіе войною и краемъ перешло къ начальникамъ раздробленныхъ раіоновъ. Вся группа враждебныхъ горъ окружилась съ нашей стороны поясомъ мелкихъ командованій, не имѣвшихъ никакой самостоятельности. Неудобство такого порядка чувствовалось давно. Еще въ 1847 году нашли необходимымъ соединить подъ одною властью Прикаспійскій край, раздѣленный до того времени между двумя начальниками—южнаго и сѣвернаго Дагестана. Но другія части края, имѣвшія такое же военно - топографическое единство, какъ и Прикаспійскій край, остались раздробленными.

Приступая къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, надобно было, прежде всего, сосредоточить власть въ рукахъ нѣсколькихъ высшихъ начальниковъ, по естественному географическому дѣленію Кавказа, и предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ средства подчиненнаго имъ раіона.

Такимъ образомъ, страны и войска вокругъ восточной группы горъ были раздѣлены на три отдѣла: Лѣвое крыло Кавказской линіи, Прикаспійскій край и Лезгинскую кордонную линію. Начальство въ мѣстностяхъ, облегающихъ западный Кавказъ, распредѣлено между двумя главными начальниками: сѣверная сторона, заключающая въ себѣ бассейнъ Кубани, составила Правое крыло Кавказской линіи; изъ земель, лежащихъ на южномъ склонѣ горъ, отъ Сурамскаго хребта до Чернаго моря, образовано Кутаисское генералъ-губернаторство. Каждый изъ этихъ большихъ самобытныхъ раіоновъ имѣлъ свои рѣзко-отличительныя климатическія и мѣстныя условія, особое основаніе военное и продовольственное, и передъ собой — отдѣльный военный театръ, пока, съ дальнѣйшими успѣхами, направленныя съ разныхъ сторонъ наши войска не сошлись въ сердцѣ побѣжденныхъ горъ. Каждый главный начальникъ получилъ достаточныя средства для самостоятельнаго образа дѣйствій. Послѣдствія, какъ теперь очевидно, вполнѣ оправдали эту мѣру.

Необходимость поспѣшить сосредоточеніемъ власти была причиною, что мѣста командующихъ войсками были созданы ранѣе, чѣмъ могла быть обработана полная система учреж-

деній, истекавшихъ изъ новаго раздѣленія Кавказа. По обширности и разнообразію отдѣловъ, ввѣренныхъ командующимъ войсками, надобно было дать имъ помощниковъ, которые состояли бы во главѣ подраздѣленій края, командуя войскомъ и управляя народомъ. Для командующихъ войсками надобно было создать штабы, въ началѣ еще не организованные, и связать ихъ общею системою съ главнымъ военнымъ управленіемъ; устроить, на новыхъ основаніяхъ, части артилерійскую и инженерную; установить народное управленіе, примѣняя къ дѣлу опытъ, пріобрѣтенный нами въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ туземцами. Наконецъ, сообразно новому устройству отдѣловъ, слѣдовало уравновѣсить главное управленіе арміей такъ, чтобы силы различныхъ частей его соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ и теченію дѣлъ въ каждомъ отдѣлѣ, постоянно примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, которыя столь рѣзко отличали наше военное положеніе на Кавказѣ отъ общаго положенія военныхъ силъ въ Имперіи. Новая система управленія Кавказскою арміею должна была обнять всѣ части, прикосновенныя къ ней, и перестроить ихъ по одному общему плану.

Этотъ обширный трудъ былъ совершенъ въ относительно-небольшой промежутокъ времени, благодаря настойчивости князя Барятинскаго и просвѣщенной энергіи его начальника штаба Д. А. Милютина. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ мелкія подробности всѣхъ этихъ организацій, требовавшихъ однако много труда и сообразительности; но особенно остается указать на устройство весьма практическаго управленія туземнымъ населеніемъ. Были созданы округа, съ начальниками, которымъ подчинялись и войска; а командующіе войсками въ дѣлахъ, до гражданскаго населенія относившихся, облечены правами генералъ-губернаторовъ. Средства для устройства туземцевъ и устраненія непредвидѣнныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ имѣлись всегда подъ рукой; наконецъ, въ Тифлисѣ учреждено особое горское управленіе, вѣдавшее всѣми дѣлами, относившимися къ мусульманскимъ покорнымъ племенамъ.

Послѣ осуществленія предположеній о новомъ раздѣленіи военнаго управленія, само собою, нужно было озаботиться выборомъ лицъ для главныхъ командованій. Князь Барятинскій выказалъ въ этомъ случаѣ одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые свойственны только дѣйствительно умнымъ государственнымъ людямъ. Умѣніе выбирать себѣ помощниковъ, умѣніе отдавать должное по заслугамъ и кстати награждать, качества неоцѣнимыя, къ сожалѣнію рѣдко встрѣчаемыя. Особенно удачны были первыя два назначенія: Д. А. Милютина начальникомъ главнаго штаба и Н. И. Евдокимова командующимъ войсками Лѣваго крыла. При помощи перваго только и можно было съ такимъ успѣхомъ въ короткое время довести всю организацію до требуемаго обстоятельствами положенія и давать ходъ всѣмъ обширнымъ предначертаніямъ, долженствовавшимъ повести къ быстрому, никѣмъ непредвидѣнному, неожидаемому, блистательному концу. Только при помощи втораго можно было достигнуть тѣхъ изумительныхъ успѣховъ, которые привели, менѣе чѣмъ въ три года, къ прекращенію войны на восточномъ Кавказѣ. Какъ геніальна была мысль вести главные удары противъ непріятеля именно изъ Чечни, предоставивъ другимъ раіонамъ лишь роль вспомогательную, такъ геніальнымъ былъ выборъ для этого ген. Евдокимова, оказавшагося настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ. Всѣ давно знали его за способнаго, изучившаго край и туземцевъ генерала, но никто не оцѣнивалъ его такъ высоко, чтобы считать способнымъ на первенствующую роль въ исполненіи грандіознаго плана; только князь Барятинскій, хотя и очень мало вмѣстѣ служившій съ Евдокимовымъ, угадалъ въ немъ именно того человѣка, какой былъ нуженъ въ данный періодъ дѣйствій. Какъ князь Воронцовъ не ошибся въ назначеніи въ 1851 году на Лѣвый флангъ князя Барятинскаго, такъ въ свою очередь не ошибся князь Барятинскій въ назначеніи туда Евдокимова. Всѣ остальныя назначенія, если не такъ ярко выражались въ результатахъ, какъ вышеприведенныя два, все же были соотвѣтствующими даннымъ потребностямъ и представляли выборъ всего лучшаго, что въ то время можно было найти.

Сосредоточеніе власти и устройство систематическаго управленія въ пяти главныхъ отдѣлахъ Кавказа положило начало порядку вещей, при которомъ устранилось главное затрудненіе, препятствовавшее до сихъ поръ достиженію правительственныхъ цѣлей на Кавказѣ, именно чрезвычайное разнообразіе Кавказа, при которомъ никакая мѣра не могла быть одинаково пригодною для всѣхъ его частей; а между тѣмъ въ подраздѣленіяхъ края, при всеобщемъ раздробленіи управленія, не было ни властей, облеченныхъ достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы исходатайствовать исключительныя мѣры, соображенныя съ мѣстными обстоятельствами, ни органовъ для того, чтобъ привести эти мѣры въ исполненіе. Поневолѣ главное управленіе должно было входить въ несвойственныя ему мелочи мѣстной администраціи и, чтобы не спутаться въ своихъ мѣрахъ, должно было держаться однообразной системы, жертвуя дѣломъ формѣ.

Съ самаго прибытія князя Барятинскаго въ Тифлисъ, на всемъ Кавказѣ закипѣла энергическая дѣятельность, не только военная, но и гражданская. Само собою, военной пришлось посвятить болѣе вниманія и времени; она не могла не составлять главной заботы и по самой сущности, и по тому еще, что необходимо было воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ прибывшихъ изъ Россіи на время войны съ Турціею 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, пребываніе которыхъ тамъ, и то лишь послѣ настойчивыхъ ходатайствъ князя, было отсрочено Государемъ не далѣе какъ до осени 1859 года *).

Поэтому нахожу болѣе удобнымъ сначала вести разсказъ о военныхъ событіяхъ за время главнаго командованія князя Барятинскаго, а затѣмъ уже обратиться къ гражданской дѣятельности его, какъ намѣстника.

Въ теченіе всего этого времени князь Александръ Ивановичъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ, часто писалъ Государю письма, на которыя покойный Императоръ всегда отвѣ-

---

*) Изъ переписки тогдашняго военнаго министра Сухозанета съ княземъ А. И. Барятинскимъ можно видѣть, съ какимъ трудомъ было достигнуто это разрѣшеніе.

чалъ собственноручно. Переписка эта (по французски)—цѣнный матеріалъ, особенно для характеристики князя Барятинскаго и вообще того времени. Но не слѣдуетъ забывать, что отъ 1856—1863 годовъ насъ раздѣляетъ еще слишкомъ незначительный періодъ времени, чтобы подобные документы могли увидѣть свѣтъ. Обстоятельство это ставитъ біографа въ крайнее затрудненіе, лишая употребленія самыхъ лучшихъ красокъ для портрета.

Назначеніе князя Барятинскаго состоялось послѣ трехлѣтняго перерыва наступательныхъ дѣйствій въ горахъ, вынужденнаго Восточною войною. Во все это время вниманіе правительства и силы Кавказскаго корпуса были устремлены на внѣшнія дѣла. Главною задачею новаго главнокомандующаго было употребить всѣ усилія, чтобы искоренить внутренняго врага изъ нѣдръ Кавказа.

Предшествовавшая война разъяснила наше положеніе на Кавказѣ и доказала очевидно, что оно всегда будетъ шатко, наши средства для заграничной Азіатской кампаніи недостаточны, законное вліяніе Россіи на сопредѣльныя мусульманскія государства слабо, пока мы не подавимъ образовавшійся въ нашемъ тылу союзъ непокорныхъ горскихъ племенъ и не утвердимъ, посредствомъ прочныхъ удобныхъ путей сообщенія, связи Закавказскаго края съ Россіею. Этому до князя Барятинскаго никто не придавалъ такого важнаго значенія; онъ же настойчиво ходатайствовалъ, какъ уже упомянуто, и у Государя, и у Великаго Князя генералъ-адмирала, постоянно развивая мысль, что не только для войны съ горцами, но и для всего нашего положенія на Востокѣ это предметъ первостепеннаго значенія. Съ другой стороны, окончившаяся война произвела замѣтное колебаніе въ умахъ горцевъ, ждавшихъ отъ нея полнаго торжества враговъ Россіи и разочаровавшихся.... Имъ опять приходилось бороться однимъ, не видя конца ряду своихъ жертвъ. Но это впечатлѣніе не могло охладить надолго такихъ воинственныхъ людей, еслибъ имъ дали отдохнуть и собраться съ силами. По обѣимъ причинамъ, надобно было немедленно открыть наступленіе, вести его самымъ рѣшительнымъ образомъ и смотрѣть на

Кавказскую войну не какъ на домашнее дѣло, но какъ на войну.

Въ Петербургѣ какъ будто не хотѣли понять это: ссылаясь на бѣдственное финансовое положеніе, требовали экономіи и крайняго ограниченія расходовъ, достижимаго, конечно, лишь сокращеніемъ числа войскъ; а безъ нихъ опять война длилась бы безконечно и, при первомъ столкновеніи съ Западомъ мы опять очутились бы въ безвыходномъ положеніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи и изъ различныхъ писемъ, которыя читатель найдетъ въ приложеніяхъ, будетъ ясно видно, до чего доходили эти настаиванія и съ какою энергическою твердостью князь Барятинскій ихъ устранялъ, въ чемъ и кроется главнѣйшимъ образомъ его великая заслуга предъ государствомъ. „N'oubliez pas dans la haute position où ma confiance vous a placé, que le pays et les troupes, qui sont sous vos ordres, font partie de la grande patrie, et en ayant en vue leur bien-être, ne perdez pas de vue le bien général", писалъ между прочимъ Государь, дѣлая князю выговоръ за пререканія съ военнымъ министромъ. И все таки князь Александръ Ивановичъ настоялъ на своемъ и достигъ великой цѣли— упрочить Кавказъ за Россіею.

Первые удары князь Барятинскій считалъ необходимымъ обратить противъ восточной группы непокоренныхъ горъ, наиболѣе угрожавшей нашему тылу. Изъ семи пѣхотныхъ бригадъ, составлявшихъ до 1856 года отдѣльный Кавказскій корпусъ, шесть были постоянно обращены противъ этой части непріятеля, что́ ясно доказывало его относительную важность. Западные горцы не слились еще въ одинъ общій союзъ, и страна ихъ лежала въ углу Кавказа, между Русскимъ населеніемъ линіи и Грузинскимъ населеніемъ, управленія Кутаисскаго генералъ-губернатора. Адыги (Черкесы), занимая морской берегъ, могли имѣть сношенія съ внѣшними врагами, этимъ они были опасны; но за то, окруженные сплошною массою христіанскаго населенія, они не могли никого возмутить вокругъ себя, и для насъ были вредны только ихъ хищническіе набѣги. Восточные же горцы образовали одно политическое тѣло, угрожали ближнимъ сосѣдствомъ Военно-грузинской дорогѣ, нашему единственному

сообщенію чрезъ горы и, своимъ центральнымъ положеніемъ посреди мусульманскаго народонаселенія, составляли для насъ дѣйствительную опасность, которая чувствовалась всего болѣе во время внѣшней войны. Поэтому нужно было направить первый ударъ противъ мюридовъ восточнаго Кавказа, не щадя жертвъ и соразмѣряя усилія съ потребностями войны; а противъ западныхъ горъ оставить, до низложенія Шамиля, только необходимое число войскъ и сообразовать тамъ покуда наступательныя дѣйствія съ ограниченными средствами наличныхъ силъ. Послѣдствія блистательно оправдали такой взглядъ.

Новое раздѣленіе Кавказа, послѣдовавшее въ Августѣ 1856 года, придало главнымъ военнымъ отдѣламъ достаточную самостоятельность для веденія войны своими собственными силами, не занимая ихъ изъ сосѣднихъ отдѣловъ. Прикомандированныя дивизіи 13-я и 18-я были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 18-я оставлена за Кавказомъ для усиленія войскъ Лезгинской линіи и для производства дорожныхъ работъ, которыя нужно было вести самымъ спѣшнымъ образомъ, пользуясь наступившимъ миромъ, чтобъ не быть поставленными опять въ то критическое положеніе, въ которомъ находился Кавказскій корпусъ въ 1855 году. Два полка 13-й дивизіи расположились на Правомъ крылѣ, гдѣ мѣстныхъ войскъ было недостаточно для наступленія въ предположенныхъ размѣрахъ; два полка на Лѣвомъ крылѣ, откуда войска должны были проложить себѣ дорогу въ глубь горъ. Затѣмъ баталіоны не передвигались уже ежегодно, какъ бывало прежде, изъ одного конца края въ другой.

Тридцатилѣтняя война противъ мюридизма давно уже уяснила относительное положеніе наше и непріятельское. Надобно было только воспользоваться опытомъ. Князь Барятинскій рѣшился нанести непокорнымъ горцамъ главный ударъ съ сѣверной стороны, наступая на нихъ въ тоже время и изъ другихъ предѣловъ.

На Лезгинской кордонной линіи горцы ограждены становымъ хребтомъ Кавказа, чрезъ который сообщеніе существуетъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Забросить нѣкоторыя части войскъ по ту сторону горъ, посреди сплошнаго Лезгинскаго

населенія, было невозможно, пока горскій союзъ не былъ потрясенъ въ основаніи.

Въ Дагестанѣ было настоящее гнѣздо мюридизма. Фанатическое населеніе этой части горъ было совершенно порабощено духовною властью, и потому трудно было ждать, чтобы разложеніе религіознаго союза горцевъ началось съ этой стороны. Покорять же открытою силою одну крѣпость за другою стоило бы чрезмѣрныхъ усилій, какъ это доказали безплодныя экспедиціи десятилѣтняго періода съ 1839 по 1849 годъ. Кромѣ того, чтобы успѣшно наступать въ Дагестанѣ, прежде всего надобно было прочно связать его, для совокупности дѣйствій, съ Лѣвымъ крыломъ, занятіемъ разъединявшей ихъ Салатавіи.

На Лѣвомъ крылѣ, особенно въ пространствѣ, занимаемомъ прежде Лѣвымъ флангомъ, еще при князѣ Воронцовѣ пріобрѣтены были значительные успѣхи. Чеченское племя, населяющее сѣверную сторону горъ и составлявшее половину покорнаго Шамилю народа, хотя самое воинственное изъ горцевъ, далеко не было увлечено въ такой степени, какъ Лезгины, фанатическимъ ученіемъ мюридизма; оно сохраняло гораздо болѣе независимости въ личномъ характерѣ и общественномъ быту и удерживалось въ повиновеніи Имаму больше страхомъ и привычкою, чѣмъ убѣжденіемъ. Успѣхи нашего оружія должны были сильнѣе отозваться въ этомъ шаткомъ населеніи и отторженіемъ Чеченскихъ обществъ одного за другимъ отъ Шамиля глубоко потрясти весь союзъ мюридизма. Посредствомъ методическаго наступленія мы должны были прорубиться сквозь лѣса, составляющіе всю силу Чечни, и выйти, по другой сторонѣ ихъ, въ глубь горъ, гдѣ и жители не такъ воинственны, и искусственныхъ преградъ меньше; этимъ движеніемъ мы заходили въ тылъ крѣпостямъ, которыми горцы оградили свои предѣлы съ восточной стороны.

По этимъ соображеніямъ былъ опредѣленъ планъ дѣйствій: со стороны Прикаспійскаго края прежде всего прочно утвердиться въ Салатавіи, чтобы связать стратегически Дагестанскія и Чеченскія войска и имѣть опорный пунктъ въ самыхъ горахъ; со стороны Лезгинской линіи ежегодно разорять непокорныя общества и довести ихъ къ рѣшительной

минутѣ до безсилія; со стороны Лѣваго крыла овладѣть плоскостью и оттуда, съ значительными силами, ворваться въ глубь горъ; совершать это всякое лѣто и зиму, сколько позволятъ силы наличныхъ войскъ, приготовляя въ каждомъ текущемъ походѣ точку отправленія для слѣдующаго.

Предпринимая покореніе горъ, надобно было отказаться отъ методическихъ привычекъ предшествовавшаго періода: строить города на всякой вновь занимаемой позиціи, послѣдствіемъ чего бывало только продолжительное бездѣйствіе и изнуреніе войскъ, исключительно занятыхъ работами, и создавать искусственные важные пункты, которые потомъ было жаль бросить для новаго движенія впередъ, разсчитывая, чего они стоили. Князь Барятинскій рѣшился принять другой образъ дѣйствій: основываться прочно только на пунктахъ особенно важныхъ, за которыми остается военное и административное значеніе и послѣ покоренія горъ; въ пунктахъ же, занимаемыхъ временно въ военныхъ видахъ, устраивать укрѣпленные лагери, — валъ съ пушками, — и посреди располагать войска въ баракахъ, Алжирскихъ домикахъ, или въ Калмыцкихъ кибиткахъ, вознаграждая неудобства помѣщенія усиленною порціею продовольствія; при первой возможности, занимать новую позицію впереди и, окопавшись на ней, переносить туда подвижныя жилища. Эта система дала намъ возможность ввести въ дѣло массу войскъ, прикованную прежде къ работамъ въ городкахъ и укрѣпленіяхъ и разсчитывать свои шаги впередъ не годами, нужными для устройства прочной осѣдлости, а мѣсяцами.

Князь прибылъ къ арміи глубокою осенью, въ Ноябрѣ 1856 года. Въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи въ этомъ году уже нельзя было предпринять наступленія. Онъ употребилъ войска, занимавшія Лезгинскую линію, на рубку просѣкъ сквозь лѣса, покрывающіе южный склонъ главнаго хребта. Нужно было открыть въ нихъ сообщенія и для движеній въ горы, и для того, чтобы связать между собою оборонительные пункты нашей кордонной линіи, и чтобъ облегчить передовой стражѣ преслѣдованіе качаговъ *). Для

*) Абрековъ, бѣглецовъ-разбойниковъ.

послѣдней цѣли организована вновь, въ большемъ противъ прежняго составѣ, партизанская команда. Въ Прикаспійскомъ краѣ приказано заготовлять матеріальныя средства для устройства въ Салатавіи, будущимъ лѣтомъ, штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Военныя дѣйствія можно было открыть въ теченіи зимы только на Лѣвомъ крылѣ.

Нѣсколькими походами въ глубь Большой Чечни, продолжавшимися съ промежутками отъ начала Декабря до конца Марта 1857 года, генералъ Евдокимовъ докончилъ просѣки, начатыя въ этой странѣ еще въ 1850 году, и раскрылъ Чеченскія дебри широкими путями отъ Воздвиженскаго до Куринскаго и поперекъ—отъ „Русской“ дороги къ Бердыкелю и къ устью Сунжи, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ. При выходѣ Басса изъ горъ устроенъ укрѣпленный Шалинскій лагерь, а въ долинѣ Мичика Хоби-Шавдонское укрѣпленіе. Въ тоже время Кумыкскій отрядъ сбилъ непріятельскія укрѣпленія въ Гойтемиръ-Капу, ограждавшія Аухъ *). Населеніе Чечни было еще оставлено на текущее лѣто въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ просѣки раскрыли страну въ стольких направленіяхъ, съ первою же осенью можно было его принудить къ покорности.

Вообще, за лѣто 1857 года, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ годъ съ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ и за семь мѣсяцевъ съ прибытія его на Кавказъ, были уже достигнуты огромные результаты. Кромѣ вышеуказанныхъ па Лѣвомъ крылѣ, въ Дагестанѣ занята Салатавія, и туда переведена штабъ-квартира Дагестанскаго пѣхотнаго полка; на Правомъ крылѣ занята линія по Адагуму, а Кубанскій пѣхотный полкъ переведенъ на р. Бѣлую въ Майкопъ; водворены три новыя казачьи станицы—одна на Сунжѣ, двѣ на Лабѣ и Урупѣ. На Лезгинской линіи вырублены у подножья хребта широкія просѣки, разработано нѣсколько дорогъ, ближайшіе аулы Лезгинъ въ ущельяхъ главнаго

*) Все это было систематическимъ продолженіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя князь Барятинскій осуществлялъ въ 1851—1853 гг. въ бытность начальникомъ Лѣваго фланга. (См. томъ I, гл. XVII-я и д.).

хребта разорены, и спокойствіе въ Кахетіи значительно обезпечено. Въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ подробно осмотрѣна Сванетія, и приняты мѣры къ ея административному устройству.

А князь Барятинскій все еще не довольствовался достигнутыми результатами. Онъ желалъ, уже во второй половинѣ зимы 1856—57 г., занять Аргунское ущелье. Генералъ Евдокимовъ, 4 Января 1857 года, писалъ князю, что, по его мнѣнію, прежде нужно обезпечить Большую Чечню и Кумыкскую плоскость постройкою укрѣпленій у Автура и на Хоби-Шавдонѣ: тогда главныя силы могутъ быть свободны для движенія въ Аргунское ущелье.

Главнокомандующій согласился съ этимъ вполнѣ основательнымъ мнѣніемъ; но когда г. Евдокимовъ, вмѣсто Автура, устроилъ укрѣпленный лагерь у Шали, то князь этого не одобрилъ и, не взирая на подробное дополнительное объясненіе, было написано Евдокимову 23 Марта 1857 г., что главнокомандующій не убѣдился его доводами, что это противорѣчитъ личнымъ объясненіямъ самого Евдокимова и что Шалинскій лагерь не есть шагъ впередъ.

Такова была настойчивость князя Барятинскаго съ минуты назначенія главнокомандующимъ, и результаты вполнѣ ее оправдали.

Также точно и въ дѣлѣ управленія покорными горцами, которому князь искони придавалъ особое значеніе, онъ самъ слѣдилъ за ходомъ дѣла и направлялъ его съ замѣчательною проницательностью, рѣдко отступая предъ убѣжденіями и ходатайствами даже лучшихъ своихъ помощниковъ. Напримѣръ, 9 Іюля 1857 г., генералъ Евдокимовъ весьма подробно излагалъ свои мысли объ управленіи Кумыками и проводилъ свою излюбленную мысль ввѣрять управленія туземцамъ. Для Кумыковъ онъ предлагалъ князя Хасая Уцміева.

На этомъ письмѣ князь Александръ Ивановичъ собственноручно написалъ: „Передать ли управленіе совершенно въ руки туземцевъ — вопросъ; ибо этимъ можемъ мы удалиться отъ введенія въ будущемъ Русскихъ порядковъ, долженствующихъ служить къ сліянію этого народа съ Россіей,

Отложить рѣшеніе вопроса до вступленія въ должность князя Мирскаго; но Евдокимову объ этомъ не писать, чтобы не оскорбить, а дать дѣлу проволочку. Что же касается до выбора Хасая, то я его не понимаю; ибо я рѣдко видѣлъ человѣка менѣе уважаемаго своими соотечественниками по безхарактерности и извѣстной всему краю трусости. Кромѣ того, онъ человѣкъ алчный, и его опасно допускать къ управленію".

Жаль только, что въ другомъ случаѣ князь уступилъ и согласился на ходатайство генерала Евдокимова назначить начальникомъ Осетинскаго, а впослѣдствіи Чеченскаго округа Мусу Кондухова... Система управленія горцами посредствомъ туземцевъ оказалась вообще несостоятельною.

Однимъ изъ лучшихъ подспорій для яснаго опредѣленія достоинствъ человѣка несомнѣнно служатъ его письма. Въ этомъ отношеніи переписка князя Барятинскаго съ разными лицами—матеріалъ драгоцѣнный: достаточно прочитать ее внимательно, чтобы образъ покойнаго фельдмаршала ожилъ предъ глазами читателя, и вполнѣ обрисовался замѣчательный государственный человѣкъ, съ его, можно сказать, почти непогрѣшимыми взглядами на политическое положеніе государства, на необходимыя для успѣха мѣры, на людей, соотвѣтствовавшихъ въ данное время потребностямъ государственной службы, и т. д.

До какой степени онъ понималъ положеніе Россіи на Востокѣ, какъ онъ предвидѣлъ грядущія событія и указывалъ на важные пункты, требовавшіе особаго вниманія, уже видно отчасти изъ приведенныхъ мною выше указаній его на необходимость развитія пароходства по Волгѣ и Каспійскому морю, на проведеніе рельсоваго пути между Каспійскимъ и Чернымъ морями, на изслѣдованіе Закаспійскаго края и проч. Командировавъ въ 1857 году Д. А. Милютина въ Петербургъ съ проектами военныхъ реформъ, князь Барятинскій возложилъ на него ходатайства и по разнымъ другимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и о желѣзной дорогѣ за Кавказомъ. Это дѣло поручалось особой заботливости Дмитрія Алексѣевича.

Постройку вызывался взять на себя В. А. Кокоревъ съ К°, требуя за это объявить весь Закавказскій край porto-franco, а также отвода разныхъ пустопорожнихъ земель и минеральныхъ копей *). Само собою, кн. Барятинскій не могъ знать финансовой стороны дѣла, не могъ знать средствъ г. Кокорева; но въ виду главной цѣли—имѣть желѣзную дорогу, для связи Закавказья съ Россіей, для возможности быстраго передвиженія войскъ и военныхъ средствъ, для развитія благосостоянія края и усиленія вліянія на Востокѣ, князь считалъ требованія г. Кокорева незначительными. Не слѣдуетъ забывать, что это было время ослабленія Турціи, торжественнаго расположенія къ намъ Наполеона III и возмущенія Сипаевъ въ Индіи, когда можно было положить основанія, во многомъ облегчавшія успѣхъ дѣлъ въ Средней Азіи. Въ Петербургѣ появились въ то время по этому предмету два проекта (одинъ принадлежалъ Н. В. Ханыкову, другой г-ну NN), но князь считалъ ихъ „*данью модѣ*", не только не обѣщающими пользы, но грозящими вредомъ. „По дѣламъ Востока, писалъ князь Д. А. Милютину, чрезвычайно опасаюсь Петербургскихъ умниковъ". Въ его глазахъ единственнымъ практическимъ проектомъ было: покончить съ Кавказской войной, не жалѣя для этого въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ средствъ, затѣмъ развить пароходство по Волгѣ и Каспію и провести желѣзную дорогу чрезъ Закавказье. Недавнія событія показали всю непреложную основательность такого взгляда.

Въ Петербургѣ отнеслись къ мысли поручить Кокореву постройку желѣзной дороги съ ироніей (правильно или нѣтъ иронизировали, судить не могу; хотя если вспомнить исторію съ учредителями Главнаго Общества, Колиньономъ и К°, то не знаю, надъ кѣмъ слѣдовало смѣяться...) Но вѣдь это была частность: кому отдали бы постройку дороги и на какихъ условіяхъ, не относилось къ сущности дѣла; главное, нужно было скорѣе строить и, во всякомъ случаѣ, предпочесть Закавказскую дорогу другимъ, внутри Россіи, въ родѣ Ряжско-Вяземской и т. п., въ свое время остроумно названнымъ дорогами „отъ Дураковки до Болвановки"...

---

*) В. А. Кокореву князь Барятинскій писалъ въ 1857 г. въ Парижъ о прісканіи заграничныхъ капиталовъ для Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ; (см. Экономическіе Провалы, С.-Петербургъ 1887, стр.). 108 П. Б.

Бюрократичный міръ вообще врагъ широкихъ взглядовъ, грандіозныхъ проектовъ; его смущаетъ новая мысль, требующая энергіи для осуществленія: это грозитъ нарушеніемъ соннаго канцелярскаго порядка... Этому міру даже патріотизмъ, чуть онъ заявляетъ себя довольно громко и настойчиво, уже не милъ и кажется опаснымъ. Неудивительно, что многія предположенія князя Барятинскаго встрѣчали или отпоръ, или подъ часъ полуироническія предложенія. Такъ, вмѣсто Закавказской желѣзной дороги, предлагали отъ *Поти до Тифлиса* построить *конножелѣзную дорогу*. И нужно было еще двадцать лѣтъ времени, пока, наконецъ, при энергической настойчивости Великаго Князя Михаила Николаевича, осуществилась мысль князя Барятинскаго, и два Русскія моря связаны рельсовымъ путемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 25 Августа 1856 г. Домъ Вырубова на Тверскомъ бульварѣ.

Милостивый государь Дмитрій Алексѣевичъ. Вчера къ величайшему и неутѣшному моему горю, узнаю я, что вы не будете въ Москву. Кромѣ удовольствія васъ видѣть, лишенъ я еще возможности сдѣлать вамъ лично предложеніе, которое теперь рѣшаюсь передать бумагѣ, хотя въ этихъ случаяхъ особенно бумага весьма слабо замѣняетъ рѣчь; слѣдовательно, не изощряясь въ личномъ краснорѣчіи, приступаю прямо къ дѣлу. Вы знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, сколь высоко я васъ цѣню и сколько бы мнѣ было пріятно сочетать мое военное поприще съ вашимъ. Я на дняхъ просилъ Государя возстановить на Кавказѣ мѣсто начальника главнаго штаба и его помощника, и Государь Императоръ, при изъявленіи согласія, спросилъ меня, кого я желалъ бы имѣть на первомъ изъ этихъ мѣстъ. Я доложилъ Его Величеству, что, не предваривши васъ, не смѣю просить о вашемъ назначеніи, но что буду вамъ тотчасъ же писать объ этомъ. Государь меня сердечно поздравилъ съ выборомъ и сказалъ, что лучшаго сдѣлать не могъ.

Слѣдовательно, остается вамъ теперь рѣшить это дѣло. Я посылаю вамъ нарочнаго курьера, чтобы имѣть скорѣе вашъ отвѣтъ; въ случаѣ вашего согласія, мнѣ бы весьма желательно было видѣть васъ, еще до назначенія, въ Москвѣ. Я отсюда уѣзжаю между 12 и 15 Сентября, и слѣдовательно успѣете до тѣхъ поръ поправиться здоровьемъ. Впрочемъ, я предупредилъ Его Величество о вашемъ нездоровьи и о томъ, что я предлагаю вамъ пріѣхать для личнаго объясненія со мною; такимъ образомъ вы

не будете принуждены выѣзжать въ свѣтъ въ случаѣ, ежели бы ваше здоровье еще бы требовало . . . (не разобрано). Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ и оставляю васъ самихъ судьею, до какой степени ваше согласіе меня обрадуетъ. Примите съ чувствами особаго уваженія къ вамъ и увѣренія сердечной моей преданности.

II. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Милостивый государь князь Александръ Ивановичъ. Получивъ въ минувшую ночь письмо вашего сіятельства отъ 25 числа, поспѣшаю немедленно же отправить мой отвѣтъ съ тѣмъ же нарочнымъ.

Прежде всего позвольте мнѣ, князь, принести вамъ глубокую признательность за лестное для меня ваше мнѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить васъ, что я всегда съ искреннѣйшею радостію готовъ бы стать подъ непосредственное начальство вашего сіятельства, хотя бы и на мѣстѣ менѣе почетномъ, чѣмъ предлагаемое вами. Повѣрьте, что я умѣю цѣнить ваше благосклонное ко мнѣ расположеніе и употребилъ бы всѣ старанія, чтобъ оправдать ваше довѣріе. Достаточны ли мои силы для занятія столь важной и обширной должности—о томъ судить не мнѣ; могу только сказать, что я всегда проникнутъ истиннымъ желаніемъ быть полезнымъ для службы нашего Государя, и что я приложу неограниченное усердіе къ исполненію своихъ обязанностей, на какое бы мѣсто я ни былъ призванъ монаршею волею.

Но самое это чувство священнаго долга, заставляющее добросовѣстнаго слугу устранять всѣ разсчеты личныхъ выгодъ, побуждаетъ и меня въ настоящемъ случаѣ представить на соображеніе вашего сіятельства обстоятельство, которое весьма важно при выборѣ для васъ ближайшаго помощника. Мѣсто начальника штаба на Кавказѣ требуетъ такого человѣка, который, независимо отъ нравственныхъ качествъ, обладалъ бы и необходимыми силами физическими, чтобы выдерживать и усиленную работу кабинетную, и тяжкіе труды боевой жизни. Вамъ извѣстно, какъ мало я удовлетворяю этому условію. Въ бытность мою на Кавказѣ, я уже имѣлъ случай испытать гибельное на меня вліяніе тамошняго климата; въ послѣдніе же годы усиленной служебной дѣятельности я дошелъ было до такого положенія, что отчаявался въ излеченіи. Только самая регулярная жизнь и строгая во всемъ осторожность могутъ поддерживать мое здоровье. Даже и въ нынѣшнее лѣто, при совершенно спокойной жизни, я постоянно почти боленъ—отъ одного вліянія погоды. Болѣзненное мое состояніе, какъ извѣстно вашему сіятельству, лишило меня счастія пріѣхать въ Москву и къ коронаціи, и къ 30-му Августа; и теперь, при всемъ моемъ желаніи неотлагательно имѣть съ вами свиданіе, я не въ состояніи предпринять этого путешествія. Такого ли человѣка нужно вамъ имѣть помощникомъ? Считаю дѣломъ совѣсти убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство, для пользы службы и собственной вашей, обсудить вновь сдѣланный вами выборъ; съ своей стороны я полагаю, что представленное мною соображе-

ніе должно заставить васъ искать другаго человѣка, который могъ бы безъ устали *на многіе годы* оказывать вамъ дѣйствительную подмогу. Безчестно принять на себя званіе и должность, зная впередъ, что не въ силахъ выдержать сопряженнаго съ ними бремени.

Если ваше сіятельство изволите найти себѣ другаго, болѣе надежнаго помощника (въ чемъ я не могу сомнѣваться), то не угодно ли вамъ будетъ поручить кому нибудь (напримѣръ полковнику Карцову) извѣстить меня объ окончательномъ вашемъ рѣшеніи, дабы я не оставался въ тяжкомъ недоумѣніи. Во всякомъ же случаѣ, каково бы ни было это рѣшеніе, я повторяю выраженную мною признательность вашему сіятельству за вниманіе и благосклонность ваши.

1856 года 28 Августа, 9 часовъ утра. Мыза Николаевская.

III. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 31 Августа 1856.

Письмо вашего превосходительства утверждаетъ меня еще болѣе въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что лучшаго выбора я сдѣлать не могу. Скромность и совѣстливость составляютъ вѣрнѣйшій залогъ для начальника, который желаетъ имѣть друга въ помощникѣ. Позвольте васъ увѣрить, Дмитрій Алексѣевичъ, что и я съ своей стороны буду всячески стараться облегчить вамъ трудъ и трудность положенія, предоставляя вамъ выбрать себѣ въ помощники людей по вашему усмотрѣнію и представляя себѣ самому, для моего душевнаго спокойствія и сердечнаго удовольствія, устроить ваше положеніе во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственно вашему слабому здоровью, вашимъ способностямъ, вашимъ заслугамъ и тому положенію, которое вы въ краѣ занимать должны.

Посылаю вамъ, въ видѣ уполномоченнаго посла, капитана Романовскаго, который мнѣ передастъ и получитъ отъ васъ тѣ объясненія, которыя могутъ ускользнуть или трудно передать бумагѣ; онъ довѣренное мнѣ лицо, и смѣю думать, что онъ вполнѣ съумѣетъ заслужить и ваше довѣріе.

IV. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Отъ 18 Октября 1856 г., С.-Петербургъ.

Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что высочайшій приказъ о моемъ назначеніи послѣдовалъ 15-го сего Октября; 20-го же числа полагаю выѣхать изъ Петербурга, и если не встрѣчу въ дорогѣ никакихъ непредвидѣнныхъ остановокъ, то надѣюсь около половины Ноября имѣть честь представиться вашему сіятельству.

При этомъ случаѣ не лишнимъ будетъ доложить вамъ, что относительно генералъ-маіора Индреніуса *) никакого распоряженія въ Военномъ

*) Предмѣстникъ Д. А. Милютина.

Министерствѣ, не дѣлается, и самъ г. министръ, на мой вопросъ по этому предмету, сказалъ мнѣ, что не имѣетъ въ виду никакого о немъ представленія. Поспѣшая явиться къ новой должности, довѣріемъ вашимъ на меня возложенной, я желаю искренно имѣть скорѣе случай заслужить благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе и доказать на дѣлѣ глубокое почтеніе и пр.

Переписка Великаго Князя Константина Николаевича съ княземъ А. И. Барятинскимъ.

(Печатается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества).

1.

(Безъ означенія года и мѣсяца).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, записку поданную мнѣ барономъ Торнау [1]) о значеніи Баку и Каспійскаго моря и соображенія по этому предмету вице-адмирала Метлина. Прошу тебя потрудиться прочесть то и другое и возвратить мнѣ съ твоимъ мнѣніемъ. При свиданіи поговоримъ подробно объ этомъ дѣлѣ, и тогда рѣшимъ окончательно этотъ важный вопросъ. Я старался здѣсь, сколько могъ, помогать Милютину, въ которомъ видѣлъ твоего полномочнаго, и надѣюсь, что онъ былъ мною доволенъ. Онъ привезетъ тебѣ утвержденное Государемъ въ видѣ опыта на три года положеніе объ устройствѣ морской части на Кавказѣ. Надѣюсь въ будущемъ году въ Августѣ или Сентябрѣ побывать у тебя въ гостяхъ. Ожидаю это время съ нетерпѣніемъ, чтобы имѣть случай тебя снова обнять. Твой вѣрный другъ.

2.

Я передъ тобою кругомъ виноватъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что такъ долго не отвѣчалъ; но, передъ предстоящимъ мнѣ отъѣздомъ за границу, меня до такой степени замучили, что это превосходитъ всякое воображеніе. Съ симъ вмѣстѣ я посылаю тебѣ офиціальный отвѣтъ, который могъ бы пойти гулять обыкновеннымъ порядкомъ по канцеляріямъ [2]). Здѣсь же я тебѣ повторю, что Государь *вполнѣ* раздѣлилъ всѣ твои предположенія, о которыхъ ты мнѣ пишешь. Съ Чевкинымъ мы устроили комиссію изъ весьма дѣльныхъ людей для обсужденія Волжскаго вопроса. Къ Баку мы приступимъ, коль скоро ты пришлешь окончательно одобренный тобою проектъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ впередъ утверждаетъ все то, что ты представишь про Баку. Отъ Перовскаго я еще не имѣю отвѣта на счетъ Ново-Петровска.

Крюднеръ получилъ отвѣтъ отъ твоего брата Виктора, въ которомъ онъ, къ сожалѣнію, рѣшительно отказывается отъ должности [3]).

---

[1]) Николай Егоровичъ Торнау, большой знатокъ Кавказа (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта).

[2]) Отъ этого же числа другое, офиціальное письмо или отвѣтъ Великаго Князя князю А. И. Барятинскому см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888, III, 543.

[3]) Завѣдывающаго въ Тифлисѣ морскою частью.

У меня въ головѣ только два имени: 1) капитанъ *Греве*, Черноморскій офицеръ, бывшій въ продолженіе всей кампаніи при Горчаковѣ по особымъ порученіямъ и пріобрѣтшій себѣ репутацію весьма толковаго и дѣльнаго офицера, не смотря на молодость лѣтъ; 2) мой адъютантъ *Стеценко*, котораго ты отчасти узналъ въ Николаевѣ и который долгое время былъ адъютантомъ у Серебрякова. Нынче лѣтомъ онъ былъ моимъ депутатомъ при занятіи Сухума.

Въ заключеніе мнѣ остается тебѣ пожелать отъ души силъ и здоровья для продолженія твоего полезнаго служенія на огромномъ твоемъ поприщѣ. Обнимаю тебя мысленно отъ души и впередъ радуюсь, что, Богъ дастъ, въ Іюнѣ опять увидимся. Сегодня вечеромъ я отправляюсь за границу.

25 Декабря 1856 г.

3.

Ваше Императорское Высочество.

Я имѣлъ счастіе получить милостивое письмо Вашего Императорскаго Высочества отъ 25 Декабря. Извѣстіе объ отъѣздѣ Вашемъ за границу оставило меня подъ двойственнымъ вліяніемъ огорченія и радости: огорченъ я тѣмъ, что отсутствіе Ваше изъ С.-Петербурга всегда вижу съ большимъ сожалѣніемъ; радуюсь поѣздкѣ Вашей за границу, потому что увѣренъ въ пользѣ, которую она во всѣхъ отношеніяхъ принесетъ вамъ и дѣлу общему.

Я до сихъ поръ еще не представляю о портѣ и укрѣпленіяхъ въ Баку, потому что ежедневно по этому предмету ожидаю представленія адмирала Васильева. О Петровскомъ я уже сдѣлалъ представленіе или, лучше сказать, препроводилъ, безъ всякаго сужденія, въ Морское Министерство на разсмотрѣніе нѣсколько проектовъ полковника Тизенгаузена. Морскіе инженеры, по спеціальности своей, лучше обсудятъ этотъ предметъ, нежели здѣсь, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе.

Не могу выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Вашего на Кавказъ. Я намѣренъ отправиться отсюда на Лѣвое крыло въ началѣ Апрѣля мѣсяца, Май пробуду на Правомъ крылѣ и въ Черноморіи, и когда только узнаю положительно о времени Вашего прибытія и о мѣстѣ, гдѣ изволите высадиться, то поспѣшу туда, чтобы встрѣтить Ваше Высочество.

Къ тому только времени можетъ быть окончательно приготовлено соображеніе по предмету присоединенія Астраханской губерніи къ Кавказу, и слѣдовательно поступитъ оно на обсужденіе въ Кавказскій Комитетъ уже по возвращеніи вашемъ въ С.-Петербургъ. Ваше Высочество между тѣмъ на мѣстѣ удостовѣритесь еще болѣе, какъ необходима подобная мѣра и сколько для будущаго благоденствія всего Кавказа и Астрахани соединеніе этихъ двухъ управленій неизбѣжно.

21 Января 1857 г.
Тифлисъ.

4.

(Безъ означенія года и мѣсяца.)

Съ любопытствомъ я читалъ твою интересную записку и совершенно раздѣляю твой взглядъ. Я уже получилъ официальное приказаніе распорядиться средствами Чернаго моря для занятія береговъ; на семъ основаніи я посылаю туда адъютанта моего Стеценку и желаю, чтобъ онъ заѣхалъ сперва къ тебѣ, чтобъ получить отъ тебя изустныя приказанія и наставленія.

5.

24 Іюня 1857 года (С. П. Б.).

По случаю предстоящихъ путешествій Государя въ нынѣшнемъ году, я принужденъ отложить до будущаго года предлагавшуюся поѣздку мою въ Астрахань, на Кавказъ и въ Черное море. Поспѣшая увѣдомить тебя объ этомъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я искренно сожалѣю, что не буду имѣть удовольствія видѣть тебя, и это тѣмъ болѣе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я желалъ поговорить съ тобою о многомъ, по разнымъ важнымъ предметамъ, узнать твое мнѣніе и условиться въ одинаковомъ образѣ дѣйствія. Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того чтобъ выйти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобъ приказанія правительства исполнялись, и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣ-законнымъ средствамъ. Въ тоже время необходимо изыскать новые и при томъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что при томъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи. Ты, любезнѣйшій князь, управляешь, какъ намѣстникъ Государя, цѣлымъ царствомъ; мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобъ отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, неблестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобъ дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять. Посему не о морскихъ побѣдахъ и не о завоеваніяхъ

на Кавказѣ и сопредѣльныхъ странахъ слѣдуетъ думать, не о созданіи вдругъ большаго числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ и не о содержаніи на Кавказѣ многочисленной арміи, на которую мы рѣшительно не имѣемъ денежныхъ средствъ, но о томъ, чтобы безпрерывными плаваніями небольшаго числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ, и о томъ, чтобы усовершенствованіемъ внутренняго управленія вводить на Кавказѣ порядокъ и довольство, не издерживая на то большихъ суммъ, а стараясь сдѣлать изъ управленія Кавказскаго образецъ бережливости и благоустройства. На это нужна не армія, не громкія экспедиціи въ горы, не пышный дворъ падишаха, но выборъ дѣльныхъ людей и скромный образъ дѣйствія. Конечно, блестящій намѣстникъ обратится тогда въ губернатора; но этотъ губернаторъ оставитъ по себѣ имя въ исторіи народовъ, тогда какъ первый присоединится къ ряду тѣхъ предмѣстниковъ, которыхъ имена сохранились только въ званіи улицъ. Глубоко проникнутый этими убѣжденіями, я занимаюсь теперь сокращеніемъ морскаго бюджета и съ грустью предвижу, что придется разстаться съ разными предположеніями на счетъ Каспійской флотиліи и устройства тамъ портовъ. Мы въ состояніи удѣлить туда весьма небольшія суммы, и я думаю, что слѣдуетъ болѣе заботиться о развитіи на Каспіи торговаго судоходства, чѣмъ объ увеличеніи числа военныхъ судовъ.

Вотъ тебѣ, любезный князь, весьма длинное письмо. Не пеняй на меня за нѣкоторыя выраженія и вспомни, что я пишу подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего, что вижу и при горькомъ сознаніи, что я теперь ничто иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота, и который только что видѣлъ свои глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ.

Прощай, Богъ съ тобою; обнимаю тебя отъ души.

6.

10 Декабря 1857 г., Петербургъ.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобъ написать тебѣ нѣсколько строкъ. По предложенію Государя я вызвалъ Ханыкова къ составленію проекта экспедиціи въ Хорасанъ и пригласилъ его принять на себя начальствованіе оною, въ полной увѣренности, что дѣйствую въ твоихъ именно видахъ и что угадалъ твои намѣренія. Посему прошу тебя убѣдительно оказать этому предпріятію самое горячее содѣйствіе, безъ котораго оно не можетъ удасться. Я убѣжденъ, что оно принесетъ самыя важныя послѣдствія, приготовивъ намъ пути къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ на Востокѣ, и потомство не будетъ въ правѣ сказать, что мы сидѣли сложа руки въ то время, когда несчастная Индія борется, чтобы свергнуть ненавистное иго Англичанъ. Ханыковъ везетъ отъ меня письмо къ Достъ-Магометъ-хану. Надѣюсь, что ему удастся лично ему вручить его. Вчера пришло къ намъ извѣстіе объ лихомъ послѣднемъ дѣлѣ Орбельяни, съ которымъ истинно тебя поздравляю. Обнимаю тебя отъ души. Твой вѣрный другъ.

7.

27 Января 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Ваше Императорское Высочество изволите получить вмѣстѣ съ симъ письмомъ особый офиціальный мой отвѣтъ на почтеннѣйшій вашъ рескриптъ по Морскому Министерству относительно Бакинскаго порта. Дозвольте мнѣ дополнить этотъ отвѣтъ нѣкоторыми поясненіями, необходимыми для оправданія моихъ дѣйствій передъ Вашимъ Высочествомъ. Изъ означеннаго рескрипта Вашего я узналъ съ удивленіемъ и не безъ огорченія, что проектъ, представленный мнѣ вице-адмираломъ Васильевымъ, для построекъ на Баиловомъ мысѣ, не былъ отправленъ мною въ Морское Министерство и что работы, начатыя въ Баку, производились безъ вѣдома Вашего. По ближайшемъ пересмотрѣ дѣла, я удостовѣрился, что недоразумѣніе это произошло отъ какой нибудь случайности во время разъѣздовъ моихъ по линіи, когда бумаги пересылались отъ меня въ Тифлисъ и обратно ко мнѣ. Я былъ увѣренъ, что означенное представленіе в.-а. Васильева было отправлено въ Морское Министерство, какъ Ваше Высочество изволите сами усмотрѣть изъ письма, писаннаго мною тогда же изъ Грозной (отъ 19 Апрѣля) и вѣроятно полученнаго Вами за границею. Согласіе же свое на немедленное начатіе работъ въ Бакинскомъ портѣ я далъ вице-адмиралу Васильеву въ томъ соображеніи, что предположенная постройка мастерскихъ казалась мнѣ дѣломъ нетерпящимъ отлагательства и что я считалъ означенное предпріятіе рѣшеннымъ, такъ какъ и суммы на этотъ предметъ были уже отпущены.

Меня сердечно радуетъ мысль о предстоящемъ въ нынѣшнемъ году пріѣздѣ Вашемъ на Кавказъ. Узнавъ отъ генералъ-маіора Милютина о намѣреніи вашемъ посвятить на все сухопутное путешествіе по здѣшнему краю три недѣли, я нѣсколько затруднялся въ составленія маршрута; ибо желалъ бы показать Вашему Высочеству не только лучшія части Кавказа въ отношеніи къ природѣ, но также и тѣ части, которыя заслуживали бы Вашего вниманія, какъ театръ настоящихъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Еслибы Ваше Императорское Высочество соизволили назначить цѣлый мѣсяцъ на все путешествіе со времени высадки въ Баку, то можно было бы провезти Васъ со всѣмъ удобствомъ вдоль Лезгинской кордонной линіи въ Тифлисъ, отсюда во Владикавказъ, далѣе по всей передовой Чеченской линіи, заѣхать въ Аргунское ущелье, въ новыя наши штабъ-квартиры въ Аухѣ и Салатавіи, и затѣмъ чрезъ Чиръ-Юртъ и Червленную выѣхать на большую дорогу въ Екатериноградъ, для возвращенія въ Россію чрезъ Ставрополь. Еще было бы мнѣ пріятнѣе показать Вашему Высочеству рѣку Кубань, на которой я надѣюсь завести въ нынѣшнемъ году пароходъ; но эта поѣздка потребуетъ еще недѣлю времени. Буду ожидать отъ Вашего Высочества окончательныхъ приказаній по этому предмету, и вслѣдъ за симъ буду имѣть счастіе представить вамъ два маршрута: одинъ трехнедѣльный, а другой соглашенный съ возможностью обозрѣнія всего вышеизложеннаго.

Письма А. В. Головнина.

1.

Ганноверъ, 7 (19) Января 1857 г.

Пользуюсь первымъ свободнымъ вечеромъ по моемъ прибытіи сюда, чтобы написать вамъ нѣсколько строчекъ и сообщить, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ измѣнилъ планъ своего путешествія на это лѣто. Его Высочество предполагаетъ остаться Іюнь и Іюль въ Стрѣльнѣ, въ Августѣ уѣхать въ Нижній-Новгородъ, спуститься по Волгѣ и прибыть къ вамъ въ Сентябрѣ, послѣ періода сильной жары; затѣмъ отправится въ Николаевъ въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ вернется въ Петербургъ. Если вы одобряете эту перемѣну плана, прошу васъ написать объ этомъ Великому Князю, чтобы утвердить его въ добрыхъ намѣреніяхъ: онъ питаетъ большое къ вамъ довѣріе и искренно васъ любитъ. Великій Князь и Великая Княгиня чувствуютъ себя прекрасно, и здѣсь полны къ нимъ вниманія. Его Высочество предполагалъ остаться здѣсь двѣ недѣли и затѣмъ ѣхать въ Ниццу, оттуда въ Тулонъ и Парижъ; но этотъ маршрутъ будетъ по всей вѣроятности измѣненъ, такъ какъ графъ Киселевъ извѣщаетъ его изъ Парижа, что во Франціи желаютъ, чтобы его пріѣздъ не совпадалъ съ постомъ, который начинается 25 Февраля. Нужно пріѣхать или прежде или послѣ поста. Великій Князь пробылъ два дня въ Берлинѣ, гдѣ онъ присутствовалъ при интересной церемоніи награжденія нѣсколькихъ кавалеровъ орденомъ Чернаго Орла. Церемонія была дѣйствительно величественная. Король, сидя на своемъ тронѣ, обнималъ новопожалованныхъ кавалеровъ, которые преклоняли предъ нимъ колѣна, и говорилъ каждому, за какія заслуги государству онъ жалуетъ ихъ кавалерами. Между прочимъ онъ сказалъ Мантейфелю: „что онъ спасъ Пруссію и что благодаря только ему король находится въ настоящую минуту на тронѣ; что онъ обладаетъ прекрасной душею, доказательствомъ чего служитъ, что онъ простилъ своимъ врагамъ". Слова эти были произнесены твердымъ и громкимъ голосомъ, и разумѣется, цѣнность награды была сторицею умножена.

Дворъ Ганновера замѣчателенъ своимъ большимъ порядкомъ и приличіемъ. Этой примѣрной организаціей обязаны гофмаршалу де-Малроти, который издалъ книгу объ обязанностяхъ гофмаршала. Эта книга заключаетъ въ себѣ очень полезные совѣты и крайне любопытныя замѣтки на счетъ этикета дворовъ. Кухня короля превосходна и дѣлаетъ честь вкусу гофмаршала. Посылаю вамъ меню нашего сегодняшняго обѣда *).

---

*) *Слѣпой* Ганноверскій король восполнялъ свои невольные досуги удовольствіями стола и разнообразіемъ снѣдей. У него было нѣсколько человѣкъ поваровъ (въ томъ числѣ и Русскій), и для соревнованія между ними печатались ихъ имена при кушаньяхъ на такъ называемыхъ „меню" или росписяхъ снѣдей. Не въ подражаніе ли этому начали и у насъ печатать (и при томъ въ газетахъ) располагающія вкусъ читателей къ тонкимъ яствамъ перечни лакомыхъ блюдъ, только безъ означенія поваровъ? П. Б.

2 *).

Ницца, 24 Марта (5 Апрѣля) 1857.

Великій Князь Генералъ-Адміралъ расчиталъ на дняхъ, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что̀ Его Высочеству нужно нѣсколько измѣнить свой планъ путешествія по Кавказу, а именно вернуться осенью не Чернымъ моремъ, а по Военно-Грузинской дорогѣ и потомъ изъ Петербурга поѣхать на всю зиму въ Николаевъ и Крымъ, гдѣ вѣроятно проведутъ будущую зиму вдовствующая Императрица и Великая Княгиня Александра Іосифовна. Эта перемѣна дастъ Его Высочеству возможность долѣе остаться на Кавказѣ, что̀ особенно пріятно для него.

Послѣдній курьеръ привезъ намъ весьма печальныя извѣстія о нашихъ финансахъ. Повидимому министръ финансовъ ошибся въ своихъ расчетахъ, которыми онъ успокоивалъ правительство въ Декабрѣ. Теперь оказывается, что дефицитъ на нынѣшній годъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ онъ тогда предполагалъ; покрыть его нечѣмъ, и гарантія кредитныхъ билетовъ уменьшилась вдвое. Теперь, по прошествіи четверти года, слѣдуетъ по всѣмъ вѣдомствамъ сократить расходы въ огромныхъ размѣрахъ. Морское министерство получитъ пятью милліонами р. сер. менѣе того, что̀ уже было ему ассигновано, т. е. вмѣсто 19 мил. получитъ 14 мил. Государь пишетъ Генералъ-Адміралу весьма сильное, дружеское письмо и проситъ помочь ему по морскому вѣдомству. Великій Князь, понимая всю важность обстоятельствъ и сердечно любя Государя, глубоко уважая его и любя Россію, рѣшился на героическія средства, а именно: 1) не вооружать вовсе въ нынѣшнемъ году и не посылать въ море паруснаго флота; 2) не посылать заграничныхъ экспедицій; 3) пересрочить всѣ платежи, заказы и постройки; 4) распустить матросовъ и уволить въ безсрочный отпускъ офицеровъ экипажей, которые не имѣютъ винтовыхъ судовъ. Сверхъ того, Его Высочество отказался отъ содержанія, которое онъ получаетъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ, приказалъ и придворной конторѣ сдѣлать разныя сокращенія у себя въ домѣ, какъ-то продать лишнихъ лошадей и т. п.

Грустно подумать, что все это только капля въ морѣ, что долгъ въ послѣдніе четыре года выросъ на 566 мил. и дефицитъ составляетъ 64 мил. Великій Князь весьма высокаго мнѣнія о вашемъ характерѣ и административныхъ способностяхъ и надѣется, что вы, какъ другъ Государя и полновластный князь Кавказа, поможете также у себя значительными сокращеніями. Очевидно, что всѣмъ частямъ Россіи слѣдуетъ нѣсколько лѣтъ прожить скромною жизнью, чтобы, собравшись съ силами, явиться съ новымъ блескомъ, уже не мишурнымъ, но дѣйствительно-золотымъ. Теперь необходимо сократить расходъ до послѣднихъ предѣловъ возможности и въ тоже время отыскивать новые источники народнаго богатства. Не повѣ-

*) Только это письмо Головнина писано по-русски; остальныя переведены съ Французскаго. П. Б.

рите, какъ намъ было грустно здѣсь, получивъ эти извѣстія. Я удивляюсь Великому Князю, который рѣшился на огромныя пожертвованія, вполнѣ понимая послѣдствія ихъ. Въ будущую Субботу Его Высочество ѣдетъ съ Императрицею въ Геную, а во Вторникъ на нашей Святой недѣлѣ отправляется въ Тулонъ и 18 (30) Апрѣля будетъ въ Парижѣ. Въ половинѣ Іюня Его Высочество надѣется быть въ Россіи.

Искренно желаю вамъ здоровья, силъ и вдохновенія, или, вѣрнѣе сказать, благословенія свыше, чтобы созидать полезное для подвластныхъ вамъ народовъ.

Головнинъ.

Весьма бы желательно, чтобъ самопожертвованіе Генералъ-Адмирала возбудило благодарность и уваженіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ, и *чтобъ онъ узналъ, что лица, которыхъ онъ любитъ, одобряютъ его поступки.*

3.

Петербургъ, 25 Іюня 1857 г.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ писалъ вамъ вчера относительно плачевнаго состоянія нашихъ финансовъ и объ энергичныхъ мѣрахъ, вызванныхъ этимъ положеніемъ дѣлъ. Чтобы дать вамъ ясную идею объ нашихъ затрудненіяхъ, Его Высочество поручилъ мнѣ переслать вамъ при семъ прилагаемую записку*), прося васъ, ознакомившись съ нею, возвратить ее ему. Его Высочество сдѣлалъ невозможное въ своемъ вѣдомствѣ, уменьшивъ персоналъ флота, распустивъ 28 тыс. матросовъ, оставивъ массу построекъ и т. д. Дай Богъ, чтобы другія управленія послѣдовали его примѣру.

Наше путешествіе было очень интересно, хотя и утомительно. Мы успѣли во всемъ лучше, нежели того ожидали. Великій Князь дѣйствовалъ удивительно! Онъ постоянно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ свои слова, донельзя былъ любезенъ со всѣми и снискалъ вездѣ себѣ любовь и уваженіе. Что̀ его болѣе всего поразило—это богатство Франціи и высокій умъ Наполеона. Мы въ подробностяхъ осмотрѣли всѣ военные Французскіе порты. Мы нашли тамъ громадные продовольственные запасы. Надо признаться, что послѣ такой морской войны, которая теперь окончена, Франція готова снова предпринять войну съ большими средствами и съ большею опытностью. Наполеонъ говорилъ Великому Князю о войнѣ спокойно, какъ о событіи принадлежащемъ исторіи. Онъ сказалъ, что союзники совершили цѣлую серію ошибокъ. Что̀ меня въ особенности заинтересовало во Франціи, это изученіе административной системы, механизмъ высшаго управленія. Можно сказать, что это ассоціація дѣловыхъ людей, управляющихъ Франціею, какъ управляютъ торговымъ домомъ. Они ясно представляютъ себѣ цѣль, которой имѣютъ въ виду достигнуть, и ловко

---

*) Записки этой не оказалось, она вѣроятно была возвращена безъ снятой копіи.

разсчитываютъ всё къ тому средства. Холодный, сухой, но умный и вѣрный разсчетъ, вотъ секретъ ихъ умѣнья; это ихъ девизъ, ихъ вся система. За ничто—ничто, и прибыль повсюду: это ихъ принципъ.

Императрица Евгенія весела, постоянно смѣется, но гораздо умнѣе чѣмъ о ней думаютъ. Однажды она сказала Киселеву: „еслибы мы захотѣли оставлять положеніе дѣлъ безъ перемѣны—намъ нужна Англія; если же захотимъ передѣлать карту Европы, то мы нуждаемся въ васъ“. Важная задача не разрѣшена—это узнать, чего Наполеонъ хочетъ. Его задушевная мысль не угадана.

Безконечно сожалѣю, что путешествіе Великаго Князя, отложенное на будущій годъ, лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ въ этомъ году на Кавказѣ. Баронъ Александръ Николаи недавно сообщалъ мнѣ о васъ и много говорилъ о системѣ разумнаго и превосходнаго управленія, которое вводите вы на Кавказѣ.

4.

Стрѣльна, 13 (25) Августа 1857 г.

Я только что получилъ ваше письмо отъ 31 Іюля и беру на себя васъ увѣрить, что Великій Князь Генералъ-Адмиралъ прекрасно разобралъ тетрадь - письмо, которое вы прислали Его Высочеству; онъ вамъ очень благодаренъ за это сообщеніе, выяснившее ему многое. Онъ вамъ напишетъ; но я долженъ васъ предупредить, что многія личности, очень высоко поставленныя, не понимаютъ здѣсь, чтобы невозможно было при плачевномъ состояніи нашихъ финансовъ сдѣлать на Кавказѣ нѣсколько сокращеній расходовъ въ крупныхъ размѣрахъ. Состояніе финансовъ не улучшается. Великій Князь возвратилъ въ казну милліонъ рублей серебромъ изъ суммъ, которыя Морское Министерство уже получило въ этомъ году и испрашиваетъ на будущій годъ сумму только въ 15 милліоновъ, т. е. на 4 милліона менѣе, чѣмъ было испрошено на текущій годъ. Этотъ результатъ получился весьма простымъ способомъ. Великій Князь предполагаетъ достигнуть черезъ 20 лѣтъ цыфры, которую Императоръ назначилъ для нашего флота. Будущій годъ будетъ первымъ этого двадцатилѣтняго періода, и всѣ наши морскія постройки разсчитаны на это число годовъ. Какъ только нашъ бюджетъ будетъ напечатанъ, я вамъ вышлю экземпляръ. Государь питаетъ большую дружбу къ своему брату и расширяетъ кругъ его административной дѣятельности. Его Величество уѣзжаетъ 22 Августа за границу и возвратится только 11 (23) Октября. На это время Великій Князь будетъ предсѣдательствовать въ коммиссіи правленія *). Онъ предсѣдательствуетъ уже въ главномъ финансовомъ комитетѣ, въ комитетѣ по дѣламъ раскольниковъ и числится членомъ комитета, которому поручено столь важное дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ. Его Высочество предполагаетъ пробыть этою осенью въ Стрѣльнѣ, какъ можно дольше, чтобы Великая Княгиня болѣе спокойно могла оставаться у себя. Воды Эм-

*) Le Grand-Duc présidera la commission de régence.

са принесли ей болѣе вреда, нежели пользы, и она вернулась съ возбужденными нервами; неизвѣстно еще, гдѣ она проведетъ зиму. Императрица-мать рѣшилась провести зиму въ Петербургѣ. Ея послѣднее путешествіе обошлось въ 640000 р. серебромъ, не считая подарковъ, розданныхъ во время путешествія. Будущій годъ Великій Князь предполагаетъ сдѣлать путешествіе по Россіи, и я очень желалъ бы имѣть удовольствіе повидать васъ.

Невозможно написать всего, о чемъ можно было бы переговорить въ теченіе часа времени. Вы не можете повѣрить, какъ я сожалѣю, что путешествіе отложено на будущій годъ. Но нужно признаться, что это очень благопріятно отзовется здѣсь на дѣлахъ, тогда какъ отсутствіе Великаго Князя принесло бы имъ много вреда. Я недавно имѣлъ удовольствіе пожать руку другу дѣтства, барону Александру Николаи; мы съ нимъ долго разговаривали про обвиненія, которыя Петербургъ шлетъ по адресу Кавказскаго управленія изъ-за расходовъ. Я убѣжденъ, что незнаніе наибольшая причина этихъ обвиненій.

5.

С.-Петербургъ, 10 (22) Декабря 1857 г.

Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобы послать вамъ бумаги, которыя вы найдете въ этомъ письмѣ; онѣ васъ безъ сомнѣнія займутъ. Эти бумаги не были готовы, чтобы быть отправленными съ моимъ уважаемымъ другомъ, генераломъ Милютинымъ. Нужно вамъ сказать, что мы имѣемъ причины жаловаться на генерала. Онъ пріѣхалъ сюда очарованный Кавказомъ, какъ двадцатилѣтній юноша, увлекающійся своей любовницей и требующій отъ своей бѣдной матери, центральной Россіи, больной, разоренной, пользуемой несвѣдущими и неспособными врачами, невозможныхъ тратъ на пожертвованія въ пользу этой прекрасной иностранки, которая его (Милютина) околдовала и которая навѣрное не разъ ему измѣнитъ. Изъ прилагаемыхъ при семъ бумагъ вы увидите, въ какомъ состояніи находятся наши финансы и, если у насъ есть нѣсколько вѣроятій этому помочь, вы увидите, къ какимъ геройскимъ средствамъ долженъ прибѣгнуть Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, чтобы поставить свои расходы въ уровень со средствами ему предоставляемыми и какіе ложные расчеты употребляются Военнымъ Министерствомъ, чтобы доказать Государю существованіе экономіи въ 20 милл., когда на самомъ дѣлѣ экономія есть только въ 3 милл. Вы не повѣрите, какъ я сожалѣю о вашемъ отсутствіи! Еслибы вы были здѣсь канцлеромъ Имперіи, военнымъ министромъ или все равно на какомъ посту, какъ другъ Государя, вашъ геній и ваше вліяніе имѣли бы благотворные результаты по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, въ особенности на центральное управленіе, гдѣ столько важныхъ вопросовъ подлежитъ рѣшенію: освобожденіе крѣпостныхъ, дѣла раскольниковъ, а главное финансы—эта разъѣдающая наше сердце язва. Подумайте только, что по наименѣе преувеличеннымъ разсчетамъ народъ платитъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ 40% изъ своихъ доходовъ,

а казна получаетъ всего лишь половину. Послѣдняя ревизія доказала, что народонаселеніе уменьшилось, народъ съ каждымъ днемъ становится все бѣднѣе и бѣднѣе, дворянство все въ томъ же состояніи; а здѣсь и не думаютъ принимать рѣшительныхъ мѣръ изучить положеніе, по меньшей мѣрѣ представить Государю полную и откровенную картину нашего финансоваго положенія и послать за границу людей способныхъ изучить финансы тѣхъ странъ, гдѣ они достигли высшей степени превосходства. Теперь вы на краю Имперіи, и ваше вліяніе привлекаетъ къ той странѣ, счастливой имѣть васъ вице - королемъ, большія средства людьми и деньгами; но это вліяніе и этотъ административный геній не производительны собственно для Россіи.

Неоспоримые таланты Милютина также потеряны для большаго круга дѣятельности, который онъ могъ бы имѣть здѣсь, и онъ вамъ самъ скажетъ, имѣемъ ли мы здѣсь избытокъ людей способныхъ. Чѣмъ болѣе онъ привязывается сердцемъ къ Кавказу, тѣмъ это мнѣ больнѣе, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ мнѣ кажется способенъ забыть несчастную мать ради своенравной любовницы.

Великій Князь ничего не измѣнилъ въ планахъ своего путешествія. Перспектива этого путешествія по Волгѣ и Каспійскому морю, а также визитъ, который онъ вамъ сдѣлаетъ въ Тифлисѣ, все это ему очень улыбается. Боюсь, чтобы онъ не вернулся сюда съ тѣми же мыслями, какъ Милютинъ, что̀ было бы крайно печально. Теперь, послѣ отъѣзда Милютина, у насъ остается генералъ Муравьевъ, старающійся всѣхъ заинтересовать Амуромъ и разными Китайскими провинціями, которыя онъ хотѣлъ бы захватить и имена которыхъ невозможны для Европейскаго языка. Онъ проситъ людей и милліоновъ и говоритъ съ энтузіазмомъ о дѣвственныхъ красотахъ Амура. Если повѣрить ему, это была бы обѣтованная земля, и Россія не жалѣла бы денегъ и арміи, чтобы утвердиться въ обладаніи этою молодою красавицей, прелестей которой мы всѣ понять не можемъ. Графъ Путятинъ и адмиралъ Завойко говорятъ намъ, напротивъ, что эта юная красота нѣчто въ родѣ дикарки, грязная, бѣдная и очень мало стоющая. Къ счастью генералъ Муравьевъ не обладаетъ талантомъ убѣдительности въ такой высокой степени, какъ мой достойный другъ генералъ Милютинъ, и я надѣюсь, что онъ не достигнетъ того успѣха, который увѣнчалъ порученіе послѣдняго. Я много удивлялся его великимъ изощреніямъ. Еслибы когда нибудь мнѣ пришлось тягаться въ судѣ предъ предубѣжденными противъ меня судьями, я былъ бы счастливъ имѣть его адвокатомъ. Оканчиваю это длинное письмо, прося извиненія за безпрестанныя жалобы и повторяю выраженіе искренняго и глубокаго сожалѣнія, зная, что вы привязаны и по всей вѣроятности надолго къ одной только провинціи Россіи, вмѣсто того, чтобы имѣть энергичное и благотворное вліяніе на всю. По моему убѣжденію роль Ришелье была бы болѣе полезна для Россіи, чѣмъ роль Бюжо̀, еслибы князь Барятинскій сталъ дѣлать выборъ изъ этихъ двухъ родовъ дѣятельности.

6.

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1857 г.

Въ подкрѣпленіе нѣкоторыхъ мыслей, которыя я сообщилъ вашему сіятельству въ письмѣ, посланномъ черезъ г. Ханыкава, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія относительно плачевнаго состоянія нашей православной церкви и полнаго отсутствія денегъ для расходовъ первой необходимости. Изъ этого вы усмотрите, какое жалованье имѣютъ католическіе епископы въ Россіи и какое содержаніе получаетъ наше духовенство въ тѣхъ же самыхъ городахъ. Развѣ не было бы справедливымъ, чтобы деньги, которыя платитъ православный крестьянинъ въ центральной Россіи, были употреблены прежде всего на его же страну и его церковь и чтобы остатокъ былъ назначенъ на нужды отдаленныхъ провинцій? Какъ было бы желательно для блага Россіи ваше присутствіе у центра власти, чтобы привести въ порядокъ распредѣленіе суммъ между различными отраслями администраціи, дабы расходовались деньги прежде всего на предметы первой необходимости, а потомъ уже на роскошь и другія фантазіи. Вѣрьте, князь, что не я одинъ живо сожалѣю о вашемъ отсутствіи и вашемъ отчужденіи отъ дѣлъ, гораздо болѣе важныхъ для славы Императора, нежели командованіе арміею противъ нѣскольких горскихъ племенъ и управленіе Азіатской провинціею. Надо признаться, что съумѣли приковать орла къ высокимъ утесамъ Кавказа блестящими цѣпями, дабы помѣшать свершить полетъ, который могъ бы произвести цѣлую эпоху въ міровой исторіи. Не слѣдуетъ ошибаться, и нужно признать, что Россія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и жизни.

7.

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1857 г.

Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ въ Николаевѣ, вы меня много разъ удостоивали вашимъ расположеніемъ; ваше искреннее желаніе административнаго улучшенія и общаго прогресса сдѣлало вашу славу для меня очень дорогою. Это меня ободряетъ въ моемъ желаніи обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое по всей вѣроятности было бы упущено вами среди вашихъ многочисленныхъ занятій и которое незамѣченнымъ прошло въ Кавказскомъ Комитетѣ: оно живо взволновало и печально поразило нашихъ молодыхъ законовѣдовъ. Дѣло касается 13-й статьи Устава управленія Мингреліей, утвержденнаго Государемъ 21 Октября и который только что напечатанъ въ нашихъ журналахъ. Эта статья гласитъ такъ: «Недовольные рѣшеніемъ Совѣта по тѣмъ дѣламъ гражданскимъ, окончательное рѣшеніе коихъ, по цѣнѣ иска, превышаетъ власть судовъ 2-й степени, могутъ приносить жалобы г. намѣстнику Кавказскому, который разрѣшаетъ оныя окончательно".

Въ первобытныхъ обществахъ военный начальникъ племени, который управляетъ правомъ физической силы, рѣшаетъ всѣ ссоры племени; но если

общество хоть немного организовано, всѣ гражданскія дѣла и процессы переносятся въ судъ, гдѣ они разсматриваются нѣсколькими членами и рѣшаются по большинству голосовъ. Начальника правленія, короля, императора или вице-короля необходимо избавить, на сколько возможно, отъ всякаго вмѣшательства въ денежныя дѣла, въ гражданскіе случаи и процессы, во первыхъ потому, что ему было-бы совершенно невозможно изучать эти дѣла въ такихъ подробностяхъ, чтобы ихъ разсудить по всей справедливости, и во вторыхъ одна изъ сторонъ всегда будетъ недовольна рѣшеніемъ, а нужно избѣгать, чтобы народъ былъ недоволенъ своимъ властителемъ или своимъ правителемъ. У насъ въ Россіи Сперанскій организовалъ суды такъ, что Государь призывается высказать свое мнѣніе въ гражданскихъ дѣлахъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Бываетъ, что онъ приказываетъ, чтобы дѣло было вновь разсмотрѣно судомъ въ другомъ составѣ; но очень рѣдко случается, чтобы онъ самъ рѣшалъ процессъ. Мингрелія не находится въ такомъ варварскомъ и первобытномъ общественномъ положеніи, чтобы тамъ могли судить совѣты и суды по новымъ уставамъ. Но тяжело видѣть, что намѣстникъ Государя могъ бы быть поставленъ въ положеніе, совершенно противное понятіямъ административной науки. Это меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, что исторія нашего времени говоритъ очень немного о сраженіяхъ выигранныхъ или потерянныхъ и болѣе не ослѣпляется блескомъ, которымъ прежде сопровождались военные подвиги, но судитъ владыкъ по ихъ законодательнымъ и административнымъ дѣяніямъ. Вѣроятно, что господа военные въ настоящихъ обстоятельствахъ не придадутъ той же важности дѣлу, такъ поразившему законовѣдовъ; но вѣдь не военные будутъ писать исторію управленія Кавказомъ. Впрочемъ, было бы очень легко помочь злу и въ тоже время принести большую пользу судебнымъ дѣламъ Кавказа вообще: надо бы создать въ Тифлисѣ, по примѣру Варшавы, два департамента Сената. Это не потребовало бы даже большаго расхода, такъ какъ нужно лишь перевести въ Тифлисъ сенаторовъ, излишекъ которыхъ есть въ Петербургѣ и Москвѣ, да часть ихъ канцелярій. Тогда всѣ дѣла важнаго судопроизводства гражданскаго и уголовнаго были бы рѣшаемы Кавказскимъ сенатомъ, не нуждаясь въ отправкѣ въ Москву и не затрудняя князя-намѣстника.

Прошу у васъ извиненія за откровенность этого письма. Вы можете передать мнѣ одно слово чрезъ генерала Милютина, чтобы это письмо было послѣднимъ. Я думалъ, что всегда полезно слышать мнѣніе противное нашему; но я не имѣю ни малѣйшаго поползновенія предполагать, чтобы мое было наилучшимъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА *).

(Осень 1855-го года).

..... Государь, недовольный комитетомъ Московскаго ополченія, уже прежде сдѣлалъ предводителю дворянства выговоръ, а теперь губернатора Капниста перемѣстилъ въ сенаторы (съ огромнаго оклада на меньшій) и вообще далъ почувствовать дворянству свое неудовольствіе. Отъ предводителя къ губернатору не далеко и до генералъ-губернатора, и я не понимаю, какъ графъ Закревскій не догадается выдти въ отставку. А между тѣмъ какія вѣсти военныя! Теряешь всякое равнодушіе. Сказать, что союзники захватили множество пушекъ, что захвачены огромные запасы .... но Боже мой неужели не могли отстоять Севастополя? Неужели корпусà Липранди и Сухозанета не могли отвлечь силы, которыя поломали наши защиты. Государь пишетъ Москвѣ, что Россія была въ обстоятельствахъ и болѣе тяжкихъ, но вынесла. Едва ли! Мы въ опасности потерять Крымъ и Черное море. Испанія соединилась съ союзниками. Генералы и армія наша потеряли духъ. Государь ѣдетъ возстановить его, но вò время-ли? Мы надѣемся на распространяемые слухи о голодѣ, но оправдаются ли они? Конечно все можетъ перемѣниться, но ничто не поворотитъ нашихъ ошибокъ, и случайныя перемѣны не заставятъ молчать упреки въ неумѣньи, безпечности и бездѣйствіи. Да, время тяжелое, и страшно подумать, что разныя мелочи занимаютъ насъ. Подробности объ увольненіи министра Бибикова не дѣлаютъ чести министру..... Все это напоминаетъ совѣтъ Австрійско-Германскаго императора, обсуждавшій вопросъ, какъ принять Собѣсскаго, когда Турки стояли у воротъ Вѣны.

Въ № 109 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья М. П. Погодина о пріѣздѣ Государя съ семействомъ въ Москву. «Не до формы теперь и формальностей, не до фигуръ и правилъ риторики. Наслѣдникъ и меньшіе братья его учились въ Москвѣ любить этотъ народъ ..... Нѣтъ, нѣтъ нынѣ народа въ мірѣ выше Русскаго!» Замѣчательны въ этой бойкой статьѣ слѣдующія разсужденія: «Сева-

---

*) См. „Русскій Архивъ" 1888, III, 455.

стополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что̀ есть прекраснаго и высокаго въ Русской природѣ; но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искусственности или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами». Замѣчательно, что объ этомъ уровнѣ говоритъ Славянофилъ! Потомъ обращеніе къ Государю: «Государь, ты даруешь намъ много средствъ учиться, воздѣлывать таланты и пр. Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній; мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда! Со внутреннимъ устройствомъ никакіе внѣшніе враги намъ нестрашны». Замѣчательно, что, говоря о Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ, историкъ ни слова не сказалъ о Николаѣ, а о самомъ вступленіи на престолъ Государя Александра II-го выражается такъ: «Мысль объ этомъ неудобоносимомъ бремени, которое по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Промысла пришлось ему вдругъ, паче чаянія, понести на своихъ плечахъ и т. д.». Неужели и эта журнальная статья не могла быть написана со спокойствіемъ и достоинствомъ *)?

Ни о дѣлѣ при Черной, у Ѳедюхиныхъ горъ, ни о штурмѣ 26 и 27 Августа мы не имѣемъ точныхъ подробностей. Опасность несомнѣнна и можетъ быть неминуема. Ну если мы оставимъ Крымъ, когда мы возмемъ его? Бѣдный край! Сердце замираетъ, когда читаешь объ этихъ повсемѣстныхъ опустошеніяхъ. Государство потеряло голову, общество забыло тактъ, семейства въ траурѣ. А исхода не видно. Объ условіяхъ примиренія молчатъ. Ожидаютъ, что мы подадимся. Бѣдствія никогда не внушали намъ уступчивости, и даже въ настоящее время мы упорно будемъ надѣяться на нашу звѣзду, на цѣлость національнаго элемента въ народѣ, на успѣхъ всегда вѣнчающій неослабное постоянство и на запутанность положенія враговъ нашихъ. .... Побѣды бываютъ труднѣе пораженій. Если при послѣднихъ теряютъ голову, то при первыхъ она кружится, и одно другаго не лучше. Читаемъ мы кровавыя подробности 26 и 27 Августа въ рапортахъ Симпсона, Пелисье и князя Горчакова. Неудачи союзниковъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ были причиною неудачи нашей на Малаховомъ курганѣ. Кажется, тутъ нападеніе не соотвѣтствовало отраженію или была оплошность. Взятіемъ Малахова рѣшилась участь Севасто-

*) Статья эта была цѣлымъ событіемъ. Цензура не дерзала ее дозволить къ выпуску; Государь самъ разрѣшилъ ее напечатать. Въ ней М. П. Погодинъ взывалъ о необходимости свѣта знаній. Митрополиту Филарету показалась она рѣзкою, и онъ говорилъ автору: „Развѣ намъ не даютъ свѣта?“ — „Мы ежедневно молимся о хлѣбѣ насущномъ, возразилъ ему Погодинъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ не давали хлѣба“. (Слышано отъ самаго Погодина). П. Б.

поля, къ чему впрочемъ князь Горчаковъ былъ приготовленъ и едвали не приготовилъ войска. У союзниковъ выбыло 12 т., а у насъ 15 т. Ужасная бойня! Самые черные слухи ходятъ о положенiи и расположенiи нашей армiи. Многiе считаютъ положенiе наше въ Крыму невозможнымъ. Многiе ждутъ великихъ пораженiй до осени.

Князь Горчаковъ доноситъ все о движенiи непрiятеля и о его дѣйствiяхъ на Сѣверную и ничего не говоритъ о нашихъ дѣйствiяхъ. Конечно тайна военныхъ распоряженiй не можетъ быть оглашена; но все-таки, послѣ страшныхъ потерь, желательно было бы читать донесенiя менѣе лаконическiя и знать хотя нѣсколько о духѣ армiи, подверженной столь долгое время геройскимъ, но безплоднымъ испытанiямъ. Защита Севастополя не увѣнчалась успѣхомъ. Здѣсь вина князя Меншикова, не укрѣпившаго Севастополя прежде. Меншиковъ можетъ свалить вину на другихъ, но доселѣ мы въ правѣ винить его. Какъ бы то ни было, защита Севастополя остается превосходнымъ дѣломъ военнымъ и по многочисленнымъ чертамъ геройства нижнихъ чиновъ. Наполеонъ поторопился объявить въ прошломъ году о взятiи крѣпости; но онъ былъ правъ, добавивъ, что вопросъ только во времени. Слѣдовало однако присовокупить: «и въ огромныхъ пожертвованiяхъ людьми и деньгами». Сами враги и безпристрастные свидѣтели отдаютъ справедливость Севастопольскому гарнизону. Гробы указываютъ на участiе моряковъ въ этой славной осадѣ. А несносные указы и приказы о панталонахъ и мундирахъ все еще продолжаются, и нынче читали намъ повелѣнiе о замѣнѣ вицмундировъ, которое такъ темно, что его никто не понялъ. Павелъ Варнефридъ разсказываетъ, что король Геруловъ, во время войны съ Лонгобардами, приказалъ донести ему о побѣдѣ, пригрозивъ смертною казнью тому, кто донесетъ о пораженiи. Царедворецъ, или министръ, или деньщикъ, наблюдая съ дерева за ходомъ битвы, кричалъ: «мы побѣждаемъ, мы побѣждаемъ!» Наконецъ онъ вскричалъ: «несчастный король, насъ побѣдили!» Но казнить его уже было не кому: Лонгобарды вломились въ ставку и убили короля. Не такъ-ли кричатъ наши министры: «все въ порядкѣ», боясь не получить креста, аренды или мѣста? Не такъ-ли говорили они Карлу X до Iюля 1830 г., Луи-Филиппу и Фердинанду до Февраля и Марта 1848 г., и у насъ до 18 Февраля 1855 года? На государственныхъ людяхъ нашихъ всегда, и по справедливости, будетъ лежать это обвиненiе въ ропотѣ общества, въ возгласахъ частныхъ лицъ, даже въ письменныхъ осмѣянiяхъ Герцена, Плещеева, Бѣлинскаго. Были попытки и во всеподданнѣйшихъ представленiяхъ Государю. Таковы письмо Сперанскаго изъ Перми 1812 года, письмо барона Штенгеля 1826 года, особенно первое, безкорыстно выражавшее не-

достатки высшаго управленія перомъ одного изъ великихъ его представителей. Но никто не описалъ такъ какъ Гоголь все достойное посмѣянія у насъ, въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ». Вотъ что говоритъ у него одинъ благомыслящій князь, Русскій вельможа, чиновному народу края: .... «Оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго правленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены въ общую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствіе дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, пока не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать теперь противъ неправды». Это говорятъ въ Москвѣ.

Послѣ Крымскихъ извѣстій, точно послѣ какой неудачи въ жизни, человѣкъ скучаетъ и недоволенъ собой .. Вотъ Корфа разбили у Евпаторіи, вотъ флотъ подъ Одессой. Назначена коммиссія о Керчи: куда употреблены деньги, на укрѣпленіе города и на завалъ пролива назначенныя? Наряжена коммиссія для изслѣдованія управленія по снабженію Крымской арміи.

Какъ пріумолкли пѣвцы о Святой Руси и святомъ ея назначеніи! Странное дѣло, ни одно государство, кромѣ Азіатскихъ, не имѣло и не высказывало о себѣ такого высокаго понятія про свое могущество и свою будущность, какъ Россія, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто такъ не унижалъ нашего характера, какъ представители этого возрѣнія отъ Петра до Николая, отъ Посошкова до Гоголя. Жуковскій говаривалъ: «Русскій палку любитъ!» Великій Князь Михаилъ Павловичъ сказалъ въ комитетѣ: «Дозвольте Русскому солдату не снимать шапки; онъ васъ столкнетъ съ дороги!» Гоголь безпрестанно это выражаетъ, устами то Селифана, то Хлобуева, то Костанджогло, признавая необходимость понукателя ... Даже въ Исповѣди своей онъ признаётъ за Русскими это свойство: у всякаго, у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу. Всѣ новые писатели, въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, замѣчаютъ это странное свойство Русскаго человѣка. У Писемскаго (Плотничья Артель) мужикъ говоритъ о слабомъ старостѣ: «Скажи ты ему, чтобъ онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а на полосу временемъ выносилъ; нашъ братъ-мужикъ плутъ! Какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало что не повезетъ, а тебя еще осѣдлаетъ»...

Нѣтъ, господа, Русскій не звѣрь какой, и объяснять его нужно не съ Азіатскимъ самообольщеніемъ, а по общимъ законамъ развитія человѣчества и государства. Русскій человѣкъ никогда не зналъ учрежденій, да и нынѣ мало знаетъ ихъ; а народъ воспитывается учрежденіями. Два-три перелома въ родѣ 1812 и 1855 годовъ, и онъ получитъ ихъ. Тогда ваши возгласы будутъ всѣ смѣшны и обидны.

Ничего новаго. Наши Государь и царевичи на Югѣ. У насъ на Сѣверѣ нужда и непогода, внутри непогода и нужда. Ничего не проясняется. Только три рѣчи на сборищахъ въ Англіи, Гладстона, Бульвера и Пальмерстона, выражаютъ торжество и надменныя притязанія. Да; но однако положеніе Востока требовало рѣшительнаго вмѣшательства: несообразно было бы болѣе терпѣть Турецкое угнетеніе, и Европа или Россія должны были взяться за это дѣло.

Циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 28 Августа предводителямъ дворянства производитъ большое впечатлѣніе и толки. Г-ну Ланскому слѣдовало бы справиться, что предмѣстники его издали два подобныхъ циркуляра, и именно въ 1802 году 16 Октября окружное отношеніе В. П. Кочубея и особенно Д. Н. Блудова 18 Февр. 1832 года, въ которомъ между прочимъ сказано что: «предводители дворянства явятъ себя истинными ревнителями общаго блага, когда Государь Императоръ новыми знаками вниманія и благоволенія къ сему сословію побуждаетъ оное къ новымъ усиліямъ для содѣйствія успѣхамъ его отеческихъ намѣреній, когда Его И. В-во, именуя дворянство первою опорою престола, утверждаетъ и распространяетъ драгоцѣннѣйшее изъ правъ его—благоразумными, безпристрастными выборами охранять правду въ судахъ, спокойствіе въ обществѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наблюдая за ходомъ дѣла, нуждами и состояніемъ края, доводить до высочайшаго свѣдѣнія всякую полезную мысль, всякое предположеніе о мѣрахъ для искорененія злоупотребленій или устраненія въ мѣстномъ управленіи неудобствъ» (см. Сборн. Цирк., ч. I, стр. 185).

Сказавъ о своемъ назначеніи въ министры, Ланской продолжаетъ: «Я не могу не гордиться тѣмъ, что со званіемъ министра вн. дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть *представителемъ* у престола Е. И. В. доблестнаго Россійскаго дворянства, издревле знаменитаго своею преданностью къ царственному дому, пламенною любовью къ отечеству и нынѣ, во время тяжкихъ испытаній, одушевленнаго тѣми же возвышенными чувствами. Всемилостивѣйшій Монархъ нашъ повелѣлъ мнѣ *ненарушимо охранять* права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству. Считаю себя счастливымъ передать *о столь великой* милости Государя въ лицѣ вашемъ всему дворянству, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ, удостовѣ-

ряю, что, по собственному, глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ царской власти и твердою опорою отечества. Вамъ близко извѣстно, какъ многое зависитъ отъ выбора дворянъ на службу, какія священныя обязанности возлагаются на нихъ и сколь тѣсно связано исполненіе сего долга со спокойствіемъ и благосостояніемъ частныхъ лицъ; а потому нельзя не желать искренно, чтобы выборъ въ общественныя должности падалъ на лицъ, носящихъ не одно только имя дворянина, но на тѣхъ, кто по умственнымъ и душевнымъ свойствамъ дѣйствительно *облагораживаетъ* высокое дворянское званіе».

Фразы эти, очевидно, вызванныя мѣрами Перовскаго и Бибикова, довольно звучны и выражаютъ цѣль благую. Но спрашивается: 1) о какомъ дворянствѣ здѣсь рѣчь? О сдѣланномъ герольдіею по чинамъ давности и фавёра, или о разбогатѣвшихъ отпущенникахъ, откупщикахъ и аптекаряхъ? 2) Почему министръ вн. дѣлъ есть представитель дворянства? 3) Почему охраненіе правъ есть высокая милость? 4) Какъ можетъ министръ вн. дѣлъ охранять эти права, когда это, по закону, возложено на Сенатъ? 5) Какая намъ нужда до убѣжденій министра, назначеннаго для исполненія закона? 6) Къ чему выставлять одно дворянство предъ прочими сословіями и особенно въ настоящее время, когда и духовенство, и ученые, и чиновники, и купцы соревнуютъ въ посильныхъ приношеніяхъ? 7) Какой антагонизмъ разумѣетъ г. Ланской? и 8) Знаетъ ли г. Ланской, что̀ такое выборы? Неужели онъ отъ нихъ ожидаетъ облагороженія высокаго дворянскаго званія?

Только военный шумъ, да ропотъ и неудовольствіе на Перовскаго и Бибикова (губернаторство Оренбургское и инвентари западные) не дозволяютъ вникнуть въ смыслъ этого поспѣшнаго циркуляра, имѣющаго всѣ свойства неумѣстной демонстраціи.

Боже мой, вотъ непріятель и въ Кинбурнѣ, вотъ и несчастный штурмъ Карса Муравьевымъ въ Азіи, Муравьевымъ, на которомъ еще нѣсколько успокоивалось общественное мнѣніе; въ Азіи, гдѣ всякое пораженіе вызываетъ предательское нерасположеніе полудикихъ сосѣднихъ державъ! Что же это значитъ? Такъ бы и не смотрѣлъ на это равнодушіе, на эти благотворительные базары, на эти афиши, когда рѣшается вопросъ, можетъ быть, о величіи Имперіи! Бьется сердце, и голова кружится. Напуганное общественное мнѣніе привыкаетъ къ мысли объ отдѣленіи Крыма, опасаясь высказать возможность другихъ лишеній.... Но такое ужасное пораженіе низведетъ насъ, столь слабыхъ во внутреннемъ управленіи, на степень второклассныхъ державъ. Дѣти наши не повѣрятъ нашему значенію, утверждавшемуся на Вѣнскихъ трактатахъ 1814 года; монархическое начало послѣ та-

кого униженія должно будетъ сознаться въ своемъ безсиліи и, можетъ быть, вызовется періодъ внутреннихъ переворотовъ. Если нѣтъ надежды на свои силы, намъ остается искать ея въ соперничествѣ враговъ.... Торжество ихъ, затруднительный раздѣлъ добычи и ложное положеніе Турціи—вотъ наши надежды. Но и эти надежды, хотя бы онѣ и сбылись, не избавятъ насъ отъ послѣдствій броженія и истощеній внутреннихъ. Видятъ ли ихъ?... У насъ еще думаютъ ограничиваться звонкими фразами манифестовъ, рескриптовъ и циркуляровъ, не заботясь о томъ, что въ отвѣтъ на нихъ въ той же газетѣ, гдѣ циркуляръ, лаконическое извѣстіе о разбитіи нашей арміи, о занятіи Севастополя, о пораженіи при Карсѣ. Но мы еще сильны нашими пространствами и нашимъ Русскимъ населеніемъ.

Скончались наши лучшіе, даровитые ученые: профессора Неволинъ и Грановскій. Первый извѣстенъ превосходными сочиненіями: Энциклопедіей въ 1840 г., Исторіей гражданскихъ законовъ въ 1850 г. и Новгородскими пятинами 1854 г., а также разными мелкими разсужденіями, изъ которыхъ лучшее—о церковномъ судѣ. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, собиратель и сводчикъ примѣрный. О Грановскомъ очень много напечатано въ 120—122 №№ Московскихъ Вѣдомостей, о Неволинѣ ничего.

Ничего новаго. Въ Крыму и Николаевѣ все благополучно. Они называютъ это благополучіемъ! Въ городѣ радостный говоръ объ отставкѣ графа Клейнмихеля, о письмѣ къ нему Государя, о стихахъ графу одного офицера корпуса путей сообщенія:

Итакъ, сбылись завѣтныя желанья.
Прости на вѣкъ, нашъ грозный падишахъ!
Благодаримъ за всѣ благодѣянья:
За сѣдины въ поручичьихъ чинахъ,
За рядъ обидъ и мелкихъ оскорбленій,
Которыя ты щедро расточалъ,
За глубину того уничиженья,
Въ которое ты насъ втопталъ...

Говорятъ о ящикѣ, посланномъ отъ какой-то Жуковой г. Чернову въ Москву, гдѣ при вскрытіи взрывъ ранилъ полицейскихъ и самого Чернова. Случилось это на Мясницкой, близъ стараго почтамта.

Ничего, ничего! Точно-ли ничего? Сердце не вѣритъ, умъ не постигаетъ. На Западѣ голодъ; но намъ отъ того не легче, а тяжелѣ: голодные поспѣшнѣе идутъ въ охотники. Какое торжество отъ Испаніи до Шведской Лапландіи! Отовсюду посылаются кресты побѣдителямъ, поздравленія владыкамъ. Многіе думаютъ, что кампанія 1855 года кончилась. Не думаю. Слышно, что союзники уже въ переговорахъ о назначеніи Севастополя, что они согласны на возстановленіе

царства Грузинскаго и на образованіе Армянскаго подъ покровительствомъ Порты. Не слишкомъ ли вы торопитесь? Неужели забыли, съ кѣмъ воюете? Государство такого размѣра, какъ Россія, ослабляется не годами. Мы терпѣливѣе васъ перенесемъ необходимыя усилія. Вы можете ослабить насъ возстановленіемъ Польши и смутами внутренними; но рѣшитесь ли вы на первое даже съ согласія Австріи? А смуты внутреннія безъ вторженія въ среднія губерніи для васъ не возможны. Опасность плотнѣе соединяетъ насъ. Но какъ мало мы сдѣлали для внутренняго устройства! Конечно назначеніе Ланскаго и Чевкина—шаги къ улучшенію; но не старъ-ли Ланской, и въ уровень-ли онъ съ требованіями по уму, познаніямъ и опыту? А Чевкинъ, что будетъ онъ дѣлать безъ людей и денегъ съ запутанными счетами? Ланской найдетъ большое сочувствіе въ Совѣтѣ и Комитетѣ; Чевкинъ встрѣтитъ канцелярскія препятствія. На это у насъ горазды. Въ газетахъ описываютъ пріемъ и угощеніе въ Тифлисѣ посла Персидскаго. Между тѣмъ слышно, что экспедиція по Амуру возбудила неудовольствіе въ Китаѣ. Слышно, что факторіи наши въ Семипалатинской области разграблены Киргизами, что разбойники убили султана Средней Орды и что Орда Внутренняя готова взбунтоваться... Французы посылаютъ въ Стокгольмъ знаменитаго Канробера для соглашенія на счетъ зимовки флота въ Швеціи. Вѣнская корреспонденція увѣряетъ, что нашъ Государь склоняется къ миру.

Вотъ Государь и возвратился. Привѣтствіе ему въ Одессѣ Иннокентія, кромѣ довольно-счастливаго начала, и тяжело, и неприлично. Привѣтствія Филарета 1 Сентября и 6 Ноября несравненно лучше. Приказъ Крымской арміи справедливъ и благороденъ. За то приказъ военнаго министра о сношеніяхъ старшихъ подчиненныхъ съ молодыми начальствующими производитъ, особенно среди генераловъ, большой ропотъ.

...Зима сковала войну, мелочи спутали событія, свободнѣе слышатся пересуды и сплетни. Князь Паскевичъ умираетъ. Великій Князь Николай Николаевичъ женится на принцессѣ Ольденбургской. По городу ходитъ каррикатура: съ высокой горы несется Бибиковъ; за нимъ, останавливая санки руками и ногами, графъ Клейнмихель. Далѣе видѣнъ Брокъ, которому предлагаетъ санки Княжевичъ; на верху выступаютъ графъ Панинъ и князь Долгоруковъ.

Недостатокъ звонкой монеты ощутителенъ по прежнему... Подтвердилось извѣстіе о пораженіи Багратіона Мухранскаго въ Мингреліи; носятся слухи о снятіи осады Карса, объ уничтоженіи огромныхъ запасовъ близъ Эйска, о союзѣ Швеціи съ Франціей. Время страшное; но каковы бы ни были усилія и успѣхи враговъ и наши

потери, я убѣжденъ, что грозное время послужитъ намъ въ пользу; да и золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ, а Россія самородокъ огромный, и отчеканить и огранить его не то, что сжатую Францію или Австрію. Грустно читать объ этихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ согражданъ, и еще грустнѣе видѣть, какъ немногіе изъ нашихъ государственныхъ людей понимаютъ высокое свое положеніе и какъ мало учрежденія наши соотвѣтствуютъ требованіямъ. Что такое эти крѣпостные, эти суды, эти исправники? Слышалъ я стихи:

Министеріи въ угоду
Сенато́рская изба
Обращается къ народу
Съ всякимъ вздоромъ безъ стыда и т. д.

Слушалось дѣло о коллежскомъ регистраторѣ Коцюбинскомъ; онъ осуждается въ каторгу за вымогательство (угрозою поджога) 400 рублей у Чигиринскаго купца Бродскаго. Купцу онъ написалъ письмо замѣчательное по высказываемому убѣжденію въ торжествѣ Французовъ и въ приходѣ ихъ на Украйну. Сказавъ въ началѣ о политпческихъ дѣлахъ, «перевѣсъ которыхъ всякъ дальновидный даже съ врожденнымъ умомъ, не говорю уже воспитанный человѣкъ, и вы должны предугадывать, какъ давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемую развязку», Коцюбинскій продолжаетъ: «не стану описывать причины, заставляющія такъ думать почти каждаго; идея эта относится собственно до политическаго равновѣсія державъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ предугадывать планы другихъ». Далѣе Коцюбинскій пишетъ: «по полученіи *нашихъ* денегъ, вы черезъ часъ получите письмо, къ которому присоединяются пергаментный бланковый билетъ съ печатями союзныхъ армій». Шутка не удалась.

Государь, 16 Ноября, созвалъ на обѣдъ всѣхъ участвовавшихъ въ Варшавѣ въ борьбѣ съ мятежниками и обратилъ имъ въ пансіонъ то жалованіе, которое они въ прежнихъ чинахъ тогда получали. Милости и помилованіе Полякамъ. Но отчего же нашимъ политическимъ 1825 и 1849 годовъ ничего? Этого такъ ждутъ.

Генералу И. Г. Бибикову, за представленіе адреса, сдѣланъ строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ.

Письмо Искандера-Герцена отъ 10 Марта, ходящее по рукамъ. Оно напоминаетъ тѣхъ дерзкихъ трибуновъ первой революціи, которые переписывались съ собраніемъ и правительствомъ d'égal à égal *), и потому не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій... Чего хочетъ соціалистъ? Свободы рѣчи и свободы крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность. Судя по дерзости письма, можно заключить

*) Какъ равный къ равному.

одно изъ двухъ: или что бѣглецъ имѣетъ соучастниковъ, или, что съ перемѣною царствованія онъ очень разсчитывалъ на реакцію. Соучастниковъ вѣроятно нѣтъ, а развѣ можно было разсчитывать на сочувствіе?..

На сушѣ ничего, или, какъ говоритъ князь Горчаковъ, все благополучно. Морскіе штаты сравнены съ сухопутными, прибавки до 500 тыс., и заключенъ новый заемъ чрезъ Штиглица въ 50 мил. Главнымъ начальникомъ силъ на Сѣверѣ назначенъ все тотъ же кн. Меншиковъ, начальникомъ штаба будущій графъ Путятинъ. Я. И. Ростовцовъ предложилъ всѣхъ раненыхъ и увѣчныхъ офицеровъ устроить при военноучебныхъ заведеніяхъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ уже два раза предписывалъ о составленіи точныхъ и правдивыхъ отчетовъ, чтобы, не усыпляясь похвалами, показывать правду, сознаваться въ ошибкахъ, оглашать недостатки. Въ Декабрѣ 1854 года онъ составилъ отчетъ въ этомъ видѣ, описавъ положеніе флота и морскаго хозяйства въ самомъ жалкомъ состояніи, но отчета этого представить не рѣшился, по случаю болѣзни и потомъ смерти отца. Нынѣ, въ Ноябрѣ, онъ предписалъ управляющему министерствомъ барону Врангелю препроводить выписку всѣмъ директорамъ для руководства при составленіи отчетовъ.

Побѣда подъ Карсомъ 16 Ноября. По крайней мѣрѣ это! Я радъ и за Муравьева, котораго послѣ неудачнаго штурма въ грязь втоптали стратеги и тактики. Извѣстіе привезъ Корсаковъ, получившій чинъ штабсъ-капитана и флигель-адъютантство. Побѣда дѣйствительно замѣчательная, по важности впечатлѣнія на умы, по важности крѣпости, сосредоточивавшей остатки Анатолійской арміи. Нужда въ крѣпости была страшная. Наши молодцы выдержали сидѣнье превосходно. Приказъ намѣстника дышетъ искренностью и религіозностью. Вотъ содержаніе этого приказа 16 Ноября въ станѣ Владикарсѣ: «Поздравляю васъ, сотрудники мои! Какъ намѣстникъ царскій, благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса, въ немъ является торжество Креста Спасителя. Исчезла какъ прахъ вся 30-тая Анатолійская армія. Итакъ возблагодарите вмѣстѣ со мною Господа Силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ даровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы. Вѣра въ святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удвоиваетъ бодрыя силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго приступимъ къ новымъ трудамъ».

Во Франціи все клики о мирѣ, въ Англіи о войнѣ. Австрія по прежнему лавируетъ. У насъ о мирѣ и рѣчи нѣтъ. По случаю взятія

Карса, какъ разсказывалъ Панаевъ (директоръ канцеляріи министра двора), «12-лѣтній Наслѣдникъ-Цесаревичъ написалъ своему воспитателю: «Поздравляю васъ, Муравьевъ взялъ Карсъ; а возмется за умъ, возметъ и Ерзерумъ!» Пожалованіе адмирала Путятина (послѣ аренды и Бѣлаго Орла) въ графы «за услуги Имперіи» по докладу Великаго Князя производитъ въ верхнихъ слояхъ общій ропотъ.

Обѣдъ въ Москвѣ Щепкину по случаю 50-ти лѣтъ театральнаго его поприща, обѣдъ, дѣлающій честь благородному артисту. Привѣтствія, читанныя профессоромъ Баршевымъ и актеромъ Шумскимъ исполняютъ сердце любви и уваженія къ знаменитому комику. Оцѣнка его сдѣлана въ легкой и живой рѣчи старика С. Т. Аксакова, отца даровитыхъ сыновей, изъ которыхъ Константинъ, благодаря за тостъ отцу, отсутствовавшему по болѣзни, предложилъ тостъ за «общественное мнѣніе». Графъ Закревскій не рѣшился пропустить въ газетѣ этой Московской сцены, и я читалъ описаніе ея въ письмѣ Аксакова къ Княжевичу. Честь и слава Москвѣ за ея смѣлыя начинанія!

Другой обѣдъ, генералу Тотлебену, давалъ здѣсь шахматный клубъ. О немъ я знаю, что старикъ профессоръ Шульгинъ былъ очень пьянъ и что академикъ Якоби, послѣ качанія Тотлебена и послѣ предложенія качать Шульгина, неосторожно задѣлъ молодаго офицера, за что и поплатился боками.

Князь Меншиковъ назначенъ главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами въ Кронштадтѣ. Кронштадтъ будетъ взятъ, кричатъ любящіе пересуды и сплетни. Немногіе довольны и увѣрены, что старикъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Теперь громоздятъ въ заливѣ, чтобъ не допустить непріятеля на разстояніе 500 сажень, на которомъ гранитъ можетъ уступить чугуну.

Назначеніе новаго министра Ланскаго, какъ и вообще всѣ его дѣйствія, сколько они извѣстны, весьма хороши. Онъ назначилъ (вѣроятно по личному приказанію Государя) въ Вильну, на мѣсто Ильи Бибикова, В. И. Назимова, о которомъ, конечно пожалѣетъ Московскій Университетъ. М. И. Лексъ уступилъ мѣсто умному и образованному А. И. Левшину. Къ себѣ въ директоры Ланской назначилъ: Оржевскаго, Жданова, человѣка опытнаго и благонамѣреннаго, а на мѣсто Скрипицына, въ иностранныя исповѣданія, Дм. Петр. Хрущова. Это человѣкъ новаго поколѣнія и новыхъ ученій.

Но понимаетъ ли Ланской всю важность настоящаго положенія?

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗА „СМЕРТЬ СЛѢПЦОВА“.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (Октябрь 1888 г.) напечатанъ разсказъ, я скорѣе назвалъ бы повѣсть, подъ заглавіемъ: „Смерть Слѣпцова, Кавказская быль“, Н. Д. Ахшарумова.

Живой разсказъ, прекрасный литературный языкъ, всѣ достоинства беллетристическаго произведенія съ одной стороны, незнакомство съ дѣйствительными событіями, легкомысленно-довѣрчивое отношеніе къ розсказнямъ разныхъ лицъ и много фантазіи,—съ другой. Если бы описываемыя авторомъ происшествія относились къ эпохѣ „старины глубокой“, къ какому нибудь XVII или хотя XVIII столѣтію, то еще можно бы мириться съ такою смѣсью были и небылицы; но когда дѣло касается пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, когда много участниковъ событій еще находится въ живыхъ, когда офиціальные документы еще вовсе не „тронуты архивной пылью“, а частныя письма и записки даже не могутъ быть опубликованы *за несвоевременностью*: то нельзя не пожалѣть, что авторъ, не ограничиваясь избраннымъ для разсказа эпизодомъ, прибавилъ нѣчто въ родѣ обличительной тенденціи, затрогивая память такихъ историческихъ лицъ, какъ князь М. С. Воронцовъ, князь А. И. Барятинскій. И это тѣмъ болѣе жаль, что Слѣпцовъ не нуждается въ искусственныхъ подпоркахъ, чтобы оставаться на достигнутой имъ при жизни высотѣ: это былъ типъ Русскаго витязя, смѣлый, отважный, жаждущій кипучей дѣятельности, увлекающійся до самопожертвованія, до забвенія о томъ, что его жизнь дорога отечеству, что ею не слѣдуетъ играть съ такимъ легкимъ сердцемъ, кидаясь впередъ, гдѣ вовсе и не мѣсто начальнику, и въ дѣлахъ въ сущности не стоившихъ пожертвованія даже простыми рядовыми... Слѣпцовъ—предшественникъ Скобелева, только не имѣвшій случая проявить столько военныхъ способностей. Кругъ дѣйствій Слѣпцова (командованіе казачьимъ полкомъ, начальствованіе кордонною линіею и маленькими, въ нѣсколько ротъ, отрядами противъ Чеченскихъ, хотя и храбрыхъ, но нестройныхъ хищниковъ) былъ слишкомъ ограниченъ. Нѣтъ сомнѣнія, останься онъ живъ, получивъ постепенно высшія командованія, дающія опытъ, устойчивость и бо́льшую широту взглядовъ, Слѣпцовъ достигъ-бы той степени извѣстности, которая открываетъ мѣсто на страницахъ Всеобщей Исторіи.

Однако къ дѣлу. Авторъ очевидно основываетъ большую часть своего разсказа о Слѣпцовѣ на словахъ его бывшаго полковаго адъютанта Неймана, съ которымъ „видѣлись часто, были дружны до самой смерти его, послѣдовавшей въ 1883 году“. Нужно однако сказать, что покойный милѣйшій Михаилъ Густавовичъ Нейманъ, съ которымъ и я былъ болѣе 30 лѣтъ хорошо знако́мъ (вмѣстѣ служили, часто встрѣчались отставными инвалидами и въ Петербургѣ, и въ Кисловодскѣ), былъ человѣкъ увлекавшійся, вращавшійся на службѣ въ тѣсномъ кружкѣ субалтернъ-офи-

церовъ, человѣкъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, имѣвшій способность придавать большое значеніе сущимъ пустякамъ и вѣрить не только чужимъ баснямъ, но и созданіямъ собственной фантазіи. Взявъ въ соображеніе привязанность его къ своему незабвенному, доблестному командиру Слѣпцову, нечего и удивляться, если онъ давалъ фантазіи лишній полетъ.

Авторъ разсказываетъ, что „въ четыре года Слѣпцовъ очистилъ отъ непріятеля *всю* плоскость Малой Чечни и покорилъ нагорныя общества Галашковское, Карабулакское и Аргитинское (?), отнявъ у врага не только самыя плодоносныя земли, но и лучшій боевой его элементъ". И далѣе: „каждый ударъ Слѣпцова попадалъ въ цѣль и колебалъ власть Шамиля, колебалъ вѣру въ его могущество. Озлобленный и встревоженный Имамъ, въ 1848 году, рѣшился, во что бы ни стало, вернуть утраченное и отомстить за свой стыдъ, уничтоживъ однимъ ударомъ новую линію. Собравъ до 10 т. своего лучшаго войска, онъ двинулся съ ними на Сунжу. Нашествіе это имѣло такой неожиданно-грозный видъ, что по первому слуху о немъ главнокомандующій князь Воронцовъ счелъ нужнымъ лично прибыть на Сунжу и притянуть къ ней поспѣшно войска изъ сосѣднихъ районовъ. Но Слѣпцовъ вырвалъ побѣду изъ рукъ друзей, стремившихся раздѣлить ее съ нимъ, и обошелся безъ помощи ихъ".

Тутъ что ни слово, то самая пылкая фантазія. Плоскость Малой Чечни, хотя далеко не *вся*, къ 1848 году была очищена отъ непріятеля не однимъ Слѣпцовымъ въ четыре года, а цѣлымъ рядомъ военныхъ дѣйствій генерала Фрейтага и, главное, посредствомъ вырубки пѣхотою лѣсовъ. Только чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Слѣпцова окончательно очистилъ ее графъ Евдокимовъ, для чего потребовались не нѣсколько сотень Сунжинскихъ казаковъ, а десятки батальоновъ. Слѣпцовъ не покорялъ упоминаемыхъ обществъ: ибо Карабулаки были давно покорены и занимались только мелкими разбоями, какъ большинство горцевъ, но не открытой войной противъ насъ; Галашевцы оставались всегда полупокорными, никогда открыто съ нами не воевали (мы, не имѣя возможности защищать ихъ отъ мюридовъ, силою пробиравшихся чрезъ ихъ земли въ наши предѣлы, не могли и требовать отъ нихъ абсолютной покорности), а Аргитинцевъ никогда на Кавказѣ не существовало. Успѣхи Слѣпцова въ борьбѣ съ хищными партіями и ближайшими сосѣдями прекрасно ограждали линію, отбивали у горцевъ охоту къ частымъ набѣгамъ и держали ихъ въ постоянномъ страхѣ за цѣлость собственныхъ ауловъ и стадъ; но это не могло колебать власть Шамиля и вѣру въ его могущество, опиравшіяся на покорности ему всего Дагестана и Чечни. Для подрыва власти Шамиля потребовались болѣе серьезныя дѣйствія, чѣмъ нѣсколько-часовые набѣги, и не такія мелкія военныя средства, какія находились въ распоряженіи Слѣпцова. Только сосредоточенныя силы 300 тысячной арміи, направляемой одною волею къ ясно опредѣленной цѣли, сломили эту власть и заставили восточный Кавказъ признать себя побѣжденнымъ, а владыку своего—сдать для отправки на жительство въ Калугу.

Въ 1848 году Шамиль и не думалъ съ 10 т. *лучшихъ* войскъ бросаться на Сунжу, ибо тогда князь Аргутинскій-Долгорукій осаждалъ въ

Дагестанѣ его крѣпость Гергебиль, и Имамъ со всѣми своими главными наибами и толпами ее защищалъ (впрочемъ, напрасно: Гергебиль былъ взятъ). Главнокомандующій князь Воронцовъ, еслибы и былъ слухъ о нашествіи Шамиля на Сунжу, едва ли бы ему повѣрилъ и никогда не счелъ бы нужнымъ лично спѣшить туда: это было не дѣло главнокомандующаго, а мѣстнаго начальника Владикавказскаго округа генералъ-маіора Ильинскаго, или начальника Лѣваго фланга Нестерова, которымъ Слѣпцовъ подчинялся; не повѣрилъ бы князь Воронцовъ подобному слуху потому, что зналъ о нахожденіи Шамиля въ Дагестанѣ для противодѣйствія войскамъ князя Аргутинскаго. Такимъ образомъ, Слѣпцовъ не вырывалъ побѣды изъ рукъ *„друзей, старавшихся раздѣлить ее съ нимъ“*. И подумайте только: главнокомандующій князь Воронцовъ, стоящій во главѣ цѣлаго огромнаго края и 250 т. арміи, генералъ еще подъ Бородинымъ, побѣдитель Наполеона подъ Краономъ въ 1814 году, весь увѣшанный высшими орденами и Георгіевской звѣздой, одинъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ, пользующійся неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая, стремится раздѣлить честь побѣды надъ толпой Чеченцевъ съ командиромъ казачьяго полка, полковникомъ Слѣпцовымъ!! Къ тому же, старый князь любилъ Слѣпцова какъ сына, а Слѣпцовъ искренно, душевно уважалъ главнокомандующаго. Будьте милостивы и подумайте, возможно ли что-нибудь подобное? И какую же черту характера рисуете вы такимъ способомъ у Слѣпцова? Значитъ, онъ не столько заботился объ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, сколько о своемъ самолюбіи; ибо въ первомъ случаѣ ему слѣдовало бы быть благодарнымъ всякому, спѣшившему на помощь для защиты ввѣренной ему Линіи, подвергавшейся такой серьезной опасности, какъ нашествіе самого Шамиля съ 10 т. *лучшихъ войскъ*, а не думать о нераздѣльной побѣдѣ!

Но еще лучше заключеніе: „зналъ ли Слѣпцовъ, гдѣ найти врага и выѣхалъ съ этой цѣлью ему на встрѣчу, или одно геройское вдохновеніе руководило его въ побѣдѣ,—трудно рѣшить; но *достовѣрно*, что *благодѣтели, собравшіеся его выручать, были весьма недовольны* его поспѣшностью и тою безцеремонностью, съ которою онъ обошелся безъ нихъ“. И такъ Слѣпцовъ, этотъ честнѣйшій, безкорыстно-преданный дѣлу человѣкъ, чтобы только не дѣлить ни съ кѣмъ славы побѣды, можетъ быть, зная, гдѣ найти врага, не доложилъ объ этомъ главнокомандующему, а предпочелъ броситься одинъ съ 600 казаковъ на 10 т. *лучшихъ войскъ*! Ну, а еслибы эти 10 т. лучшихъ войскъ не разсѣялись какъ туманъ отъ 600 казаковъ? Вѣдь могло же это случиться, при всей храбрости Слѣпцова? Какъ бы назвали его поступокъ?.. Воля ваша, не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ....

А князь Воронцовъ и начальникъ главнаго штаба ген.-адъютантъ Коцебу, яко бы поспѣшившіе на помощь, иронически называются „благодѣтелями“, остающимися недовольными на Слѣпцова за поспѣшность въ побѣдѣ!?

Я уже сказалъ, что никакого нашествія Шамиля съ 10 т. не было: онъ былъ очень далеко отъ Сунжи въ то время. Князь же Воронцовъ, объѣзжавшій почти каждый годъ край въ разныхъ направленіяхъ,

въ 1848 году проѣхалъ по Сунжинской линіи въ кр. Воздвиженскую, собралъ тамъ отрядъ и показывалъ видъ вторженія въ Большую Чечню, чтобы отвлечь Чеченцевъ отъ движенія на помощь осажденному Гергебилю; затѣмъ, послѣ паденія этой крѣпости, главнокомандующій перешелъ въ Малую Чечню, для подробной рекогносцировки мѣстности, предположенной къ очисткѣ отъ лѣсовъ и подъ поселеніе новыхъ станицъ [1]).

На стр. 57, послѣ разсказа о „не менѣе тяжкомъ ударѣ, нанесенномъ Шамилю въ Галашкахъ“ (тутъ тоже все во много разъ преувеличенная фантазія) авторъ продолжаетъ: „А вотъ одно, можетъ быть самое смѣлое изъ дѣлъ Слѣпцова. Грозный окопъ возведенъ былъ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ. На устройство его Шамиль потратилъ много времени и трудовъ, а когда кончилъ, то похвалялся, что *позволитъ обрить себѣ бороду* [2]), если когда-нибудь Русская нога перешагнетъ за черту его укрѣпленія. И дѣйствительно, рядъ неудачныхъ попытокъ грозилъ оправдать его похвальбу. Отряды въ полномъ составѣ пытались взять его, но возвращались съ урономъ; а Шалинскій окопъ продолжалъ стоять бѣльмомъ на глазу у Русскихъ и нѣсколько времени былъ неприступнымъ. Онъ былъ внѣ круга Сунжинской линіи, но тѣмъ не менѣе не давалъ спокойно уснуть Слѣпцову; и вотъ, улучивъ минуту, при свиданіи съ главнокомандующимъ глазъ на-глазъ, онъ чуть не насильно выпросилъ себѣ позволеніе попытать счастья въ чужомъ раіонѣ.—„Даю вашему сіятельству слово, говорилъ онъ, что я возьму Шалинскій окопъ одинъ, съ легкимъ казачьимъ полкомъ и безъ всякой поддержки“... Воронцовъ долго отнѣкивался, считая, какъ и всякій на его мѣстѣ конечно считалъ бы, затѣю этого рода чѣмъ-то близкимъ къ безумству; но наконецъ, побѣжденный увѣренностью и неотступными просьбами, далъ позволеніе... А Слѣпцову только того и нужно было. Онъ взялъ Шалинскій окопъ съ самой ничтожной потерей. Главная трудность и тутъ, какъ и вездѣ, состояла въ подступѣ. Трудно было скрыть замыселъ такъ, чтобы ни друзья, ни враги не провѣдали о немъ ничего до самой минуты его выполненія. Еще труднѣе было подкрасться съ коннымъ полкомъ мимо постовъ и лазутчиковъ непріятеля и просидѣть незамѣченнымъ день въ оврагѣ. На разсвѣтѣ Слѣпцовъ съ казаками ударилъ врасплохъ на Шалинскій окопъ и, прежде чѣмъ нѣсколько ротъ егерей, взятыхъ на всякій случай, поспѣли за конницей, чтобы поддержать атаку, все уже было кончено“.

Какое наивное представленіе о войнѣ, войскахъ, отношеніяхъ начальствующихъ лицъ между собою!... Дѣло было вовсе не такъ. Въ теченіе лѣта 1850 г. Шамиль распорядился оградить всю Шалинскую поляну на разстояніи полутора верстъ окопомъ, съ редутами на флангахъ, и хотя вскорѣ генералъ Козловскій, начальствовавшій Лѣвымъ флангомъ за болѣзнію Нестерова, атаковалъ этотъ окопъ, разрушилъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и проработалъ дороги для прохода артилеріи (при чемъ было потеряно до 140 человѣкъ), но особеннаго результата отъ этого въ нашу

---

[1]) См. письма кн. Воронцова къ кн. Барятинскому отъ 5, 12 и 31 Іюля 1848 года изъ Возвиженской, въ „Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго“ т. 1-й, стр. 86—88 и 89.

[2]) Шамиль былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы говорить такія пошлости, хотя и съ оттѣнкомъ восточнаго характера. Серьезный, сосредоточенный, не позволявшій себѣ даже никогда лишняго слова, онъ не любилъ шутокъ, смѣха и проч. Это входило въ кодексъ его управленія.

пользу не произошло. Какъ только мы отступили, Шамиль приказалъ собрать толпы рабочихъ, еще уширилъ окопъ и увѣнчалъ его во всю длину турами. Черезъ нѣкоторое время, пользуясь отсутствіемъ Козловскаго, и начальникъ Сунжинской линіи Слѣпцовъ, съ небольшою колонною, налетомъ появился на Шалинскомъ окопѣ, прогналъ бывшій тамъ непріятельскій караулъ и тоже разрушилъ часть работъ,—немедленно, впрочемъ, опять горцами исправленныхъ и занятыхъ болѣе сильною партіею.

Всѣ эти дѣйствія, уклонявшіяся отъ предпринятой системы, не увѣнчивались успѣхомъ и съ очевидностью показывали, что только вырубка лѣсовъ зимою и прочное занятіе удобныхъ мѣстъ нашими укрѣпленіями и поселеніями могутъ привести къ достиженію цѣли *). Слѣпцовъ, за отсутствіемъ генералъ-маіора Козловскаго изъ Грозной, короткое время исправлялъ должность его и потому имѣлъ право предпринять движеніе къ Шали, не прибѣгая къ просьбамъ и убѣжденіямъ главнокомандующаго. Никакого оврага, въ которомъ бы въ теченіи дня могли скрыться цѣлый конный полкъ и нѣсколько ротъ пѣхоты, въ этой мѣстности нѣтъ; это ровная плоскость, въ то время лѣсистая. Если бы окопъ былъ занятъ сильнымъ скопищемъ Чеченцевъ, то взять его, да еще съ одною конницею, не было никакой возможности; но лѣтомъ, когда горцы, какъ и всякое другое населеніе, заняты полевыми работами, они только въ особыхъ случаяхъ собирались въ значительномъ числѣ; въ этотъ же разъ на Шалинскомъ окопѣ ихъ было очень мало, собственно какъ караулъ, и потому набѣгъ Слѣпцова обошелся почти безъ потерь, но и безъ всякаго результата: караулъ бѣжалъ, окопъ мы заняли для того, чтобы посмотрѣть на него и—уйти; а въ Январѣ 1851 года пришлось опять брать его отряду генерала Козловскаго, что́ и совершилось простымъ обходомъ, безъ всякой потери. Для защиты такого укрѣпленія, на протяженіи полутора верстъ, нужно бы нѣсколько тысячъ человѣкъ постояннаго прикрытія; у Шамиля же не было постоянныхъ войскъ и средствъ для этого. Строилъ онъ этотъ окопъ и много подобныхъ укрѣпленій болѣе съ цѣлью нравственной поддержки падавшаго духа горцевъ, самъ очень хорошо зная, что Русскихъ войскъ этимъ онъ не задержитъ.

Авторъ разбираемаго разсказа можетъ спросить меня: да почему же ваши слова должны приниматься на вѣру, а наши, основанныя на разсказахъ Неймана, не заслуживаютъ вѣры? Совершено основательный вопросъ, и я считаю нужнымъ дать на него отвѣтъ.

Не говорю о томъ, что я, прослуживъ 25 лѣтъ на Кавказѣ (1842—1866) на всѣхъ театрахъ происходившихъ тамъ военныхъ дѣйствій и отчасти въ должностяхъ, дававшихъ мнѣ возможность слѣдить за ходомъ дѣла и по офиціальнымъ даннымъ, и по отзывамъ самихъ начальствующихъ лицъ, изучилъ исторію Кавказской войны по источникамъ, не только въ архивахъ Тифлиса и Петербурга, но и по частнымъ, въ родѣ переписки князей Воронцова и Барятинскаго съ разными лицами (это документы, не

*) „Исторія Кабардинскаго полка“, т. III, стр. 89.

бывшіе пока ни у кого въ рукахъ и весьма важные для изученія предмета); но плодомъ моихъ изысканій были трехтомный трудъ „Исторія Кабардинскаго полка“ и „Біографія фельдмаршала князя Барятинскаго“ еще не доконченная. И тотъ и другой, какими недостатками ни отличались бы, имѣютъ однако одно значеніе: это сводъ самыхъ разнообразныхъ, вѣрныхъ матеріаловъ, на какихъ дѣйствительная исторія только и можетъ основываться. Я позволяю себѣ выразить увѣренность, что если уважаемый авторъ разсказа „Смерть Слѣпцова“ прочитаетъ „Исторію Кабардинскаго полка“ и законченный пока лишь I-й томъ „Біографіи князя Барятинскаго“, онъ несомнѣнно измѣнитъ свой взглядъ и убѣдится, что его представленія о Кавказской войнѣ и дѣлахъ, имъ разсказываемыхъ, были ошибочны. Само собою, подобныя ошибки вполнѣ извинительны человѣку, пріѣхавшему на Кавказъ случайно, на короткое время, и увлекшемуся разсказами, въ которыхъ трудно ему было разобраться. Авторъ, быть можетъ, не знаетъ, что всякій начальникъ отряда долженъ вести журналъ военныхъ дѣйствій и каждые 15 дней представлять ихъ своему начальству и военному министру, за исключеніемъ особыхъ выдающихся случаевъ, когда посылаются донесенія тотчасъ. Ни одинъ начальникъ, конечно, не станетъ умалять значеніе своихъ дѣйствій, а скорѣе старается придать имъ бо̀льшую важность, для чего у всѣхъ націй, безъ исключенія, выработался особый родъ „реляціонной литературы“. Покойный Слѣпцовъ *не принадлежалъ* къ разряду тѣхъ, которые въ реляціяхъ даютъ широкій просторъ фантазіи, но и не умалялъ ничего изъ лишней скромности, и потому сомнѣваться въ правдивости его донесеній нѣтъ ни малѣйшаго повода. Представьте же себѣ, что въ этихъ донесеніяхъ, давно мною читанныхъ, сколько помню, нѣтъ ничего подобнаго тому, что̀ говорится въ разсказѣ „Смерть Слѣпцова, Кавказская быль“.

Однако все приведенное выше ничто въ сравненіи съ слѣдующимъ эпизодомъ. Въ Іюнѣ 1851 года, Слѣпцовъ въ одномъ изъ набѣговъ былъ раненъ въ ногу и лечился въ станицѣ Михайловской, на желѣзосѣрныхъ ключахъ. Тутъ посѣтилъ *его* г-нъ Ахшарумовъ, и вотъ что разсказываетъ: „Мы застали его измученнаго и раздраженнаго; лицо и даже бѣлки его глазъ были желты. Вынужденное и ненавистное для него бездѣйствіе, рана и лекаря, залитое солнцемъ тѣсное помѣщеніе, мухи, извѣстія съ Линіи, рапорты изъ станицъ, друзья и враги, малѣйшее не впопадъ обращенное къ нему слово, даже простое участіе къ нему, какъ къ больному, все выводило его изъ себя. Такъ напримѣръ, *при насъ* его навѣстилъ вліятельный его *конкурентъ* и сосѣдъ, красавецъ и молодецъ еще, князь Барятинскій, исправлявшій въ то время должность начальника Лѣваго фланга. Онъ просидѣлъ не болѣе получаса; но даже и этотъ короткій визитъ былъ для больнаго невыносимой пыткой, *и я до сихъ поръ не могу забыть*, какъ, по отъѣздѣ князя, Слѣпцовъ проклиналъ его вѣжливость.

— Слишкомъ любезно! Слишкомъ внимательно! кипятился Слѣпцовъ, кусая усы и сверкая глазами изъ подъ нахмуренныхъ, черныхъ бровей. Терпѣть не могу эти гофмейстерскіе, дипломатическіе демарши!... Связываютъ они меня!.... *Я вспомнилъ Шалинскій окопъ... Онъ былъ въ районѣ дѣйствій Барятинскаго*, но (какъ сказано уже ранѣе) взятъ Слѣпцовымъ“.

Теперь положеніе мое становится крайне-затруднительнымъ. Не вѣрить автору не имѣю никакого права и желанія; но и молчаніе—было-бы знакомъ согласія, а согласиться я и не имѣю права, и не желаю. Я считаю просто святымъ долгомъ выступить на защиту двухъ, одинаково дорогихъ всякому старому Кавказцу покойниковъ: Слѣпцова и кн. Барятинскаго. Мнѣ для этого не нужно даже много распространяться: я сообщаю въ „Русскій Архивъ“ *) рядъ писемъ Слѣпцова къ князю Барятинскому, по прочтеніи которыхъ читатель самъ выведетъ нужное заключеніе. Прибавлю только: во 1-хъ, князь Барятинскій не только не былъ конкурентомъ Слѣпцова, но въ описываемое время, т. е лѣтомъ 1851 г., былъ его начальникомъ, такъ какъ часть Сунжинской линіи, отъ Заканъ-юрта внизъ по теченію рѣки, входила въ районъ Лѣваго фланга, которымъ князь временно командовалъ; вверхъ же по теченію, до Назрана, линія подчинялась начальнику Владикавказскаго округа; самъ Слѣпцовъ былъ подчиненъ обоимъ. Во 2-хъ, Слѣпцовъ ходилъ брать Шалинскій окопъ лѣтомъ *1850 г.*, когда князь *Барятинскій не только еще не былъ начальникомъ Лѣваго фланга, но даже не служилъ на Кавказѣ* и, не пользуясь въ то время расположеніемъ князя Воронцова, не надѣялся получить какое нибудь мѣсто. Въ 3-хъ, князь Барятинскій былъ гораздо старше по службѣ Слѣпцова, такъ что, послѣ оставленія княземъ Кабардинскаго полка, вначалѣ 1850 г., Нестеровъ представлялъ Слѣпцова въ эту должность (конечно, съ его предварительнаго согласія), но кн. Воронцовъ не утвердилъ этого представленія, считая Слѣпцова, трудно замѣнимымъ для управленія мирными Чеченцами. Пусть же авторъ подумаетъ, какъ не кстати или скорѣе неудачно онъ вспомнилъ *Шалинскій окопъ, будто-бы бывшій въ раіонѣ Барятинскаго, но взятый Слѣпцовымъ*“...

Авторъ цитируемаго разсказа, подобно многимъ другимъ, пріѣзжавшимъ во время оно на Кавказъ, не зная, въ чемъ и гдѣ дѣйствительная суть дѣла, называвшагося Кавказской войной, съ полной вѣрой относился къ разсказамъ офицеровъ, хотя и служившихъ на мѣстѣ, но немногимъ больше его знавшихъ, да считавшихъ нужнымъ прикрашать свои подвиги, придавать имъ особую важность и т. д. Вотъ основаніе того тона, который присущъ всему разсказу „Смерть Слѣпцова“.

Желаніе изобразить личность чуть ли не сверхестественную увлекло автора отъ реальной почвы въ область фантазіи и, какъ уже сказано, въ ущербъ памяти Слѣпцова, вовсе не нуждающагося въ ходуляхъ. Имя его на Кавказѣ, этой классической странѣ воинственнаго героизма, не исчезнетъ никогда, въ особенности въ части края, составляющаго раіонъ между Терекомъ, Сунжей и Аргуномъ; потому что дальше, за Кавказомъ и въ Прикаспійскомъ краѣ, мѣстное населеніе Слѣпцова не знало вовсе, а войска тѣхъ временъ, за рѣдкими исключеніями, давно покоятся въ могилахъ. Станица Сунжинская наименована Слѣпцовскою, напоминая о жившемъ и погребенномъ тутъ героѣ. (Князь Воронцовъ ходатайствовалъ о названіи полка „Сунжинскій Слѣпцова полкъ“, но императоръ Николай не ут-

*) Они появятся въ слѣдующемъ выпускѣ „Русскаго Архива“. П. Б.

вердилъ этого представленія). У Терскихъ казаковъ сохранились пѣсни, восхваляющія Слѣпцова. Однимъ словомъ, повторяю, имя этого храбраго, безкорыстнаго, Русскаго витязя не исчезнетъ, и нѣтъ никакой надобности создавать легенды....

Кстати къ характеристикѣ Слѣпцова и его чрезвычайной раздражительности. Пріѣхалъ онъ какъ-то въ отпускъ въ Саратовъ, пробылъ нѣкоторое время и собрался выѣзжать; но, по тогдашнимъ порядкамъ, нужно было подорожную прописать въ полиціи, и Слѣпцовъ послалъ ее, съ просьбой возвратить какъ можно скорѣе. Проходитъ часъ, другой, нѣтъ подорожной; бывшій съ Слѣпцовымъ казакъ сбѣгалъ еще разъ, но возвратился ни съ чѣмъ. Тогда взбѣшенный Слѣпцовъ идетъ самъ въ полицію, застаетъ тамъ какого-то пристава или квартальнаго, спрашиваетъ грознымъ голосомъ, почему не отдаютъ подорожной и, получивъ какой-то невѣжливый отвѣтъ, выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ и стрѣляетъ въ этого Саратовскаго блюстителя порядка, — къ счастью, нанесъ ему лишь контузію и вогналъ душу его въ пятки. Такая Чеченская выходка однако чуть-чуть не окончилась весьма печально. Императоръ Николай не любилъ шутить въ такихъ случаяхъ, и нашъ герой могъ легко очутиться въ солдатской шинели. Нужно было настойчивое ходатайство такого вліятельнаго и уважаемаго Государемъ человѣка, какъ князь Воронцовъ, чтобы замять дѣло. Такимъ образомъ, можно сказать, князь Воронцовъ былъ вовсе не въ ироническомъ значеніи слова благодѣтелемъ Слѣпцова.

На счетъ Неймана авторъ тоже немного ошибается, говоря, что онъ послѣ Слѣпцова тотчасъ вышелъ въ отставку и какъ бы намекая тѣмъ, что служить дальше не стоило. Но Нейманъ вышелъ въ отставку лишь въ 1856 г., чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти Слѣпцова; мы съ нимъ это время въ Грозной служили и по походамъ ходили. Промаявшись нѣсколько лѣтъ на Сибирскихъ золотыхъ пріискахъ Якобсона, Нейманъ въ 1862 г. возвратился на Кавказъ, поступилъ опять на службу въ Кубанское войско, командовалъ въ Новороссійскѣ пѣшимъ казачьимъ батальономъ и, въ чинѣ подполковника, окончательно вышелъ въ отставку; прожилъ нѣкоторое время въ имѣньицѣ въ Тамбовской губ., затѣмъ поселился въ Кисловодскѣ, гдѣ я его больнаго навѣстилъ въ 1882 голу, а въ слѣдующемъ году онъ тамъ умеръ.

Бывшаго при Слѣпцовѣ офицера Генеральнаго Штаба *Колодњева* г-нъ Ахшарумовъ ошибочно называетъ *Коледяевымъ*.

А. Зиссерманъ.

Ноябрь 1888 года.

ПИСЬМА М. И. ТОПИЛЬСКАГО къ А. М. КУБАРЕВУ.

Съ примѣчаніями И. В. Помяловскаго и Н. П. Барсукова.

Съ именемъ Михаила Ивановича Топильскаго неразрывно связано воспоминаніе о нашемъ знаменитомъ государственномъ сановникѣ графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ: въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, жизнь Топильскаго была посвящена непрерывному исполненію порученій графа Панина. Существуютъ чуть не легендарные разсказы объ отношеніяхъ министра юстиціи къ директору Департамента Министерства Юстиціи, и эти отношенія ярко обрисованы въ прекрасной статьѣ Н. П. Семенова, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1887 (вып. 12). Замѣчательно, что отецъ и дѣдъ М. И. Топильскаго тоже служили при графахъ Паниныхъ прошлаго столѣтія, такъ что приверженность Топильскаго къ графу В. Н. Панину была, такъ сказать, наслѣдственною. Самъ Топильскій по женскому колѣну былъ потомокъ извѣстнаго дѣльца Петровскаго времени Макарова и находился въ родствѣ съ князьями Волконскими и Голицыными.

Служба Топильскаго въ Министерствѣ Юстиціи была по достоинству оцѣнена графомъ В. Н. Панинымъ, который, въ 1862 году, представляя его въ сенаторы, писалъ о немъ Государю. „Подъ ближайшимъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ Топильскій находился въ теченіи 20 лѣтъ сряду, и по этой продолжительной службѣ я удостовѣрился въ его усердіи, дѣятельности и благородныхъ правилахъ. Онъ былъ мнѣ главнымъ и неутомимымъ сотрудникомъ во всѣхъ работахъ, какъ по обыкновенному теченію дѣлъ въ Министерствѣ, такъ и по преобразованію судебной части. По вѣрноподданническимъ его чувствамъ и по его способностямъ онъ всегда будетъ полезенъ службѣ Вашего Величества“ (*Дѣло Канц. М. Ю.* 1862, № 426).

Но немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что этотъ исправный чиновникъ находилъ время изучать и классическую литературу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ предлагаемыя письма его къ профессору Латинской сло-

весности, извѣстному археологу Алексѣю Михайловичу Кубареву, съ которымъ Топильскій былъ связанъ узами тѣсной дружбы *).

Подлинники этихъ писемъ хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ и сообщены намъ въ копіяхъ хранителемъ музейскихъ рукописей Дмитріемъ Петровичемъ Лебедевымъ.

Николай Барсуковъ.

16 Октября 1888 года.
Село Ашитково.

I.

Почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Казалось бы, что, послѣ всего сказаннаго, нечего и говорить болѣе о преимуществѣ образованія, основаннаго на классической почвѣ; но на дѣлѣ вышло не такъ. Не только нѣкоторымъ (правда немногимъ) изъ законадателей пришлось говорить объ этомъ, но и мнѣ многогрѣшному пришлось отстаивать предметъ. Я говорилъ предъ кѣмъ слѣдуетъ за нашу Латынь, отстаивалъ ее, сколько силъ было, своимъ собственнымъ опытомъ, своимъ труженическимъ прошедшимъ,— меня не поняли. Весь вашъ душою и сердцемъ М. Топильскій.

16 Августа 1864 года. С.-Петербургъ.

II.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

9 Ноября, вечеромъ, я доставилъ лично г-ну Науку предназначенный ему экземпляръ, который онъ принялъ съ особенною признательностью. На другой день мы опять собрались, и предметомъ бесѣды былъ вашъ примѣчательный экскурсъ на извѣстное мѣсто 8-й главы Аттика [1]). Тотчасъ выплылъ Куяцій [2]), съ его «dicis

*) О А. М. Кубаревѣ, товарищѣ М. П. Погодина, читатели найдутъ живыя и любопытныя свѣдѣнія въ первомъ томѣ превосходнаго труда: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, соч. Н. П. Барсукова. П. Б.

[1]) Имѣется въ виду изданіе А. М. Кубарева: „Корнелія Непота жизнеописанія славнѣйшихъ полководцевъ, съ критическими и грамматическими примѣчаніями А. Кубарева“. М. 1867 года. Мѣсто изъ VIII гл. жизнеописанія Аттика, упоминаемое въ письмѣ Топильскаго, находится въ § 5 и читается (по изданію Nipperdey): provinciarum quae his necis causa datae erant a consule. Вмѣсто necis, Кубаревъ предлагалъ читать pacis, Куяцій—dicis. И. П.

[2]) Куяцій—Iacques Cujas (1522—1590), знаменитый юристъ и филологъ, о которомъ см. Spangenberg I. Cujas und seine Zeitgenossen. Leipzig. 1822. И. П.

causa»; но На́укъ рѣшительно это отвергнулъ, при чемъ досталось за такое же чтеніе Целларію [3]), не смотря на ссылки послѣдняго, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, на Цицерона. Окончательно академикъ принялъ ваше чтеніе; собственноручное письмо его къ вамъ по этому предмету отправлено вложеннымъ въ посланное вамъ отъ г-на На́ука въ подарокъ новое его изданіе «Lexicon Vindobonense», съ примѣчательными прибавленіями изъ Фотія [4]). Въ туже посылку вложены мною посылаемые вамъ чрезъ меня отъ генерала Липранди [5]) *Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 года.* За симъ примусь распоряжаться доставленіемъ по принадлежности прочихъ вашихъ экземпляровъ. Ваша книга, мой другъ, истинно превосходная работа. Мнѣ скажутъ, что я пристрастный критикъ, потому что я вамъ другъ и что я влюбленъ въ «обветшалую», какъ выражаются нынѣшніе умники, Латынь. А я буду отвѣчать этимъ господамъ обветшалою Латынью:

Ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendar maculis [6]).

Вотъ имъ и все! Доброй Ольгѣ Ивановнѣ [7]) усердный поклонъ, а вамъ самыя дружескія объятія. Весь вашъ М. Топильскій.

12 Ноября 1867 г. С.-Петербургъ.

---

[3]) Целларій—Cellarius Christoph (1638—1707), извѣстный издатель древнихъ авторовъ и, между прочимъ, Корнелія Непота, съ примѣчаніями, приспособленными для учащихся. И. П.

[4]) Имѣется въ виду изданіе академика А. К. Наука: Lexicon Vindobonense. Recensuit et adnotatione critica instruxit Augustus Nauck. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli 1867. Тутъ, на стр. 201 и слѣд. помѣщены двѣ бесѣды патріарха Фотія на нашествіе Россовъ. И. П.

[5]) Иванъ Петровичъ Липранди. Хотя о немъ и сказано, въ *Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ* профессора Березина, что онъ „извѣстенъ болѣе по слѣдственнымъ производствамъ"; но, по свидѣтельству Пушкина, кромѣ этихъ качествъ, Липранди „соединялъ въ себѣ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка"; а въ письмѣ своемъ къ князю П. А. Вяземскому Пушкинъ называетъ Липранди *добрымъ своимъ пріятелемъ.* Школою для образованія изъ него *отличнаго военнаго человѣка* послужили война Финляндская и Отечественная. За тѣмъ, служба его при Воронцовѣ и Киселевѣ дала ему возможность близко ознакомиться съ положеніемъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, и изъ этого изученія онъ вынесъ мрачное воззрѣніе на такъ называемую *Славянскую взаимность.* Онъ уподоблялъ Славянъ ящерицамъ, которыя, будучи заключены въ одномъ сосудѣ, пожираютъ другъ друга. Не намъ конечно судить, на сколько это воззрѣніе справедливо или несправедливо; но совершающіяся въ наши дни событія, къ сожалѣнію, не противурѣчатъ этому воззрѣнію. И. П. Липранди собралъ спеціальную библіотеку о Турціи, которая въ настоящее время украшаетъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Н. Б.

[6]) Horatii Epistola ad Pisones 351. И. П.

[7]) Родственница холостяка Кубарева, оберегавшая его старость. П. Б.

III.

Послѣ письма моего отъ 12 Ноября я не получалъ отъ васъ никакой вѣсточки, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ; но я, полагаю, что посылка моя, съ письмомъ г-на На́ука, достигла уже своего назначенія. Такъ какъ въ настоящемъ письмѣ моемъ мнѣ нужно отсчитаться передъ вами во многихъ предметахъ, то я расположу оныя подъ цифрами.

1) Г-ну Науку доставилъ я лично шесть экземпляровъ и сообщилъ ему изъ письма вашего все до него относившееся. Почтенный академикъ приноситъ вамъ глубокую свою признательность; онъ прочиталъ вашу книгу съ большимъ, какъ выразился онъ, удовольствіемъ; замѣчанія ваши, говоря вообще, находитъ достойными всякаго уваженія, но по недосугу онъ не готовъ еще въ той мѣрѣ, чтобы дѣлать подробныя указанія. Въ бесѣдѣ со мною г. На́укъ отозвался, что онъ не теряетъ надежды въ послѣдствіи сойтись съ вами такъ, или другимъ образомъ.

2) Не можете себѣ представить, мой почтеннѣйшій другъ, съ какимъ радушіемъ, съ какимъ непритворнымъ удовольствіемъ принялъ ваше приношеніе графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Прочтя вашу надпись, онъ былъ неподдѣльно тронутъ. «*Да*», сказалъ мнѣ графъ, «*Алексѣй Михайловичъ совершенно правъ въ томъ, что я люблю классическіе языки и тотъ, кто мнѣ это говоритъ, не можетъ сказать ничего для меня пріятнѣе*». За симъ старикъ оживился, говорилъ долго о классическихъ языкахъ, о жалкомъ упадкѣ изученія ихъ у насъ въ настоящее время, о насущной необходимости подобрать и сохранить остающіяся крохи, и такой длинный свой монологъ заключилъ просьбой передать вамъ всю его искреннюю благодарность и глубокое къ вамъ уваженіе.

3) Одинъ изъ присланныхъ мнѣ экземпляровъ (за которые я вамъ земно кланяюсь) я доставилъ лично И. Д. Делянову. Ему уже извѣстно было объ экземплярѣ вашемъ, доставленномъ мною министру народнаго просвѣщенія [8]), и онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему вы не обратились непосредственно къ министру съ просьбой о томъ, чтобы подвергнуть вашъ трудъ разсмотрѣнію Ученаго Комитета.

---

[8]) Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, который при самомъ своемъ вступленіи на министерскій постъ былъ одушевленъ идеею обновить и укрѣпить классическое образованіе въ нашемъ отечествѣ. Н. Б.

Отвѣтъ мой я сдѣлалъ въ формѣ вопроса къ самому Ивану Давыдовичу, котораго спросилъ о томъ, «неужели ему неизвѣстна скромность Алексѣя Михайловича?» На это онъ мнѣ сказалъ, что при появленіи подобнаго труда самъ министръ, безъ просьбы автора, можетъ велѣть разсмотрѣть трудъ его, гдѣ и какъ слѣдуетъ, и на такое замѣчаніе я отвѣчалъ утвердительною частицею, съ прибавленіемъ «конечно».

Хотѣлъ было еще прибавить цифру, но вижу, что мѣста уже не будетъ и потому представляю себѣ побесѣдовать съ вами въ послѣдствіи. Но не оставьте, почтеннѣйшій другъ, по вашему доброму обычаю, дать мнѣ ваше, всегда драгоцѣнное разрѣшеніе на слѣдующій, вертящійся во мнѣ вопросъ: кто такой *L. Annaeus Florus*, когда жилъ онъ, писалъ ли что, кромѣ своего «Epitome rer. Rom-m», и въ какомъ свѣтѣ стоитъ вообще, какъ писатель [9]). Завидую доброй Ольгѣ Ивановнѣ, которой усердно кланяюсь; а завидую въ томъ, что она можетъ, не безпокоя васъ, улучить минутку и спросить васъ, хоть бы напримѣръ, объ Анneѣ Флорѣ, который у меня теперь кошемаромъ.

От сердца и дружески васъ обнимаетъ, по возвращеніи, отъ визита къ г. Нâуку, весь вашъ М. Топильскій.

25 Ноября 1867 г. С.-Петербургъ.

IV.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Письмо ваше отъ 9-го Декабря даетъ мнѣ возможность возобновить наши постоянныя, всегда для меня отрадныя и всегда утѣшительныя, бесѣды, которыя возобновлю я съ момента ихъ прекращенія. Съ предпослѣднимъ письмомъ вашимъ отъ 27 Ноября (прекратившимъ на время наши бесѣды) получено было мною Латинское письмо ваше. Въ самый день его полученія, я отвезъ его лично къ г-пу Нáуку, который непритворно обрадовался вашему посланію, читалъ его съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что онъ дастъ отвѣтъ въ послѣдствіи. 30-го Ноября я представилъ экземпляръ вашей книги графу В. Н. Панину, который принялъ оный съ большимъ удовольствіемъ и очень благодаритъ васъ за вниманіе. При откровенной бесѣдѣ нашей съ графомъ о жалкомъ состояніи въ настоящее время классическаго

---

[9]) L. (или P.) Annaeus (или Annius) Florus-историкъ, извѣстный своимъ сокращеніемъ исторіи Тита Ливія. Быть можетъ, ему же принадлежатъ нѣкоторыя риторическія произведенія и поэтическіе отрывки. Жилъ въ I-мъ столѣтіи по Р. Хр. И. П.

образованія (изъ 50-ти вызванныхъ особымъ распоряженіемъ надежнѣйшихъ латинистовъ изъ Семинарій, при самомъ снисходительномъ экзаменѣ, для образованія зерна Филологическаго Института [10]), принято только 10, забраковано 40), къ намъ подъѣхалъ президентъ Академіи Наукъ адмиралъ Литке, который заинтересовался вашею книгою и выпросилъ у меня экземпляръ, въ чемъ я не могъ отказать ему. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ ко мнѣ оффиціальное письмо, въ которомъ, извѣщая меня о полученіи экземпляра вашей книги, проситъ передать вамъ *чувства искренней его признательности.*

Теперь начинаю отвѣтъ мой по содержанію письма вашего отъ 9-го Дек. 1) Августъ Карловичъ Наукъ понимаетъ по-русски изрядно, объясняется съ бо̀льшимъ трудомъ, предпочитая для личныхъ сношеній Нѣмецкій или Французскій языки, печатное Русское читаетъ, но не безъ труда; наша Академія не покидаетъ своей традиціи быть полунѣмецкою. 2) Говоря откровенно, два-три экземпляра вашей книги не будутъ для меня лишними: я буду имѣть случай, черезъ Побѣдоносцева, или Кедрова [11]) передать ихъ туда, гдѣ иногда бываютъ замашки поучиться и классическимъ языкамъ (Кедровъ преподаетъ Греческій и Латинскій младшимъ дѣтямъ Императора). 3) О томъ, знаетъ ли генералъ Липранди Латинскій языкъ, мнѣ неизвѣстно; но я узна̀ю и сообщу вамъ. 4) Князь Н. Б. Юсуповъ сюда еще не прибылъ и прибудетъ ли, неизвѣстно.

Теперь выхожу изъ моего отвѣта и бесѣдую о прочемъ. А) при свободной минуткѣ сказать мнѣ ваше словцо о Флорѣ. Б) по поводу вашего изданія, прочитавъ снова всего Непота, я рѣшился спросить васъ о томъ, о чемъ неоднократно спросить намѣревался, а именно: какое значеніе имѣетъ подраздѣленіе главъ цифрами, помѣщаемыми не только послѣ точекъ, но иногда въ срединѣ періодовъ, какъ напр.: «Secutum est illud, occiso Caesare, quum respublica penes Brutum videretur et Cassium, ac tota civitas se ad eos convertisse: 2. Sic M. Bruto usus est, ut nullo ille adolescens aequali familiarius, quum

[10]) Императорскій Санкт.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ основанъ въ 1867 году. Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату подписанъ 27 Іюня 1867 г., въ которомъ между прочимъ изображено: „Обращая вниманіе на недостатокъ въ учителяхъ для гимназій, мы признали за благо учредить въ С.-Петербургѣ особое для образованія учителей высшее учебное заведеніе подъ названіемъ Императорскаго Историко-Филологическаго Института“. Н. Б.

[11]) Константинъ Васильевичъ Кедровъ, съ 12 Апрѣля 1872 года, занимаетъ должность директора Императорскаго Историко-Филологическаго Института. Н. Б.

hoc sene, neque solum eum principem consilii haberet, sed etiam in convictu (Attic. cap. VIII); или. . . . tantaque prosperitate usus esset valetudinis, ut annis triginta medicina non indiguisset: 2 nactus est morbum, quem initio et ipse et medici contempserunt? (Тамъ же гл. XXI [12]).

Добрѣйшей Ольгѣ Ивановнѣ мой усерднѣйшій привѣтъ.

Искренно и дружески васъ обнимающій М. Топильскій.

13 Декабря 1867 г. С.-Петербургъ.

V.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Кончина проживавшей здѣсь, близкой мнѣ по чувствамъ, родственницы и послѣдствія этого событія заняли весь небольшой досугъ мой; посему мнѣ не удалось повидаться и переговорить съ лицами, съ которыми мнѣ необходимо объясниться по дѣлу нашей доброй Ольги Ивановны. Между тѣмъ художники кончили свое дѣло, и изображеніе переводчика Иліады воспроизведено соотвѣтственно современнымъ требованіямъ искусства. Оставивъ у себя по экземпляру для передачи въ Академію Наукъ и въ коллекцію портретовъ Публичной Библіотеки, и одинъ экземпляръ собственно для меня, отправляю къ вамъ пятьдесятъ экземпляровъ, которые поступаютъ всѣ въ безотчетное ваше распоряженіе: что̀ угодно, то и извольте съ ними дѣлать. Въ посылку вложенъ и возвращаемый мною вашъ оригиналъ. Воспроизведенія изображенія Кострова не безъ значенія для тѣхъ, которые неравнодушны къ нравственному достоянію своей отчизны: въ жизни нашего языка Костровъ составляетъ эпоху замѣчательную. Позвольте мнѣ отъ души благодарить васъ, почтеннѣйшій другъ, за утѣшеніе, которое вы мнѣ доставили предоставленіемъ отрадной возможности, хотя сколько-нибудь содѣйствовать тому, что у насъ теперь хорошій портретъ Кострова [13]). Привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ, а вамъ самое дружеское объятіе. Весь вашъ М. Топилскій.

30 Ноября 1869 г. С.-Петербургъ.

---

[12]) М. И. Топильскій имѣетъ въ виду параграфы, на которые, для бо̀льшаго удобства цитированія, подраздѣляются главы древнихъ прозаиковъ. И. П.

[13]) Кубаревъ и Топильскій были того мнѣнія, что переводъ Иліады, сдѣланный Костровымъ (7 первыхъ пѣсенъ) хотя и не размѣромъ подлинника, но выше перевода Гнѣдичева. П. Б.

VI.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Несказанно обрадовали вы насъ обоихъ, меня съ Юліею Владимировною [14]), отраднымъ извѣстіемъ о томъ, что выздоровленіе доброй Ольги Ивановны устранило ваше безпокойство и, дай Богъ, чтобы спокойствіе ваше не нарушалось. Приложу всевозможное стараніе, чтобы порученіе ваше относительно портрета Петра Великаго исполнено было во всей точности, а теперь стану бесѣдовать о дѣлахъ нашихъ, по которымъ рѣчь будетъ съ моей стороны не въ вопросахъ, а въ довольно интересныхъ сообщеніяхъ.

А. К. Наукъ окончилъ, наконецъ, свое изданіе Еврипида и приготовилъ для васъ экземпляръ съ собственноручною подписью; книга эта отправляется къ вамъ съ симъ вмѣстѣ по тяжелой почтѣ. Предваривъ васъ о намѣреніи г. Фохта отправить къ вамъ свою книгу, считаю долгомъ объяснить здѣсь, что г. Наукъ говорилъ мнѣ о приготовляемомъ для васъ экземплярѣ Еврипида при г. Фохтѣ, который, пользуясь случаемъ, сталъ возносить васъ похвалами, и смыслъ рѣчи его состоялъ въ томъ, что онъ выступилъ на стезю сношеній своихъ съ вами вашимъ оппонентомъ, а пришелъ къ тому, что сдѣлался вашимъ великимъ почитателемъ: можете судить, какъ для меня это было пріятно [15]). Въ первыхъ мѣсяцахъ настоящаго года графъ В. Н. Панинъ, зная любовь мою ко всему Римскому, подарилъ мнѣ привезенный имъ изъ Рима антикъ, въ видѣ параллепипеда.

На одной сторонѣ подпись: *EME*; на противуположной сторонѣ надпись *HABBEBI*; вѣсомъ эта масса фунтъ.

Не зная, что такое этотъ антикъ, я передалъ его, чрезъ Августа Карловича Наука, на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, въ которой состоялось слѣдующее заключеніе. Составъ массы есть соединеніе свинца съ какимъ-то другимъ веществомъ, опредѣлить которое безъ разложенія невозможно. Относительно значенія антика мнѣнія раздѣлились: академикъ Стефани говоритъ, что это есть привѣсъ къ рыболовной

---

[14]) Супруга Топильскаго, ур. Штейнгель, дочь извѣстнаго декабриста. П. Б.

[15]) Изданіе Еврипида, подъ редакціей академика Авг. Карл. Наука, вышло впервые въ 1856 г., и затѣмъ нѣсколько разъ повторялось. Книга г. Фохта, о которой идетъ рѣчь, есть его, увѣнчанное первою Петровскою преміей, сочиненіе: *Матеріалы для переводовъ съ Русскаго языка на Латинскій.* С.-Петербургъ 1868 г.—Г. Фохтъ писалъ рецензію на изданіе Непота Кубарева въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1868 г. № 8. И. П.

сѣти, для тяжести, подписей онъ не объяснилъ; академикъ Шифнеръ утверждаетъ, что это есть разновѣсокъ къ Римскимъ вѣсамъ—*Pondus* (вѣсовая гиря); слово *EME* — повелительное наклоненіе отъ *Emere*; слово—*HABBEBI* во 1) написано ошибочно удвоеніемъ въ срединѣ согласной B, и во 2) утратилась въ концѣ буква S; возстановленіе чтенія съ этими поправками составляетъ полную надпись: *Eme—habbebis*. Всѣ единогласно находятъ, что предметъ весьма древній.

Вотъ что мнѣ нужно было передать вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ; въ особенности хотѣлось поскорѣе отправить къ вамъ Еврипида, поднося вамъ котораго, Августъ Карловичъ выражалъ истинное свое къ вамъ уваженіе такими словами, которыя прошли мнѣ прямо въ сердце. Юлія Владимировна свидѣтельствуетъ вамъ свое глубокое почтеніе. Искренній нашъ общій привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ. Горячо и крѣпко отъ сердца обнимаю моего почтеннѣйшаго друга [16]). Весь и всегда вашъ М. Топильскій.

11 Октября 1871 г. С.-Петербургъ.

VII.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ!

Необыкновенно радуюсь, что присылка моя вамъ понравилась и при этомъ пріятномъ впечатлѣніи отвѣчаю на дружеское письмо ваше отъ 14-го Марта.

Нашелся и портретъ Петра Втораго; но такъ какъ одну карточку неловко посылать по почтѣ, то я и отправляю къ вамъ три, выставивъ на оборотѣ каждой №№, подъ которыми я ихъ здѣсь опишу:

№ 1. Императоръ Петръ II; въ латахъ, парчевой мантіи и желтоватомъ парикѣ; лучшій изъ всѣхъ типовъ, писалъ Литенъ (Lutten), принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа.

№ 2. Царевна Софія Алексѣевва, правительница Россіи 1682—1689 г., постриженная въ Новодѣвичемъ монастырѣ подъ именемъ Сусанны; новѣйшая копія по извѣстной Голландской гравюрѣ, принадлежитъ Н. Н. Путилову.

---

[16]) На послѣдней страницѣ этого письма рукою Кубарева написано: „О Непотѣ и подлежащей рѣчи Саллустія, т. е. о мнѣніи о ней г. Фохта. Здѣсь имѣется въ виду трудъ А. М. Кубарева: „О Саллустіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтиліана. Москва. 1870 года". Что касается до антика, то памятникъ, этотъ, очевидно подложенъ (что видно уже изъ его вѣса, въ одинъ современный фунтъ). Надпись на немъ есть продуктъ фантазіи поддѣльщика, а объясненіе —продуктъ фантазіи академика Шифнера. И. П.

№ 3. Александръ Петровичъ Сумароковъ замѣчателенъ уже потому, что былъ писателемъ, современнымъ Ломоносову (род. 1718 г., умеръ 1 Октября 1777 г.). Грудное изображеніе въ синей бархатной мантіи, писалъ Лосенко; самъ Сумароковъ подарилъ этотъ портретъ Академіи Художествъ, принявшей его въ свои члены. Портретъ этотъ и теперь принадлежитъ той же Академіи.

На вопросы ваши относительно того, откуда получила редакція портреты Петра Великаго, буду отвѣчать слѣдующее: а) снимокъ съ Кнеллера, фотографія съ оригинала Грубе, что въ Нарвскомъ Магистратѣ, принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа; б) Натье принадлежитъ здѣшнему Обществу поощренія художниковъ; в) Моръ значится принадлежащимъ Н. В. Воейкову, лицу мнѣ совершенно неизвѣстному. Портрета Семеновой рѣшительно нѣтъ, но со временемъ я постараюсь какъ-нибудь достать его. Въ моей жизни я познакомился съ этою женщиною подъ впечатлѣніями самыми непріятными: дочь Семеновой производила бракоразводное дѣло съ мужемъ своимъ, предмѣстникомъ моимъ по званію директора Департамента Министерства Юстиціи, Карніолинъ-Пинскимъ. Мать руководила дочерью. Я невольно вошелъ въ дѣло, какъ ближайшій сослуживецъ Карніолинъ-Пинскаго (онъ былъ директоромъ, а я при немъ вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи); съ обѣихъ тяжущихся сторонъ было много грязнаго, и среди этой грязи я познакомился съ Екатериною Семеновною, бывшею Семеновою, которая, не смотря на плачевную сторону дѣла, находила однакоже случаи принимать трагическія позы.

Юлія Владимировна и нашъ молодой человѣкъ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе; посылаемъ нашъ общій привѣтъ доброй Ольгѣ Ивановнѣ, а васъ отъ сердца обнимаетъ

душею и навсегда преданный вамъ М. Топильскій.

16 Марта 1872 г. С.-Петербургъ.

P. S. Бога ради не посѣтуйте за безпокойство, причиненное вамъ желаніемъ моимъ ближе познакомиться съ барышей «Natta».

VIII.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Михайловичъ.

Письма ваши, первое отъ 23-го и второе отъ 29 Февраля, пришли ко мнѣ при началѣ тяжелой моей простудной болѣзни, сложившей меня въ постель, но отъ которой, по милости Божіей, я выздоравливаю, хотя еще не могу оставить комнаты. Юлія Владимировна прочла мнѣ

письма ваши, и я, лежа въ постелѣ, распорядился исполненіемъ вашей коммиссіи, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, а именно, чтобы вы *отнюдь не присылали мнѣ денегъ* за отправляемые къ вамъ кабинетъ-портреты; во 1-хъ потому, что издержка не значительна, а при этомъ, во 2-хъ полученіе съ почты денегъ, по обрядамъ своимъ, слишкомъ хлопотливо. Приступаю къ отчету по исполненію вашей коммиссіи. По мысли нѣкоторыхъ лицъ, въ 1870 г. составилась здѣсь выставка портретовъ замѣчательныхъ въ нашей исторіи лицъ и теперь продаются фотографіи этихъ портретовъ, указанныя въ календарѣ Гоппе. Портреты доставлялись отъ двора и отъ частныхъ лицъ, оцѣнивавшихъ представляемыя произведенія по достоинству кисти. Въ такомъ порядкѣ, одного и того же лица явилось нѣсколько портретовъ, которые по работѣ удостовѣряли въ достоинствѣ художниковъ, ручавшемся въ сходствѣ съ оригиналомъ, но которые между собой различествовали, потому что портреты снимаемы были въ разное время. Такъ моя фотографическая карточка не сходна одна съ другою, если отъ времени снятія одной до времени снятія другой протекло десять лѣтъ жизни. Для порядка на оборотѣ карточекъ я поставилъ №№, и отправляю къ вамъ слѣдующіе кабинетъ-портреты Петра 1-го:

1) По колѣно въ латахъ съ Андреевскою лентою, оригиналъ Натье, писанный въ 1717 году масляными красками на холстѣ.

2) Въ порфирѣ—Карла Мора.

3) Въ латахъ съ жезломъ—Кнеллера.

4) Екатерина I—въ ростъ, у стола, съ короною и скиптромъ, типъ не похожій на всѣ другіе портреты Екатерины I на полотнѣ; принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа.

5) Царевичъ Алексѣй Петровичъ—принадлежитъ музею Эрмитажа.

6) Императрица Анна Іоанновна—копія съ Каравака, писанная Бухольцомъ, принадлежитъ музею Эрмитажа.

7) Императрица Елисавета Петровна, писалъ Бухольцъ (1758 г.) принадлежитъ Эрмитажу.

8) Императрица Екатерина II, писалъ Торелли въ 1763 году принадлежитъ Св. Синоду.

9) Императоръ Павелъ I, взято изъ Гатчинскаго дворца.

10) Императрица Марія Θеодоровна, - портретъ въ ростъ, въ натуральную величину. Государыня стоитъ у стола и держитъ листъ бумаги, на которомъ нарисованы силуэты Августѣйшихъ дѣтей Ея Величества, потомъ вылѣпленные ею собственноручно. Какъ извѣстно, императрица Марія проявила замѣчательный талантъ въ медальёрномъ искусствѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго Леберехта. Оригиналъ принадлежитъ Великому Князю Константину Николаевичу.

11) М. В. Ломоносовъ, современная копія съ оригинала, или повтореніе самого же Шульца.

12) Кн. Ал. В. Суворовъ-Рымникскій, временъ Павла.

13) Кн. Мих. Ил. Голенищевъ Кутузовъ-Смоленскій, въ мундирѣ Шляхетнаго корпуса, котораго онъ былъ начальникомъ при Павлѣ I-мъ; портретовъ князя Кутузова позднѣйшаго времени на выставкѣ не было.

Портреты императора Александра I были на выставкѣ только написанные до 1800 г.; портретовъ позднѣйшаго времени не было; и потому, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

14) Александръ Павловичъ, копія съ Лампи (первѣйшій живописецъ своего времени), принадлежитъ Эрмитажу.

15) Константинъ Павловичъ—принадлежитъ Эрмитажу.

16) Александръ I, въ дѣтствѣ, представленъ играющимъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и разсѣкающимъ Гордіевъ узелъ; копія съ Левицкаго, писалъ Дрозжинъ, оригиналъ принадлежитъ музею Эрмитажа и взятъ изъ Гатчинскаго дворца.

Земно кланяюсь за объясненія о миѳологіи, которое я предчувствовалъ, но хотѣлъ только повѣрить мое предчувствіе. Крѣпко, крѣпко васъ обнимаетъ весь вашъ М. Топильскій. P. S. Портрета Е. С. Семеновой на выставкѣ не было, а потому нѣтъ и въ продажѣ.

3 Марта 1872 года. С.-Петербургъ.

*

М. И. Топильскій былъ любителемъ и Русской исторіографіи. Не будучи знакомъ съ нимъ лично, въ одну изъ Петербургскихъ моихъ поѣздокъ, зашелъ я къ нему поблагодарить за посредничество его въ доставленіи Русскому Архиву нѣкоторыхъ бумагъ отъ графа В. Н. Панина. Моего посѣщенія онъ не могъ ждать. Я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ сряду въ живой бесѣдѣ. Онъ повелъ меня въ кабинетъ и указалъ на пачки бумагъ съ надписями: „Послѣ моей смерти въ Русскій Архивъ". Неоднократныя мои заявленія о томъ наслѣдникамъ М. И. Топильскаго не увѣнчались успѣхомъ. П. Б.

УВѢКОВѢЧЕНІЕ ЧУДА 17-ГО ОКТЯБРЯ.

17 Октября 1888 года совершилось надъ Россіею неисповѣдимое, великое чудо Божіяго милосердія, озаряющее свѣтомъ истиннаго разума настоящую и дальнѣйшую жизнь нашего отечества. Благоговѣйную благодарность Промыслу ничѣмъ достойнѣе нельзя выразить, какъ послѣдовать примѣру, который намъ поданъ самимъ возлюбленнымъ Государемъ нашимъ и Его Семействомъ тотчасъ послѣ спасенія отъ гибели, т. е. дѣломъ человѣколюбія.

Человѣколюбіе это должно быть общенародное, и въ немъ подобаетъ принять участіе всему населенію великаго Русскаго Царства.

Приступаемъ къ изложенію главныхъ основаній.

1. Нѣтъ надобности доказывать, что никакое общеполезное дѣло не можетъ совершаться безъ горячаго сердечнаго участія всего общества. Въ настоящемъ случаѣ участіе это должно быть выражено денежными пожертвованіями, по мѣрѣ желанія каждаго. Но если остановиться на мысли объ опредѣленіи пожертвованій въ какомъ либо общемъ размѣрѣ, сообразномъ съ возможностію каждаго: то самымъ удобнымъ опредѣленіемъ была-бы одна копѣйка съ рубля годоваго прожитка одного (1888) года, и эта мѣра нисколько не ослабила бы утѣшительную надежду на то, что между Русскими людьми явится множество такихъ патріотовъ, которые найдутъ возможность идти далеко за предѣлы копѣечнаго размѣра. При этомъ скромномъ размѣрѣ проживающіе въ теченіи года 100 рублей жертвуютъ 1 рубль, 1.000 рублей—10 рублей, 10,000 рублей—100 рублей и т. д. Желающіе вознаградить себя за сдѣланное пожертвованіе всегда найдутъ возможнымъ уэкономить вышеозначенную копѣйку посредствомъ самаго незамѣтнаго сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ; а для того, кто проживаетъ, сколько ему вздумается, не стѣсняясь никакою предварительною смѣтою годовыхъ расходовъ, жертвуемая копѣйка съ рубля, т. е. $^1/_{100}$ расходовъ одного года, не представляетъ никакого значенія.

*

2. Дѣлаемыя пожертвованія, вѣроятно, не откажутся принимать, при особыхъ краткихъ заявленіяхъ, начальники губерній, предводители дворянства, благочинные приходскіе священники, земскія управы, городскія думы и городскіе головы, волостныя правленія, общественные и частные банки и редакціи столичныхъ и губернскихъ газетъ и журналовъ, для пересылки ихъ на храненіе въ Государственный Банкъ подъ именемъ *капитала для увѣковѣченія чуда 17 Октября 1888 года* съ тѣмъ, чтобы жертвуемыя суммы были немедленно обращаемы въ государственныя, болѣе доходныя, процентныя бумаги. При этомъ, конечно, каждый имѣетъ полнѣйшее право, прямо отъ себя, представлять свои пожертвованія въ Государственный Банкъ или въ его отдѣленія и конторы.

Нельзя не пожелать, чтобы пожертвованія направлялись прямо въ Государственный Банкъ, внѣ всякаго соприкосновенія къ мѣстнымъ властнымъ лицамъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Это было бы гораздо выразительнѣе, потому что было бы совершенно просто и чуждо всякаго вліянія; было бы открытымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что всѣ Русскіе люди выражаютъ свои сердечныя побужденія какъ одинъ человѣкъ, въ избыткѣ собственнаго, никѣмъ не направляемаго, естественнаго прилива своихъ патріотическихъ чувствованій. Но какъ придти къ тому? Очень просто. Въ каждомъ городѣ, селеніи и деревнѣ есть особо уважаемыя личности изъ священниковъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, и вотъ у одной такой-то личности, или у нѣсколькихъ, развѣ нельзя сойтись 5—10 лицамъ поговорить объ увѣковѣченіи чуда 17 Октября, написать на листѣ бумаги свои пожертвованія и, приложивъ деньги, отправить ихъ съ почтою въ Петербургъ прямо въ Государственный Банкъ? Изъятіе изъ этого направленія единственно приложимо къ Москвѣ, какъ къ центру государства, и конечно, приложимо только въ томъ случаѣ, если его сіятельство князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ изъявитъ согласіе на принятіе жертвуемыхъ суммъ для передачи ихъ въ Московскую Контору Государственнаго Банка. Если жертвователямъ посчастливится имѣть пунктомъ средоточія Московскаго генералъ-губернатора: то это, несомнѣнно, воздѣйствуетъ на всѣхъ Русскихъ людей самымъ отраднымъ образомъ вслѣдствіе общаго сочувствія къ представителю знаменитаго и древнѣйшаго рода князей Долгоруковыхъ, всегда сосредоточивавшихъ на себѣ выдающуюся дѣятельность въ главныхъ событіяхъ Русской исторической жизни.

3. Въ виду необходимости имѣть средоточіе, въ которомъ были бы извѣстны имена всѣхъ жертвователей и представленныя ими суммы для распространенія свѣдѣній о пожертвованіяхъ во всеобщую извѣстность, учрежденія и лица, принявшія пожетрвованія, весьма бы облег-

чили это дѣло, еслибы приняли на себя трудъ извѣщать о томъ, къ концу каждаго мѣсяца, «Русскій Архивъ» (Москва, Ермолаевская Садовая, 175), который не затруднится печатать въ своемъ изданіи списокъ жертвователей.

При этомъ крайне желательно, чтобы въ извѣстіяхъ, посылаемыхъ отъ жертвователей въ Русскій Архивъ, были обозначены не только цифры пожертвованій, но и тотъ городъ или уѣздъ, откуда отправлено пожертвованіе прямо въ Государственный Банкъ или представлено мѣстнымъ учрежденіямъ съ поименованіемъ названія ихъ. Также было бы очень интересно видѣть въ спискахъ жертвователей отмѣтки по вѣроисповѣданіямъ: православному, старообрядческому, католическому, лютеранскому, магометанскому и еврейскому.

4. Одушевляясь мыслію увѣковѣчить 17 Октября дѣломъ человѣколюбія, нельзя не остановиться на участи такихъ бѣдняковъ, которые, при добросовѣстномъ стремленіи къ работѣ, очутились въ нуждѣ и крайности не по своей винѣ. Здѣсь предъ глазами внутренняго христіанскаго и патріотическаго зрѣнія находится у каждаго мыслящаго человѣка тотъ крестьянинъ-пахарь, который, при стѣсненномъ малоземельномъ владѣніи, не можетъ прокормить свое семейство и состоитъ въ необходимости, бросая свой кровъ и продавая имущество за безцѣнокъ, устремляться на окраины Россіи для отысканія свободной земли. Бѣдствующіе искатели свободныхъ земель бродятъ сотнями семействъ, будучи руководимы невѣждами и обманщиками, доводящими ихъ до окончательнаго разоренія.

5. Между тѣмъ въ благословенной Россіи находятся обширныя пространства казенныхъ пустопорожнихъ земель съ доброй растительной почвой, лежащія втунѣ и вовсе невѣдомыя тѣмъ, кто нуждается въ воздѣлываніи земли, ради насущнаго хлѣба. Смѣемъ думать, что пространства эти, напримѣръ по желѣзной дорогѣ Уфимской губерніи до Златоуста и далѣе до Томска (въ случаѣ продолженія желѣзной дороги по этому направленію), или въ уѣздахъ Самарской губерніи, Николаевскомъ и Новоузенскомъ и т. п., могутъ быть предоставлены въ пользованіе малоземельнымъ крестьянамъ, которые на этихъ земляхъ образуютъ—полную довольства—сельскую жизнь; а тѣ деревни, откуда они выселятся, увеличатъ земельныя владѣнія для оставшихся обитателей.

Въ этихъ видахъ, всѣ Русскіе люди почли бы себя вполнѣ счастливыми, еслибы ихъ пожертвованія породили образованіе

Александровскаго Общества благоустройства малоземельныхъ крестьянъ, въ память чудотворенія 17-го Октября 1888 года.

**

6. «Александровское Общество» должно руководиться правилами, выработанными въ министерствахъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, удостоенными, въ установленномъ порядкѣ, Высочайшаго утвержденія, съ назначеніемъ для приведенія ихъ въ исполненіе указанныхъ Государемъ Императоромъ лицъ.

7. Изъ процентовъ, получаемыхъ со всѣхъ пожертвованныхъ суммъ, обращенныхъ въ государственныя бумаги, должно выдаваться безвозвратное пособіе малоземельнымъ крестьянамъ по водвореніи ихъ на новыя мѣстожительства для оплаты расходовъ по устройству усадебныхъ помѣщеній. Пособіе это должно составлять на каждое семейство единовременно не менѣе 300 р. съ вычетомъ 5%, отчисляемыхъ на устройство православныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ для допускаемыхъ закономъ старообрядческихъ вѣроисповѣданій (если таковыя будутъ въ числѣ переселяющихся), храмовъ для пріемлющихъ священство и молитвенныхъ домовъ для непріемлющихъ, на медицинскую часть и на образованіе школъ, дабы новонаселенныя деревни выражали сразу полное благоустройство.

8. Всѣ вновь заселяемыя мѣста должны именоваться: «Царскія Волости», и каждая волость заключать въ себѣ до 3,000 народонаселенія. Волости эти должны имѣть слѣдующія названія: 1) Александровская, 2) Маріинская, 3) Николаевская, 4) Георгіевская, 5) Ксеніевская, 6) Михайловская и 7) Ольгинская.

9. Послѣ полнаго населенія поименованныхъ Царскихъ Волостей, дальнѣйшее вспомоществованіе, въ томъ же размѣрѣ, должно быть производимо слѣдующимъ затѣмъ переселенцамъ, такъ какъ приростъ населеній во внутреннихъ и густонаселенныхъ губерніяхъ будетъ порождать постоянную необходимость въ содѣйствіи къ переселенію на новыя мѣста. Свободныя за выдачею вспомоществованій суммы должны быть употребляемы на устройство между деревнями новосёловъ шоссейныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, постоянно оказываемая помощь, выражая продолженіе экономическаго благоустройства, будетъ сохранять, изъ рода въ родъ, народную память о чудотвореніи 17-го Октября.

10. Не прекращая пріема пожертвованій, въ день годовщины совершившагося чуда должно быть доложено Богохранимому Отцу Отечества объ общей суммѣ приношеній, образовавшихся изъ сердечныхъ побужденій Его вѣрноподданныхъ сыновъ.

Дополнительныя мысли.

I.

Въ настоящее время Россія живетъ подъ вліяніемъ двойственныхъ ощущеній, ужаса и радости. И то, и другое пораждается воспоминаніями и разсказами о подробностяхъ крушенія Царскаго поѣзда 17 Октября. Разговоръ объ этомъ невольно отодвигаетъ назадъ всѣ интересы дня, заслоняя собою, въ каждой патріотической семьѣ, значеніе семейныхъ, торговыхъ и общественныхъ дѣлъ. У всѣхъ на языкѣ ужасъ катастрофы и ужасъ всей Россіи, при мысли еслибы надъ страшнымъ бѣдствіемъ не возсіяло свѣтозарное чудотвореніе. Страшно вспомнить что происходило. Въ одномъ вагонѣ съ Царемъ убитъ служитель, мгновенно вытолкнута съ рельсовъ телѣжка съ колесами, на которой стоялъ вагонъ-столовая, и находившаяся въ этой столовой Царская Семья также мгновенно очутилась на рельсахъ подъ крышею вагона, получившаго въ одну секунду форму сплюснутаго и накось свалившагося забора, такъ что внутренняя высота въ этомъ вагонѣ составляла не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина. И оттуда-то, изъ этой могильной пещеры, по освобожденіи отъ разныхъ обломковъ, надобно было появляться на свѣтъ Божій! И среди всего этого страшнаго погрома всѣ остались живы и невредимы!

Но на сплюснутый вагонъ-столовую долженствовали въ тѣже секунды наѣхать слѣдующіе за нимъ вагоны и наѣздомъ этимъ расплюснуть, раздавить, сокрушить. О ужасъ! О воспоминаніе захватывающее духъ!

Но вдругъ какая-то невѣдомая сила, быстрѣе молніи, два ближайшихъ къ столовой вагона поворачиваетъ поперекъ рельсовъ и образуетъ изъ нихъ баррикаду, задержавшую натискъ дальнѣйшихъ вагоновъ на поверженную на рельсахъ Царскую столовую, прикрывающую Царственную Семью. Натискъ дальнихъ вагоновъ на тѣ вагоны, которые стали поперекъ, былъ столь силенъ, что отъ удара въ нихъ проломило стѣну и въ этотъ проломъ выбросило на откосъ земляной насыпи (пяти саженной высоты) Великую Княжну Ольгу Александровну. И тутъ совершилось новое чудо: Великая Княжна осталась совершенно невредима, и когда Невидимая Рука перенесла ее на землю пониже насыпи, то она, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, ясно понимала важность минуты и выразила это возгласомъ: «папа, я жива!»

Затѣмъ, казалось бы, нужны были многіе часы, чтобы опомниться и придти въ себя. Но отдыхать было некогда, потому что въ дру-

гихъ вагонахъ оказались жертвы крушенія, мертвые и раненые. Отдыхать было некогда. Царь и Царица, окруженные, вмѣсто живой прислуги, умирающею и уже бездыханною прислугой, стали сами ухаживать за ранеными, стали помогать имъ чѣмъ и какъ возможно, стали облегчать страданія изнемогающихъ своимъ личнымъ служеніемъ. А въ это время дождь и осенній вѣтеръ заставляли дрожать отъ холода, ноги вязли въ грязи, на плечахъ запасной одежды не было; и вотъ въ эти-то минуты величіе духа человѣколюбія, проявленнаго Царемъ и Царицей, соединяло Русскую землю съ Небомъ. Падемъ ницъ! Въ эти минуты въ нашихъ немощахъ укрѣплялась и закаливалась наша сила. Безпремѣрный подвигъ Царскаго человѣколюбія выражалъ очистительную жертву за грѣхи всей Россіи, жертву восходившую къ престолу Вышняго Человѣколюбца. Въ минуты этого священнодѣйствія Россія выростала, мужала, соединялась въ одно цѣлое съ своимъ Державнымъ Вождемъ.

Въ эти минуты наша—чистая въ намѣреніяхъ и стремящаяся къ Русскимъ воззрѣніямъ—учащаяся молодежь, за исключеніемъ нѣкоторой части поврежденной (въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ) чужеземнымъ вѣяніемъ вредныхъ лжеученій, исцѣлялась отъ своихъ язвъ и возрождалась для жизни, основанной на чистѣйшей преданности къ Царю и разумной любви къ отечеству. Сотни тысячъ Русскихъ людей съ истиннымъ душевнымъ наслажденіемъ видѣли, съ какимъ неподдѣльнымъ сердечнымъ восторгомъ учащіеся юноши всѣхъ возрастовъ и учрежденій встрѣчали сохраненнаго Провидѣніемъ Монарха въ Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ.

И что же мы, Русскіе люди, воздали за все это? Кровати въ больницахъ и богадѣльняхъ! Непонятно. Если кровати нужны по увеличенію заболѣваній, то неужели для этого нужно крушеніе Царскаго поѣзда? Кровати должны устраиваться по мѣрѣ дѣйствительной въ нихъ надобности. Часовни? Это, конечно, скромные памятники минувшаго событія; но благодарныя молитвословія съ бóльшимъ благолѣпіемъ могутъ совершаться во всѣхъ храмахъ; а деньги расходуемыя на часовни могли быть обращены на улучшеніе положенія сельскаго духовенства. Образованіе фонда для поддержки раззорившихся биржевиковъ, — возмутительно! Это отзывается какой-то насмѣшкой надъ великимъ значеніемъ 17-го Октября. Съ одной стороны—чудо Божіе, съ другой—прогорѣвшіе биржевики.

(Знаю напередъ, что многіе замѣтятъ мнѣ, почему я въ первомъ вступленіи *) не высказалъ вполнѣ все мое внутреннее настроеніе. От-

*) Въ XII-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1888 года.

вѣчаю: не въ силахъ, духъ замираетъ, когда представляешь себѣ предъ глазами мысли все то, что было, и потому невольно приходится раздѣлять свои впечатлѣнія, чтобы уменьшить степень подавляющаго вліянія).

II.

Всѣмъ намъ извѣстно, что каждое лѣто бродячія толпы крестьянскихъ семействъ появляются то въ Оренбургѣ, то въ Баку, то въ Томскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ищутъ свободныхъ земель и, не найдя ихъ, возвращаются пѣшеходомъ домой, прокармливаясь выпрашиваніемъ милостыни и подвергаясь различнымъ болѣзнямъ отъ холода и голода. И все это совершается въ благодатной Россіи, изобилующей громаднымъ количествомъ ненаселенныхъ земель! Здѣсь невольно приходитъ въ голову такое сопоставленіе. Царскій поѣздъ подвергся крушенію отъ несогласованія его движенія съ техническими условіями, а поѣздъ Русскаго жизнетеченія постоянно сбрасываетъ съ рельсовъ жизненнаго пути массу жертвъ въ юдоль бѣдности и отчаянія отъ той же причины, т.-е. отъ несогласованія нашего быта съ экономическими условіями. И это продолжается уже десятки лѣтъ, увеличивая число страдающихъ! И насъ не могутъ подвинуть къ настойчивымъ мѣрамъ благоустройства ни видъ бродячихъ семействъ, ни газетныя статьи, сообщающія печальныя подробности объ этомъ, ни слезы страдающихъ отцевъ и матерей, ни вопль младенцевъ, изнуряемыхъ отсутствіемъ питанія. Но, при всемъ этомъ безчувствіи, мы не можемъ не сознаться, что упрекъ на общественной совѣсти растетъ и одуряетъ нашъ умъ. Наконецъ, пора уже освободить свою совѣсть отъ неумолимыхъ упрековъ и подвинуться къ дѣлу благотворенія во имя прославленія совершившаго 17 Октября чуда. Милосердый Богъ спасъ намъ наше сокровище—нашего Царя, и въ лицѣ его спасъ всю Россію отъ великихъ бѣдъ и напастей. Поставимъ себѣ задачею послѣдовать человѣколюбивому примѣру Царя, ухаживавшаго за ранеными. Исходя изъ этого указанія, поспѣшимъ съ пособіемъ къ людямъ безвинно - искалѣченнымъ экономическимъ крушеніемъ, перевяжемъ ихъ сердечныя раны, удалимъ худосочіе, дадимъ кровъ и хлѣбъ, во славу Бога, сохранившаго намъ нашего Царя.

Окинемъ взоромъ глубокой мысли многознаменательное значеніе Царской трапезы на станціи Лозовой, когда за столомъ сидѣли всѣ сохранившіеся невредимыми при крушеніи Царскаго поѣзда, безъ различія состояній и положеній. Трапеза эта изображала достопамятную минуту въ Русской Исторіи,—минуту поворота къ новому направленію: жить для счастія несчастныхъ, и въ этомъ поворотѣ выразился нашъ

Русскій Царскій соціализмъ. Слѣдуя за этимъ новымъ направленіемъ, мы, нашимъ участіемъ къ горестному положенію безземельныхъ пахарей, должны изобразить особаго свойства Всероссійскій соціализмъ, чуждый разрушительныхъ Европейскихъ стремленій къ недостигаемому равенству, но твердо основанный, въ чувствахъ преданности къ Царю, на Евангельскомъ завѣтѣ: *аще сотворите меньшимъ братьямъ, Мнѣ сотворите и наслѣдуете вѣчный животъ.* Восхитимъ нашими малоцѣнными жертвами въ свое обладаніе наслѣдіе вѣчной радости, пока время не упущено, пока нить нашей жизни не пресѣклась. Оставимъ добрую о себѣ память на Святой Руси въ назиданіе нашимъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ. Ослабимъ грустное воспоминаніе во всей Царской Семьѣ о бывшемъ крушеніи проявленіемъ, со стороны нашей, человѣколюбивыхъ стремленій. Украсимъ наши дни на страницахъ исторіи всеобщимъ движеніемъ на дѣло добра и общей пользы и, говоря сокращеннѣе, пріобрѣтемъ должника—Всемогущаго Бога, вѣруя въ то, что *дающій бѣдному даетъ взаимъ Богу.*

Для возвеличенія Россіи всѣ мы должны стремиться къ тому, чтобы каждый Русскій человѣкъ, посредствомъ посильныхъ приношеній въ пользу безземельныхъ пахарей, имѣлъ своимъ должникомъ Бога-Вседержителя и, тогда Русская жизнь—правительства и народа—руководимая мудростію свыше, озаритъ міръ величіемъ своего благоустройства, основаннаго на началахъ христіанской любви.

III.

Когда современники совершившагося 17 Октября чуда сойдутъ со сцены жизни и закроютъ глаза на вѣчный могильный сонъ, и когда ихъ замѣнитъ новое преемственное поколѣніе: то надобно, чтобы для историческаго достоинства нашихъ дней, предъ глазами нашихъ замѣстителей, въ яркомъ видѣ выступали доказательства нашего стремленія выразить благодарность Богу и преданность Царю. Да, надобно, чтобы будущее поколѣніе могло сказать: были власти и люди, особаго патріотическаго закала, умѣвшіе понять значеніе чудотворенія и засвидѣтельствовать это понятіе не сооруженіемъ рукотворнымъ, а образованіемъ въ Русской жизни довольства и благосостоянія, именно:

Министерство внутреннихъ дѣлъ прекратило возможность самовольнаго подъема малоземельныхъ крестьянъ изъ деревень до указанія переселяющимся опредѣленныхъ пунктовъ ихъ новаго жительства, и чрезъ это устранило дальнѣйшее накопленіе нищихъ. Причемъ подстрекатели и поводыри, вовлекавшіе крестьянъ въ безсмысленное бро-

дяжничество для отысканія земель, были преданы суду и очутились въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Министерство государственныхъ имуществъ съ готовностью предложило пустопорожнія казенныя земли для поселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ и снабдило лѣсомъ на постройку жилищъ. Какая высокая, разумная и отеческая мѣра, основанная на Божественномъ Словѣ, изреченномъ въ первые дни мірозданія: *наслѣдуйте землю и обладайте ею!*

Желѣзнодорожныя и пароходныя сообщенія заботливо перевозили переселяющихся на новыя мѣста безъ всякой платы, а земледѣльческія общества поспѣшно снабжали ихъ пахотными орудіями.

Комитеты для призрѣнія бѣдныхъ и разбора нищихъ нашли возможнымъ многія семейства, усвоившія себѣ въ столицахъ нищенство, какъ промыселъ, водворить въ «Царскія Волости», и такимъ образомъ вывести эти погибающіяся семейства со всѣмъ ихъ будущимъ поколѣніемъ на путь честнаго труда и безбѣднаго довольства во всѣхъ потребностяхъ ихъ домашней жизни.

Но что-же тогда дѣлала печать? О, печать того времени была душою дѣла. Не смотря на неизбѣжныя различія направленій и воззрѣній, всѣ газеты и журналы, по вопросу о пожертвованіяхъ на переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на новыя мѣста, изображали какъ бы одни уста, уста сильнаго добровѣщанія и убѣдительнаго настоянія въ пользу пожертвованій. Всѣ писатели, какъ люди мысли, всегда были болѣе или менѣе дальнозоркими охранителями общихъ Русскихъ интересовъ; но здѣсь они всецѣло соединились подъ общимъ девизомъ: *дадимъ алчущимъ хлѣба!* И, дѣйствительно, дали хлѣба, вызвавъ посредствомъ убѣдительныхъ доводовъ такую массу пожертвованій, которая дала возможность водворить десятки тысячъ малоземельныхъ крестьянъ на новыя плодородныя мѣста съ изобильнымъ надѣломъ ихъ землею. И вотъ всѣ эти благоденствующіе теперь грамотные новосёлы, сознавая значеніе печатнаго слова, вполнѣ понимаютъ, на сколько они обязаны своимъ благоустройствомъ благодѣтельному могуществу этого слова.

Но твердую основу дѣла положили всѣ Русскіе люди: они изобильно, на перерывъ, несли свои денежныя пожертвованія для устройства сельскаго хозяйства людямъ переселяющимся въ мѣста новаго ихъ жительства.

Рядъ этихъ дѣйствій, въ совокупности своей, изображая великое торжество вѣры, надежды и любви, укоренилъ въ сердцѣ каждаго чистое стремленіе къ добру и правдѣ вѣрнѣе всякихъ учебниковъ. Вразумительное вліяніе добрыхъ стремленій, всенародно проявленныхъ,

какъ сильный потокъ, смыло грязь преступныхъ помышленій и намѣреній, такъ что убійства, самоубійства и хищенія утратили свою острую силу, и сердце людское освободилось отъ злыхъ чувствъ досады и зависти.

Преемники нашего земнаго бытія, проѣзжая мимо будущихъ «*Царскихъ Волостей*», вмѣсто нынѣшнихъ изможденныхъ безземельныхъ крестьянъ, узрѣли бы тамъ свѣтлыя и здоровыя лица, увидали бы въ свѣжести этихъ лицъ и во всей ихъ обстановкѣ явственное доказательство того, что Русское народное сердце было способно создать о чудѣ 17 Октября такое воспоминаніе, подъ сѣнію котораго растетъ и крѣпнетъ Святая Русь.

IV.

Россія имѣетъ неоспоримое право похвалиться числомъ существующихъ въ ней учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, и главнѣйше, скоростью, съ которою они возникли.

Сто лѣтъ назадъ, при Екатеринѣ Второй, была устроена въ Петербургѣ первая (Обуховская) больница, а чрезъ 20 лѣтъ послѣ того образовалось въ Россіи, попечительствомъ и заботливостью Императрицы Маріи Ѳеодоровны, такое количество больницъ, которое потребовало для управленія ими учрежденія особаго вѣдомства. Съ тою-же быстротою, во время означеннаго періода, открывались университеты, лицеи, гимназіи и училища техническія, инженерныя, коммерческія и правовѣдѣнія. Затѣмъ образовались отдѣльныя учрежденія повсемѣстныхъ дѣтскихъ пріютовъ, созданныхъ заботливостью и покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны.

При Императорѣ Александрѣ II-мъ являются совершенно новыя учрежденія, по вчинанію Императрицы Маріи Александровны—женскія гимназіи, и въ тоже время, по вчинанію нынѣ царствующаго Государя Императора—домъ призрѣнія для ремесленнаго образованія съ особой женской рукодѣльной школой, и сверхъ того больница для душевнобольныхъ.

Независимо отъ поименованныхъ учрежденій, является опять новое вѣдомство съ самою человѣколюбивою цѣлію, — это учрежденіе «Краснаго Креста».

Затѣмъ, человѣколюбивое стремленіе Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго образовало многія учрежденія для воспитанія, образованія и призрѣнія младенцевъ, юношей и престарѣлыхъ вдовъ, для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, и нѣсколько отдѣльныхъ большихъ больницъ, между которыми самая обширная Сыпная больница.

Вельможи, жившіе въ минувшемъ столѣтнемъ періодѣ, также ознаменовали себя, слѣдуя примѣру царей, благотворительными учрежденіями: въ Москвѣ больницы Шереметевская, Голицынская и другія, въ Петербургѣ Демидовскій домъ призрѣнія и т. п.

Совокупность означенныхъ примѣровъ произвела благодѣтельное подражаніе въ Русскихъ купцахъ. Въ столицахъ и губерніяхъ образовалось столько больницъ и богадѣленъ, что, безъ особыхъ справокъ, по одной лишь памяти, трудно ихъ перечесть. Скажемъ о нѣкоторыхъ: въ Иркутскѣ—Медвѣдниковой, въ Кунгурѣ — Губкина, въ Москвѣ—Бахрушиныхъ, Ермаковыхъ, Хлудовыхъ, и недавно возникшіе клиники В. А. Морозовой, въ Петербургѣ—Герасимова, Солодовникова и Тебенькова и т. д. Если бы кто-либо потрудился написать исторію Русской благотворительности за послѣднія сто лѣтъ, то это составило бы интересную и поучительную книгу. Но этимъ не исчерпывается общее стремленіе къ удовлетворенію человѣческихъ нуждъ. Мы видимъ распространившееся почти по всей Россіи, подъ покровительствомъ благополучно здравствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Общество спасанія на водахъ.

Неужели въ наше время не образуется Общество спасанія крестьянъ-пахарей отъ малоземелья, и неужели бури житейскаго моря, разбивающія въ дребезги правильный ходъ сельской жизни, не вызовутъ участія къ прекращенію бѣдствій?..

Нѣтъ, никакого повода не существуетъ въ возможности сомнѣваться въ широтѣ Русскаго стремленія къ добру; а въ настоящемъ случаѣ, когда помощь принимаетъ значеніе вѣчнаго памятника чудотворенію 17 Октября, тѣмъ болѣе всякое сомнѣніе было бы обидно, какъ для всѣхъ вообще, такъ и отдѣльно для каждаго.

Все, что̀ нами сказано относительно образованія въ Россіи благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, создалось въ теченіи четырехъ царствованій, волею и попеченіемъ Царей. Послѣдователями этихъ благотворныхъ начинаній являлись единичныя личности; но никогда еще вся масса Русскихъ людей самобытно и непринужденно не выражала изъ себя творческой благодѣющей силы. Это время наступило теперь въ настоящемъ случаѣ, когда народная помощь принимаетъ значеніе вѣчнаго памятника чудотворенію 17 Октября. Сомнѣваться въ этой помощи значило бы обидѣть всѣхъ вообще и отдѣльно каждаго. Россія, въ лицѣ ея передовыхъ людей, конечно, докажетъ, что путь цивилизаціи, по которому мы несомнѣнно двигались впередъ, не изсушилъ Русскаго сердца и не сдѣлалъ его черствѣе сердца нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, умѣвшихъ отдѣлять часть своего достоянія на дѣла народной благотворительности.

V.

Люди, проходящіе путь жизни нерѣшительными и робкими шагами, конечно, скажутъ, что обращеніе малоземельныхъ крестьянъ къ многоземельному владѣнію требуетъ большихъ капиталовъ, которыхъ у насъ нѣтъ; равно нѣтъ и подготовительнаго образованія какъ приняться за устройство хозяйства въ новыхъ пунктахъ крестьянскаго поселенія. По моему мнѣнію, сила не въ капиталахъ и не въ спеціальномъ образованіи, которое придетъ въ свое время само собою. Теперь вопросъ состоитъ въ потребности доставить малоземельникамъ хлѣбъ насущный, и къ достиженію этого ведетъ другая сила, по выраженію М. П. Погодина: «сила не въ силѣ, а сила—въ любви». Правда, у насъ мало людей, владѣющихъ громадными капиталами; но за то у насъ, сравнительно съ Европой, въ противоположность ей, очень мало и такихъ людей, которые не знаютъ гдѣ они завтра могутъ приклонить голову. Не обращая вниманія на устройство малоземельныхъ крестьянъ и не отдавая въ ихъ обладаніе пустопорожнихъ казенныхъ земель, мы, конечно, усердно распложаемъ количество безпомощныхъ людей. Еслибы мы, поощряемые силою любви, отъ нашихъ умѣренныхъ средствъ отдѣлили почти незамѣтныя для насъ самихъ крохи, то при общей массѣ ихъ составился бы громадный капиталъ. И такъ, для успѣха въ составленіи этого капитала нужно одно, чтобы Богъ расширилъ наше сердце, и тогда при этомъ расширеніи сами собою исчезнутъ всякія затрудненія.

Представимъ себѣ, въ краткихъ цифрахъ, итогъ дѣйствій расширеннаго Русскаго сердца. Россія проживаетъ въ годъ (считать на каждаго 30 к. въ день) болѣе 10 милліардовъ. Еслибы всѣ Русскіе люди дали по копѣйкѣ съ своего прожитка за одинъ годъ, тогда бы общій итогъ пожертвованій составилъ 100 милліоновъ, съ которыхъ, при обращеніи ихъ въ % бумаги, получалось бы 5 милліоновъ ежегодно, и это дало бы возможность, при выдачѣ на каждое семейство по 300 р., переселять ежегодно изъ малоземельныхъ деревень на новыя мѣста болѣе 16.000 семействъ. При этомъ перемѣщеніи, 16.000 семей, получивъ вновь устроенный бытъ, наслаждались бы полнымъ довольствомъ; а тѣ деревни, откуда выбыли люди для переселенія, почувствовали бы себя гораздо изобильнѣе и счастлинѣе, потому что земли переселяющихся сдѣлались бы принадлежностью остающихся на своихъ мѣстахъ крестьянъ. Но разумѣется, нечего и думать о томъ, чтобы вся Россія могла быть объята сердечнымъ порывомъ; нечего думать не потому, чтобы не нашлось сочувствія, а по невозможности до того распространить мысль объ увѣковѣченіи чуда 17 Октября, чтобы каждый могъ это знать и вѣдать. Но

если, положимъ не вся Россія, а только $^1/_{10}$ часть, при содѣйствіи печатнаго слова, внѣдритъ въ свое сердце порывъ человѣколюбія и уразумѣетъ общую пользу надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей; то и тогда количество переселяющихся будетъ составлять каждогодно 1600 семействъ, которыя освободятся отъ гнета безземельности и перейдутъ на путь сельскаго довольства.

Заключеніе.

Боже Праведный! Просвѣти разумъ всѣхъ Русскихъ людей, славящихъ, по обрядамъ и завѣтамъ своихъ предковъ, Твое Святое Имя, и силою безпредѣльной бездны Твоего милосердія очисти бездну нашихъ скверныхъ дѣяній и помышленій!

Боже праведный! Оживи и пополни наши сердца чувствомъ горячей вѣры въ Тебя, и сей даръ Тобою намъ данный пріими отъ насъ, какъ приношеніе нашего къ Тебѣ стремленія.

Святая церковь возглашаетъ тоже самое въ сокращенныхъ словахъ: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще». Но въ это священно-таинственное приношеніе потребно каждому вложить хоть каплю собственнаго стремленія къ Богу выраженіемъ любви къ ближнему и, тогда все доброе и возвышенное, внушенное намъ свыше, Всемогущій Богъ пріемлетъ, какъ даръ всецѣло отъ насъ исходящій. И вотъ эта-то капля да будетъ та копѣйка, которую ожидаютъ отъ насъ наши братья безземельные и мало-земельные земледѣльцы, не могущіе продолжать своего существованія безъ переселенія на новыя мѣста.

Окончимъ краткимъ очертаніемъ проявленій, окружающихъ теперь Русскую жизнь, именно: чудо Божіе у всѣхъ передъ глазами, потребность воспрославить и увѣковѣчить его лежитъ у всѣхъ на совѣсти; но гдѣже средства для исполненія такого священнаго Всероссійскаго долга? Отвѣтъ: въ самой совѣсти Русскихъ людей, въ самой глубинѣ ихъ сердечныхъ помышленій. И такимъ образомъ все сводится къ тому, что рѣшеніе вопроса поступаетъ въ народную совѣсть двухъ направленій: братолюбцевъ и каменно-сердечныхъ. Для тѣхъ и другихъ ясные приговоры изглаголаны въ Святомъ Евангеліи:

Братолюбцамъ: «*Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе*».

Каменно-сердечнымъ: «*Отъидите отъ Меня проклятіи*» и прочіе грозные глаголы.

«*Имѣяй уши слышати—да слышитъ*».

12 Декабря 1888 г. С.-Петербургъ.

В. Кокоревъ.

*

Желая, чтобы свѣдѣніе о столь полезномъ для народной жизни предложеніи В. А. Кокорева получило наивозможно-большее распространеніе, „Русскій Архивъ“ предлагаетъ повременнымъ изданіямъ перепечатать эту статью. Самъ же онъ счастливъ, что эти мысли, указующія путь къ благоустройству, впервыя оглашаются на его страницахъ, отмѣчая собою великое событіе нашей исторіи, смыслъ котораго живѣе и чувствительнѣе при знакомствѣ съ прошедшими судьбами нашего отечества и на которое не можетъ не отозваться Русское сердце (въ какую старину ни зарывайся).

П. Б.

„НЕДѢЛЯ“.

«НЕДѢЛЯ» состоитъ изъ *двухъ* изданій: *газеты*, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ) и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

ЦѢНА *обоихъ изданій* «НЕДѢЛИ», то-есть газеты и ежемѣсячныхъ книжекъ—**девять рублей** въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

Въ уплатѣ этой суммы допускается и *разсрочка* на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., а къ 1-му Іюня остальные 4 рубля.

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ „НЕДѢЛИ“ въ 1889 г. ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», Ивановская, 2.

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

1839 г. **L.** **1889 г.**

50-ЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ

МУЗЫКАЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„НУВЕЛЛИСТЪ“.

ПРЕМІЯ

ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА.

Эта премія будетъ состоять **изъ большаго художественнаго альбома**, въ которомъ будутъ помѣщены **автографы знаменитыхъ музыкантовъ, наброски извѣстныхъ художниковъ и портреты выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.**

Подписная цѣна 5 руб., съ доставкою и пересылкою 6 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ **«Нувеллиста»** при музык. торговлѣ **М. БЕРНАДРА**, Невскій пр. № 64, уголъ Караванной ул., противъ Аничкина дворца. Въ Москвѣ, въ муз. магаз. П. И. ЮРГЕНСОНА.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ" выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива" 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива" имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива". Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива" ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.** Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ" 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**